

Рустам Рустамов

ПАДЕНИЕ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ
(издание дополненное, переработанное)

ТОМ 2

СУПЕР Издательство
Санкт-Петербург
2021

УДК 82-311.2
ББК 84стд1-449
Р89

Редактор: О. Варваркина
Корректор: В. Егорова
Оригинал-макет: Т. Кохан
Обложка: И. Фамилия

Рустамов Р.

Р89 ПАДЕНИЕ: роман в двух томах. / Рустам Рустамов. — Санкт-Петербург: СУПЕР Издательство, 2021. — 324 с.

Во второй части романа мы встречаемся с теми же героями, и получают дальнейшее развитие события, развернувшиеся в первой части. Герои пытаются противостоять сложным жизненным ситуациям, вставшим перед ними, прослеживается, как происходящие вокруг события влияют на их жизненные принципы.

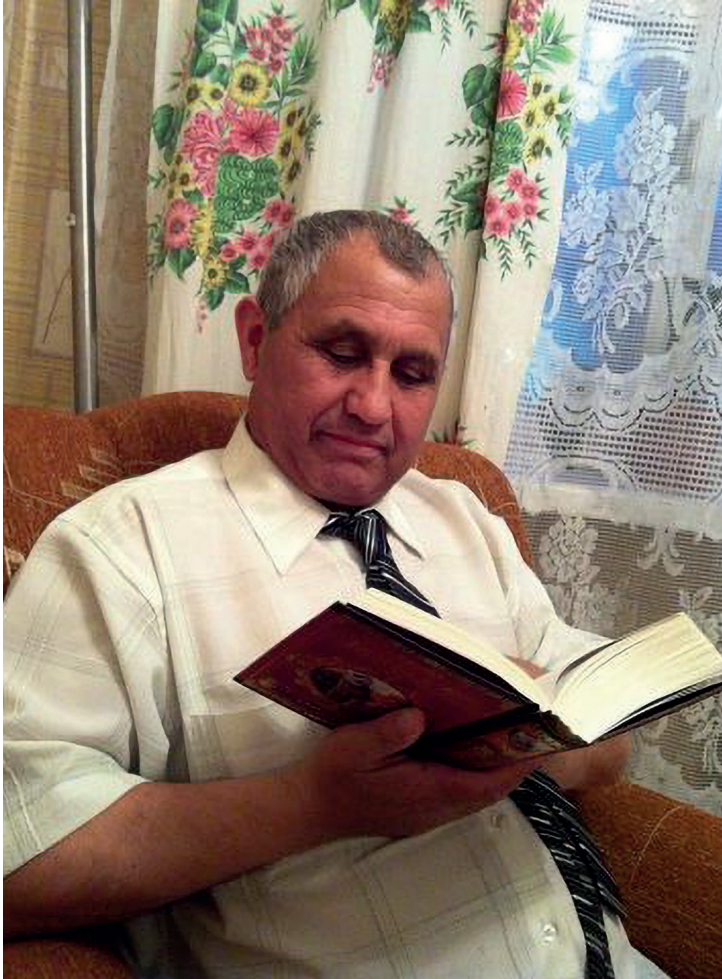
www.super-izdatelstvo.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

ISBN978-5-9965-1821-0

© Рустам Рустамов 2021
© СУПЕР Издательство, 2021

Посвящается
живущим в памяти моей

Нагерме

TOM 2

Глава сорок первая

НОВЫЕ ЛИЦА, НОВЫЕ ЗНАКОМСТВА, КУХОННЫЕ ДИССИДЕНТЫ, ИНАКОМЫСЛЯЩИЕ

Ревана приняли на второй курс, и, можно сказать, не испытывая никаких трудностей, вписался в новый, точнее, параллельный коллектив. Как правило, в каждом коллективе есть что-то, чего нет в другом. В этом плане ему повезло: одновременно состоял в двух отличающихся друг от друга коллективах, было что и с чем сравнить. Раскованность в суждениях и открытое высказывание по вопросам окружающего мира ему, конечно же, импонировали. Здесь впервые вступил в разговоры о диссидентах, или как еще их называли – «инакомыслящих».

Поначалу ко всему этому относился настороженно, но постепенно привыкал он, и привыкали к нему; начал вступать в дискуссии по актуальным вопросам того времени и через короткое время стал одним из кухонных диссидентов. Для образованных людей того времени домашняя кухня была центром дискуссий. Естественно, его приглашали новые друзья в гости, или же собирались по различным поводам, здесь происходило изучение обратной стороны жизни. На одной из таких вечеринок пошел разговор о самиздате. Самиздат – это такое явление,

когда произведения каких-нибудь авторов не то что не издавались, об этом даже говорить было нельзя, и тогда отдельные энтузиасты находили способы издавать то или иное произведение, нередко просто печатали на пишущей машинке. Такие общения не проходили для нашего героя бесследно, все отчетливее и чаще вспоминал прочитанное у учителя и услышанное от взрослых и сравнивал это с тем, что видел далеко за пределами своего родного Алтычая.

Твердо усвоил главный принцип своего времени: «Слышим одно, говорим другое, делаем третье». Конечно, ему было невыносимо тяжело руководствоваться этими принципами. Всячески старался сохранить себя, однако всю жизнь плыть против течения под силу не каждому. Брожение в умах шло не только в среде гражданских, оно доходило и до военных.

Вскоре всех в армии и на флоте всколыхнула весть о летчике-перебежчике. Было это как раз на Дальнем Востоке, в одной из частей морской авиации; один летчик на самом современном самолете-истребителе того времени улетел в Японию и сдался в плен, затем его забрали американцы. Немного погодя произошло не менее важное событие. Полковник из ГРУ сбежал в Англию. Другой еще куда-то; одним словом, швы железного занавеса начали давать трещины.

Нашло это свое отражение также и в той воинской части, где служил наш герой. Прибыли туда два молодых и довольно интеллектуальных лейтенанта после Ленинградского Высшего военно-морского училища имени Попова. Ребята на следующий же день по прибытию заявили о своем нежелании служить. Оба они подружились с нашим героем, поделились своим «горем», и тот любезно поделился с ними своим богатым опытом – сразу объяснил им, что разыгрывать из себя офицера-алкаша не стоит: и перспективы нет, и позора много, потому как начальник политотдела центра капитан первого ранга Сулженко Петр Андреевич

своими душеспасительными беседами все мозги вынесет (знал по собственному опыту), и в конечном итоге это может привести к тому, что они останутся служить. Потому следует действовать решительно, то есть бросить эти детские игры – обращения по инстанциям, снизу до верха, а надо начинать сверху, поскольку камень, когда начнет скатываться вниз, обязательно их вынесет. Что они и сделали.

Однако взяли не слишком высоко: написали только командующему флотом личное письмо. Как и предполагалось, письмо покатилося вниз и остановилось у Петра Андреевича. После двух или трех душевных бесед у ребят возникли сомнения относительно затеянного дела. Наш герой выслушал их и изрек:

– Ребята, если вы действительно хотите уволиться, должны поступать, как я говорю, или же делайте, как хотите. Переводитесь, но будьте уверены: там есть свой Петр Андреевич, так и будете маяться.

– Что нам делать? – спросили они тогда в один голос.

– Я уже вам сказал, пишите выше, не какому-то командующему, а председателю Совета обороны, дорогому товарищу Леониду Ильичу. – При этих словах у ребят расширились зрачки.

– Подскажи хоть, как начинать, – почти хором спросили они.

– Начнете таким образом: «Председателю Совета обороны СССР, товарищу такому-то», а дальше должно продолжаться: «Дорогой Леонид Ильич...» – и далее суть вашего заявления.

Не прошло и двух недель, как эти два лейтенанта получили приказ об увольнении. Отметим, что ребята оказались славными, нашего героя поили коньяком целых три дня. Жизнь текла своим обычным ходом: служба, учеба, там и там в определенных ситуациях разговоры о советской действительности, в институте раскованно, а в части – с оглядкой, все-таки замполит по кличке Барбос везде ходил, вынюхивал.

Каждый понедельник шли занятия по политической подготовке по всему флоту. Одно занятие в месяц было общее для соединений; проводил его, как правило, начальник политотдела вышестоящей инстанции. На одном из них наш герой отличился, можно сказать, публично. Вел занятие уже известный нам Петр Андреевич, рассказывал что-то о роли комиссаров в годы гражданской войны и в дальнейшей жизни страны. Наш герой, как часто бывало в школе (также и в институте), с места выкинул реплику:

– Между прочим, комиссар с персидского переводится как «головная боль».

В зале недолго возникла абсолютная тишина, и вдруг взрыв смеха. Сначала не совсем понял, почему же все смеются, но быстро осознал, однако было поздно – как говорят, язык опередил мозги; но Петр Андреевич не был бы начальником политотдела, если бы не вышел из ситуации: абсолютно невозмутимо вставил эту реплику в свой разговор так, как будто сам хотел об этом говорить, только его опередил невоспитанный ученик.

– Да, совершенно верно заметил товарищ мичман, комиссары действительно были головной болью врагов революции и социалистического строительства.

Все затихли и продолжали слушать. Что характерно, Петр Андреевич и после занятий ничего не сказал нашему герою. Видимо, посчитал, что не стоит заострять внимания, и это было правильно.

Все происходящее вокруг: бегство разных полковников, угон самолета, убедительные доводы знакомых лейтенантов при увольнении и относительно вольные беседы и обсуждения в институте – не могло не производить впечатления на нашего героя. В это же время произошло в части еще одно не менее знаменательное событие. Во время дальнего похода с одного из кораблей бригады четверо матросов совершили побег. Спустили на воду спасательную шлюпку и пытались доплыть до одной

из американских баз на Тихом океане, однако, не успели, были обнаружены и арестованы на полпути. Доставили их на берег, затем передали суду военного трибунала.

Как мы помним, наш вояка в свое время тоже хотел увольняться, но повод у него был простой – учиться; теперь он учился, а желание осталось, только теперь с неполненным содержанием.

В голове начали проявляться нездоровые мысли: уже достаточно был наслышан о писателях-диссидентах, или «инакомыслящих». Сам начал подумывать о том, как бы тихо и мирно «свалить» в какую-нибудь страну и жить своей жизнью, работать и играть в свое удовольствие в шахматы. Конечно, на первый взгляд, все у него было: служба (вместо работы вполне сойдет), учеба и, конечно же, любимое занятие – шахматы – никто ему не запрещал. Однако понимал, что этого мало, нужна свобода духа, чтобы никто даже не мог помышлять о запрете чего бы то ни было, конечно, имея в виду чтение книг, или просмотр фильмов, или открытое обсуждение политических вопросов.

Его коробило от слова «инакомыслящий», задавал себе вопрос: «Почему мыслить по-своему, то есть отлично от других, – это политическая неблагонадежность?»

Конечно, прекрасно понимал: чтобы валить, надо что-то иметь в плане денег, или обладать какой-нибудь сверхсовременной, технической информацией. Ничего этого у него не было; деньги не водились отродясь, а техническая информация, которой обладал, была не то что вчерашнего, а позавчерашнего уровня. Допотопная техника, которую он ремонтировал и устанавливал на кораблях, никакого интереса не представляла по сравнению с той, имеющейся за бугром, о которой слышал от институтских ребят и читал в технических журналах.

Его вводила в ступор военная и политическая истерия, нагнетаемая на каждом шагу. Основу военной доктрины составлял главный лозунг того времени: «Военная

опасность на западе сохраняется, а на востоке возрастает», имея в виду под востоком Китай, с которым в то время Советский Союз был «на ножах». На политзанятиях замполиты разных уровней долдонили о том, как весь мир хочет уничтожить и поглотить миролюбивый Советский Союз и не только его, также и его союзников по социалистическому лагерю.

Он понял: нужно обладать такой информацией, которая могла бы заинтересовать соответствующие службы любого иностранного государства. Таковой могла быть только информация о разведке и контрразведке; хотя и служил в бригаде кораблей технической разведки, его знания в этой области носили чисто технический характер, но не оперативный.

Долго думал, что бы такое сделать, чтобы получить доступ к интересным материалам. Вспомнил разговор с Витей Мельниковым о вступлении в партию, чтобы заслужить большее доверие, и вскоре обратился в первичную парторганизацию с заявлением о приеме в ряды кандидатов в члены КПСС; прошло не более двух месяцев, как он стал кандидатом, первый шаг был сделан, о моральной стороне своего поступка старался не думать, ибо уже научился правилу: «Цель оправдывает средства».

Иногда, оставаясь один с самим собой, пытался находить причины внутреннего противопоставления себя существующей идеологии и легко находил; немалую роль в этом сыграла его дружба с однокурсником из западной Украины, Рещенко Анатолием. Дело в том, что тот тоже после учебы был направлен на Тихоокеанский флот, и они регулярно общались. По мере усиления доверия, тот все больше и больше рассказывал из украинской истории, в частности о союзе СССР и Германии по разделу Польши и присоединении Западной Украины, Белоруссии, Бессарабии и Прибалтики к Советскому Союзу. Особое впечатление на него произвел рассказ друга о голоде тридцатых годов в Украине и в Белоруссии, который

был устроен, как говорил друг, умышленно руководством центральной власти. С его слов было ясно, что в те годы умерли от голода около шести миллионов человек. Тогда же приоткрылась завеса тайны событий пятьдесят шестого года в Венгрии и шестьдесят восьмого года в Чехословакии. Конечно, все эти «исторические открытия» не могли не производить на него нужного впечатления.

Для него стало открытием еще то, что народы из присоединенных республик массово переселялись в районы Сибири и средней Азии. К этому времени ему было известно только о регулярном, плановом выселении азербайджанцев из Армении.

Стал глубже интересоваться этой историей и выяснил для себя массу интересных фактов о выселении народов Кавказа и Крыма в годы войны и после. Конечно, в свое время читал из записей учителя о выселении кавказских народов в восемнадцатом и девятнадцатом веках из Кавказа. Знал, что черкесов как народ стерли с лица Кавказа, знал также о трагедии других адыгских народов. Но для него это было историей, никак не мог думать, что это целенаправленная политика, независимая от времени и от того, чья власть в Москве – царя или генерального секретаря.

Политика грабежа духовных и материальных ценностей оставалась неизменной, разве что не навязывали насильственную христианизацию, но ее заменила коммунистическая идеология, которая опутывала все, всех и везде и навязывалась не менее насильственно, чем ислам.

У него в сознании возникал совсем другой образ братского союза республик равных; теперь понимал, что отношение империи к Украине (также и к другим, за исключением Армении) не особо отличается от отношения к Азербайджану. Для себя вывел формулу: «У империи есть только интересы, друзей у нее не может быть». Со своей стороны, делился с другом тем, что знал сам, рассказывал то, что читал в записях учителя.

Их общение на исторические темы приводило к взаимному взвинчиванию и враждебности к коммунизму, кроме того, происходило еще падение уровня доверия у других людей к идее коммунизма вообще. Начали гулять политические анекдоты.

Легкий ветерок брожения в умах, постепенно усиливаясь, раскачивал огромное дерево, и они понимали, что рано или поздно это дерево рухнет. Конечно же, Рещенко не одобрял вступление друга в ряды КПСС, но смирился и всегда выражал недоумение, порой называл его проходимцем, который говорит одно и при этом поступает против своих убеждений. Но у друга был свой план, которым он не делился и не собирался делать этого, по крайней мере, пока не собирался. «Придет время, там посмотрим; в подобных вопросах легкомысленная доверчивость к хорошему не приведет. Сказать всегда успею, а вот сказанное назад не вернешь», – твердил самому себе.

Глава сорок вторая

«НАКОНЕЦ-ТО МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ», –
СКАЗАЛ ОДИН.
«ТО ЛИ РАДОВАТЬСЯ, ТО ЛИ ОГОРЧАТЬСЯ», –
ПОДУМАЛ ДРУГОЙ

Был обеденный перерыв; Реван сидел в Ленинской комнате, разбирал какую-то шахматную позицию и был настолько увлечен, что не заметил, как к его столу подошел лейтенант:

– Здравствуйте, как успехи?

Повернулся к голосу и увидел лейтенанта-особиста, с которым пересекался в прошлом, когда устроил пальбу из пистолета в новогоднюю ночь.

– Добрый день, товарищ лейтенант, вроде ничего, у черных шансы на ничью есть.

– Ладно, брось ты, меня Анатолием зовут, если интересно, фамилия Стропин. Можешь не представляться, знаю, как тебя зовут: и фамилию, и отчество.

– Не может быть, я думал, ничего не знаете, хотел представиться, – проявляя выходящее за пределы удивление, ответил он.

– Как успехи на шахматном фронте? – спросил лейтенант, «не замечая» его тона.

– Да ничего вроде, только серьезно заниматься времени нет, – («К чему ты клонишь, голубчик, не к добру

все это любопытство», – подумал про себя), учеба, служба некогда, так, иногда сядешь между делом, а шахматы любят основательность. Знаете, кто-то из умных говорил: «Игра в шахматы – это жизнь». Только не помню кто. В самом деле, так и есть, в жизни тоже поступаем так или иначе при множестве выбора, как в шахматах делаем ход, потом же осознаем, что неправильный ход сделали, но – увы, уже поздно.

– А ты неправильные ходы часто делаешь, когда играешь в парке, скажем помягче, как ваши выражаются, на интерес?

«Ах вот оно что! Оказывается, «друг» в курсе всего, в самом деле. Так, так... Как поступить? Отнекиваться смысла нет, наверняка знает досконально. Ну что же, пойдём на «открытый гамбит»: принимаем игру противника, пусть бросает в атаку все резервы, отобьемся!» – подумал и...

– Видите ли, товарищ лейтенант, если будешь делать неправильные ходы часто, тогда не выиграешь, потому стараешься как можно точнее играть. Бывает такое, что ты сыграл прямо мастерски, как тебе кажется, но потом обнаруживаешь, что противник не заметил твоего промаха или не нашел верного продолжения, потому ты выиграл. Честное слово, такие победы меня огорчают больше, чем нормальные проигрыши. Тут в полном объеме действует закон диалектики, по крайней мере, для меня. Знаете, Анатолий, – это уже было начало контратаки, – в таких случаях я деньги не беру, в крайнем случае, берем бутылку, вместе идем в пельменную, там рядом, и распиваем на двоих. Вот так вот. А что плохого, если я играю на деньги?

– Это получается азартная игра, если играешь на интерес, а они у нас запрещены, тем более ты военный человек.

– Странно, я же не ставлю на интерес военную тайну, вы бы уже давно знали, если что. Потом, знаете, я ищу истину в шахматах, не важно, выигрываю или проигрываю.

Для этого надо играть с сильными игроками, а те только на интерес играют. Еще один момент: если кто из игроков потребует, чтобы я на кон поставил военную тайну, я потребую взамен, чтобы тот поставил причину своего интереса к военным делам, а тут начнется твоя работа, действуй и готовь новые погоны. Улавливаешь? Так что, лейтенант, не переживай за военную тайну, раскроешь целую шпионскую сеть, меня оформишь пособником всемирного империализма, и пойдет служба в гору.

Лейтенант засмеялся и продолжил:

– Так и быть, тебя оформим как своего человека, внедренного в логово врага, надеюсь, ты нам поможешь до конца.

Он тоже посмеялся и сказал:

– Слушайте, лейтенант, я не знаю, где ты шутишь, – умышленно то на «ты», то на «вы», – а где говоришь серьезно, я в эти дела не играю.

– Ладно, давай о шахматах. Каким образом вы ищете истину, проигрывая или выигрывая? – лейтенант тоже говорит иногда «ты», иногда «вы», видимо, та же самая игра.

– Здесь, как и в жизни, я уже говорил, встаешь на путь истины, опровергая чужую правду и отвергая свою, то есть признавая ошибочность своей правды.

– Как понять: ошибочность правды?

– Правда у каждого своя, и она относительна.

– То есть то, что является правдой сегодня, может оказаться неправдой завтра!

– Да, именно так, и сила человека, группы людей и общества в целом заключается в том, чтобы уметь признавать ошибочность своей правды. Но, к сожалению, так почти не бывает, все доказывают свою правду физической силой, доходя при этом даже до взаимного уничтожения.

– Интересно рассуждаете, пример можете привести?

– Все войны, о которых мы знаем и еще больше не знаем, и есть пример. Каждый доказывает свою правду, более того – навязывает ее другому. В принципе,

можно жить мирно, каждый со своей правдой, не навязывая ее другому, и так совместно идти к истине. Ведь истина – это вечное совершенствование, у него нет предела. Как только начинается насаждение, это приводит к войне. Возьмем, к примеру, арабов. Они распространяли ислам силой меча, – он сознательно повел разговор об исламе, хотя очень хотелось говорить о социалистическом лагере, – не только захватывали страны, но и народы обращали в свою религию, а потом утверждали, что истина в исламе. Вообще, честно говоря, это относится не только к исламу, то же самое делало христианство, – уже теплее, еще немного – и скажет о коммунизме.

– И которая из них есть истина? Христианство или ислам?

– Выделять только эти две религии и тем более противопоставлять их не совсем правильно. И до них были религиозные мировоззрения. Они все ступеньки одной лестницы для движения ввысь, к истине; только, к сожалению, люди искажают суть этого, разрывая лестницу.

– Судя по вашим словам, возникнет еще одна вера?

– Если вы имеете в виду религию новую, то не знаю, а вера уже возникла – коммунизм. Люди же верят в него, значит, уже возникла, живет и тоже является ступенькой.

– То есть как понять: вера есть, а религии нет?

– Да, так и есть, сначала пробуждается вера, затем в зависимости от исторических обстоятельств она может перерасти в религию.

– Что за исторические обстоятельства?

– Основной показатель здесь – количество верующих, притом искренне верующих. Ведь можно и прикинуться верующим, – не себя ли имел в виду, – в силу каких-то причин, а сознанием противиться, не иметь этой веры. Если вера начинает действовать на подсознательном уровне, значит, религия родилась.

– Можно спросить, что вы имели в виду, говоря о войнах, о которых мы не знаем?

– Товарищ лейтенант, это те войны, о которых, например, вы знаете, или читали где, или слышали, а я нет – не читал и не слышал.

Они друг друга поняли, но сделали вид, что в последнем предложении ничего не было скрыто.

– Понятно, спасибо за общение, приятно было познакомиться с вами. Интересная точка зрения у вас. Будет время, мы еще пообщаемся, надеюсь, вы не будете против.

– Нет, нет, что вы, – сказал он улыбаясь и при этом подумал: «Глаза бы мои тебя не видели».

Лейтенант попрощался за руку и ушел. Глядя ему вслед, наш герой задумался и надолго: «К чему бы это? Неспроста лейтенант соловьем заливался; ладно, поживем – увидим. Может, использовать этот шанс, чем не вариант? Переходить туда служить, а потом при первом удобном случае мотануть за бугор», – сказал сам себе, но тут же отогнал эту шальную мысль в дальние углы подсознания.

Оставшись наедине с собой, продолжал развивать свою мысль, которую не договорил лейтенанту (это может быть опасным для здоровья). «Действительно, коммунистическое учение по своей сути роднится как с христианством, так и с исламом. Они обещают рай после смерти, а эти – коммунизм, в принципе тот же рай, только при жизни. Дождешься ты или не дождешься – это пока большого значения не имеет. Самое главное для проповедника, что коммунистического толка, что религиозного, – чтобы поверили люди, даже черт с ним – с их искренностью в вере, важно, чтобы шли за тобой; если идут за тобой, значит, ты сила, точнее, сила в тебе. Если есть сила, можно заставить и других идти за собой или, по крайней мере, не мешать твоему продвижению. Вот это и есть главная составляющая существования как религий разных направлений, так и коммунистического учения. Нет, уважаемый, силой можно только сломать, но не убедить. Убеждает только разум», – заключил свои мысли.

Глава сорок третья

СОН

Орхан Вересли сегодня был не в духе. Не то чтобы болел, нет, просто ничего не хотелось делать. Придя с работы, прилег на диван, чтобы немного отдохнуть, погрузился в раздумья. «Может, пора обзавестись семьей?» – подумал про себя. Почему бы нет, вон сколько девчонок, одна красивее другой. Можно даже взять из старшекурсниц. Ни в коем разе, они все азербайджанки, моей женой будет только христианка, лучше бы, конечно, армянка. Посмотрим.

Вообще-то, и без раздумий о женитьбе, часто вспоминал Галину, учительницу истории одной из московских школ. Она была коренной москвичкой, окончила университет. С ней познакомился во время очередных сборов писателей в Москве два года назад. После регулярно звонили друг другу, и даже прошлым летом та гостила у него. Да, она самостоятельна и очень доброжелательна, почему бы и нет? Вот позвоню, приглашу в гости и тут ей предложу замужество. Тем более, когда в последний раз позвонил ей, в принципе была не против приехать к нему и в этом году.

С этими мыслями он погрузился в глубокий сон, и...

Впереди шла женщина, держа на плече полный сенек (медный сосуд для воды наподобие кувшина, объемом

около двадцати литров), а за ней на небольшом расстоянии бежал мальчишка трех-четырёх лет и плакал:

– Мама, я пить хочу, дай попить.

Она через каждые пять-шесть шагов поворачивалась к нему и с грустной улыбкой говорила:

– Потерпи, дойдем до дома, не из чего, не будешь же из горла сенека пить.

– Буду, буду, – кричал он, – я сгорю, пить хочу!

Женщина не выдержала, поставила сенок на большой камень у дороги, вытащила затычку из горловины и позвала:

– Ладно, иди пей, уже устала от твоих слез.

Он подбежал к ней, схватил за горловину сенок и потянул на себя. Хотя мама и успела схватить сенок, но все равно вода выплеснулась и полилась ему за шиворот – оба посмеялись. Напившись воды, довольный, прижался к маме и сказал:

– Давай немного постоим, мы устали.

Когда посмотрел на небо, увидел большую черную птицу. Спросил, что за птица, на что мама ответила:

– Черный ворон.

Постояв немного, направились к дому, мальчик бежал впереди, мама шла сзади. Неожиданно кружившая на небе птица резко полетела вниз, крылом коснулась его правого плеча и взметнулась вверх. Все произошло так неожиданно, что даже не успел испугаться. Мама остановилась, поставила сенок, прижала его к себе и что-то про себя начала шептать. В конце она отчетливо сказала: «Господи, защити моего ребенка от злых, темных сил, пусть встретятся ему на пути только хорошие люди», – и поиграла с ним в игру «Забодаю, забодаю». Сложила большой, указательный и средний палец правой руки, коснулась его лба, затем руку приложила к середине груди, к солнечному сплетению, а после – к левой и правой груди. И так три раза, и снова что-то прошептала. Когда она это делала, он громко хохотал, потому что эту игру очень любил. А потом, когда снова пошли, мама добавила:

– Надо сходить к тете Асмар, пусть заговорит от порчи, ворон – нехорошая птица.

Потом увидел себя уже достаточно взрослого и тоже с мамой, хотел подойти к ней, но та сделала шаг от него, не давала приблизиться, хотел ей что-то сказать, однако она начала говорить сама:

– Береги себя, сынок, будь внимателен с людьми, не подведи папу. Папа тебя очень любил.

Хотел снова подойти к маме, но она исчезла, словно растворилась в темноте.

Проснулся, посмотрел по сторонам, сообразил, что все это был сон.

– Надо же сниться такому кошмару! – сказал вслух, оглянулся и добавил: – Что же ты хотел? Если подушкой тебе будет подлокотник дивана, еще и не то приснится!

Немного придя в себя, начал в деталях вспоминать сон и по-своему толковать его. Его вдруг осенило: «Господи, мама же меня крестила во сне, я этого раньше не понимал, вот оно что, и предупреждала насчет людей, окружающих меня; ну что же, все прекрасно, меня окружают отличные друзья. Вот только непонятно, что хотела сказать, приплетая папу? Я его не помню, у меня есть дядя Мелкон, дай Бог ему здоровья».

Посмотрел на часы, было ровно одиннадцать. «Нормально, в Москве только десять, еще не поздно, сейчас же ей позвоню и скажу все». Подошел к телефонному аппарату, поднял трубку и набрал межгород. Когда ответила оператор, назвал московский номер. Не прошло и десяти минут, как его соединили с Москвой. После горячих приветствий, нескольких дежурных фраз сказал:

– Галя, собери все свои вещи, предупреди родителей, что переезжаешь жить ко мне, свадьбу сыграем здесь. У тебя неделя на все сборы, в следующую пятницу жду. Когда купишь билет, позвони, скажи номер рейса – встречу.

На том конце возникла тишина; она некоторое время не могла понять, он это серьезно говорит или

шутит, через некоторое время только смогла выдавить из себя:

– Алик, ты серьезно, не шутишь? Ведь я могу и поверить!

Как спланировал, все так и прошло. Через неделю уже стал семейным человеком, взял недельный отпуск (это было сделать легко: шло лето, студенты были на каникулах), с женой поехали на машине путешествовать по районам Азербайджана. Когда вышел на работу, не увидел на привычном месте секретаршу Гюльшен «Длинный язык», сказали, что уволилась как неделю и никто не знает причины.

Может, никто и не знал, но он догадывался.

Позвонил Зордан, поздравил от себя и от товарищей, сообщил печальную весть о кончине дяди Мелкона на прошлой неделе, как раз в день его свадьбы. Подробно рассказал, с какими почестями хоронили его: приезжал лично второй секретарь Пашина и другие государственные деятели Армении.

Он ему ничего не отвечал, молча слушал и долго не мог положить трубку, после того как Зордан закончил разговор.

«Вот тебе, как говорят, и сон в руку! Коснувшись меня, черный ворон передал недобрую весть, и что получается? Мой друг и есть тот черный ворон. Нет, не может быть, Зордан не черный ворон».

Зашла к нему жена, невольно оторвался от тяжелых мыслей.

– Алик, родной, что случилось, на тебе лица нет!

– Ничего, дорогая, все в порядке, – почему-то в одно мгновение сообразил, что не стоит ей говорить. – Друг звонил, там у его близкого приятеля умер отец, вот и передалось мне его настроение.

– Не расстраивайся, что делать, таков закон жизни. Когда умер? Хочешь, поезжай ты или поедем вместе? – Высоко оценил свою сообразительность: если бы говорил правду, испортил бы все, обязательно настояла бы на поездке, а после в одну секунду весь город знал бы, кто его дядя.

– Спасибо, родная, конечно, что-нибудь придумаем или поедем на сорок дней или на годину. Может, я денег отправлю другу, и тот передаст от моего имени.

– Хорошо, как ты решишь, так и будет.

Она посмотрела на него и прижалась к нему. В ее глазах увидел глубокую нежность, верность и желание любви. Крепко обнял ее и поцеловал.

Все шло по намеченному, каждый месяц, как зональный ответственный тайной организации «Миациум» собирал деньги, передавал в центр, а поступающие из центра материалы распределял по территориям через ответственных. Куратором у него был майор из КГБ республики Сурен Богдасаров, армянин по национальности. Понимал, что готовятся большие дела, но какие конкретно – ничего не мог осмыслить, и от этого недопонимания ему порой становилось страшно. Кроме того, подспудно возникало чувство обиды от ощущения неполного доверия к себе. Об этом говорил во время одной из встреч Зордану, на что тот ответил буквально следующее:

– Алик, я знаю не больше твоего, обидного ничего нет, ты для организации очень ценен и дорог, это я тебе говорю. Каждый знает столько, сколько нужно для его работы; здесь не два или три человека, эта всемирная организация, в ней задействованы все армянские диаспоры по всему миру, а также мировая армянская католическая церковь. Мы, армяне, ломали хребет империям на протяжении всей истории, ломаем и этой, поверь, дело не в военной мощи страны, нужно в основу запустить ржавчину, и она со временем сделает свое дело; пойми, дело не в доверии или недоверии – это просто конспирация.

Согласился с другом и работал с еще большим вдохновением, не понимая, что Зордан врал ему, потому как знал очень много, будучи одной из центральных фигур всей этой тайной игры, проводимой против Азербайджана.

Глава сорок четвертая

СТАРЫЕ ЗНАКОМЫЕ СНОВА ВСПОМНИЛИ

В последнее время Абульфат Алисой постоянно ощущал на себе какую-то невидимую тяжесть; все вроде было, как и прежде, однако внутреннее напряжение все сильнее нарастало и превращалось в физическую тяжесть.

Никаких болезней не испытывал, однако тяжесть все нарастала и не отпускала, и наконец где-то через месяц понял причины своего тревожного состояния. Стал замечать возле общежития для аспирантов с постоянной регулярностью три автомобиля. Две «Волги» и «Москвич», с изменениями в графике, стабильно находились на одном и том же месте. «Ясно, снова начали пасти, ну пусть, – подумал и почувствовал ясность во всем происходящем. – Ну и ну, давайте, – мысленно говорил своим противникам. – Как бы ни старались вы, раскрутившийся маховик уже не остановить. Он будет вращаться все сильнее и сильнее, приводить в движение все новые и новые узлы гигантского механизма, который в силу своего несовершенства придет в резонанс и разлетится на части. Что мы занимаемся историей, можно сказать, чисто просветительская работа, не то что прибалты или западная Украина. Они требуют полного отделения, а это не что иное, как развал всего Союза. Конечно, мы тоже хотим полного отделения, но наши старшие товарищи

в частной беседе не соглашаются, мотивируя тем, что так, мол, еще рано, нужно к этому идти постепенно, сначала добиться расширения прав внутри Союза и затем переходить на конфедеративную форму государственного устройства, и только после этого по прошествии многих лет можно говорить о полной независимости. Не знаю, может, они правы, но я хочу сам видеть не только независимый, но и объединенный Азербайджан при своей жизни и увижу!»

Так продолжалось около двух или трех недель. В один из дней, когда вышел на станции метро «Академия наук» и направился в сторону общежития, возле него остановилась «Волга», вышли из неё двое молодых, спортивного телосложения ребят, подошли к нему с двух сторон, вежливо поздоровались и предложили сесть в машину. Сразу узнал машину – это была одна из тех, которые заметил у своего дома уже как почти месяц. Хотя наблюдатели каждый раз меняли номера, не имело значения. Дело в том, что для внимательного человека каждый автомобиль сам по себе индивидуален, он узнает его по невидимым признакам, и какой номерной знак висит – не имеет никакого значения. Один из молодых людей засунул руку во внутренний нагрудный карман пиджака, видимо, за удостоверение, Алисой остановил словами:

– Нет необходимости, я знаю, кто вы.

Молодые люди переглянулись, видимо, расстроились из-за своего прокола; не обращая внимания на их смущение, Алисой добавил:

– Что же тянули так долго, сколько времени стоите – то у дома, то еще где, подошли бы давно, и делу конец.

Приехали в управление КГБ республики; один из молодых ребят подошел к дежурному, недолго о чем-то переговорил и дал знак пройти. Когда они пошли, дежурный крикнул вдогонку:

– Подожди, Самедов, дай выпишу пропуск, как же обратно пойдет?

Самедов обернулся:

- Нет нужды, так пройдет, мы будем сопровождать.
- Ясно тогда!

Алисой все понял, стало ясно, что на этот раз вцепились крепко и, скорее всего, отсюда в ближайшее время не выйдет.

Поднялись на четвертый этаж, остановились перед дверью одного из кабинетов, Самедов зашел и вскоре, выйдя оттуда, провел его в кабинет. Алисой зашел в кабинет один, «Соколы Ежова» (так он прозвал всех работников КГБ еще при первой встрече, несколько лет назад) остались за дверью.

У окна спиной к двери стоял мужчина, хотя лица не видел, но ему показалось, что знает его, – так и вышло, когда тот повернулся к нему... Ахмедов!

– Ну, здравствуй, академик, вот и встретились мы с тобой, добро пожаловать!

Алисой понял, что тот насмехается над ним, но виду не подал, строго ответил:

– Здравствуйте, я не академик, а всего лишь скромный кандидат наук, а вы, вижу, уже поднялись высоко.

– Да, представьте себе, и настолько высоко, что вижу каждый шаг твой и тебе подобных.

– Почему вы со мной на «ты»? Я свою работу не скрываю.

– Работу – да, не скрываешь, а вот деятельность антисоветскую скрываешь, и наша задача – выявлять таких, как ты.

– Я и этого не скрываю, потому нет предмета сокрытия: не занимаюсь я антисоветской деятельностью, я занимаюсь воспитанием той горстки молодежи в духе национального патриотизма, которые приходят ко мне. Так этим занимались Мирза Джалил, Сабир, Ахундов Закир, и очень многие по сей день занимаются, как, например, Шахрияр. Что тут такого?

– Мы доберемся до всех, до единого, кого ты назвал и кого не называл, всех выведем из темноты на свет, как летучих мышей.

– Не достанете, – он чуть было не засмеялся, но сдержал себя, решил продолжить беседу, – все почти умерли, потом они как раз сами любили и приносили людям свет, а вот загонять людей в темноту, точнее, в темницу, – прерогатива вашей конторы, это вы избегаете света, притом везде и во всем.

Ахмедов понял, что не то сказал, видимо, этот «академик» каких-то допотопных людей назвал, и от этого еще больше взбесился:

– Слушай, академик, я учился в нормальной русской школе, а высшее образование получил в Москве, понял? Кто такой Шахрияр, где он работает?

– Оно и без того видно, что непонятного; что касается Шахрияра, то жив и здоров, поэт народный, в университете работает.

– В каком университете? Не слышал я о таком!

– В Тавризе.

Этот ответ вывел Ахмедова из равновесия полностью: чувствовал, что не может найти нужных слов, чтобы заткнуть этого «академика». Ему хотелось взять верх над ним интеллектом, от этого еще больше терялся и не находил нужных слов для постановки вопросов.

– Не Тавриз, а Тебриз, понял?

– Понял, все понял. Для кого Тавриз, Гянджа, Ханкенди и так далее, а для кого-то Тебриз, Кировобад, Степанакерт и прочее. Все закономерно.

Он невозмутимо смотрел, как свирепеет лицо Ахмедова, и заметил, как тот почти незаметно потянул правую руку под столешницу, – понятно, сейчас заберут и закроют. Открылась дверь, и вошли двое безоружных молодых парня. Ахмедов, не глядя ни на кого, бросил:

– Уводите.

– Можно два слова скажу лично вам?

– Подождите за дверью, – не поднимая головы приказал Ахмедов своим, те вышли и закрыли дверь за собой.

– Ну, слушаю тебя, говори.

– Где Виктор Андреевич?

– Не поможет он тебе уже. В Луганск перевели, начальником областного управления.

– Последнее, что хотелось сказать: твою эту неуемную энергию, любовь и рвение направить бы на службу своей Родине, как было бы здорово!

Алисой сам не понял, как перешел с этим человеком на «ты», это было не в его правилах: с людьми, к которым испытывал негативные чувства, всегда разговаривал на «вы».

– Все? Идите, за дверью вас ждут, – не поднимая головы процедил Ахмедов.

Алисой вышел за дверь к ожидающим его двум сотрудникам. Его не отпускала мысль, почему Ахмедов ни разу голову не поднимал в течение последних нескольких минут. «И почему на последней фразе перешел на «вы», тогда как я перешел с ним на «ты», вроде даже изменился его голос, нет, все равно что-то не так, только не пойму, что», – с этими мыслями он в сопровождении двух молодых сотрудников шел по коридорам КГБ республики, сам еще не зная, что начинается новая глава в его биографии.

Следствие шло около полугода, и наконец состоялся суд. Еще в ходе следствия ему три раза меняли статью обвинения, устал, был измотан, подписывал все не глядя, от услуги адвоката отказался. Во время суда отказался от всех показаний, поскольку доказательная база следствия была слабой, его приговорили по смягчающим обстоятельствам, и получил три года исправительных работ и вскоре был отправлен к месту отбывания наказания – в один из Карадагских каменных карьеров, и, поскольку полгода уже отсидел, оставалось воротить камни еще два с половиной года. Заключение, узнав, за что получил срок, стали относиться к нему с особым уважением. В дальнейшем он всегда говорил: «Наши заключенные – настоящие патриоты, не то что чиновники-коммунисты, жаждущие делать карьеру. Им бы поучиться у наших зеков!»

Прошел год. Однажды утром сняли его с работы и направили к начальнику отряда. Увидев его издали, начальник отряда пошел навстречу и велел следовать за ним. Прибыли к начальнику колонии, тот принял их в принципе нормально, завел в кабинет и зачитал решение суда об условно-досрочном освобождении. Сильно удивленный услышанным, только смог выдавить из себя:

– Какое решение суда, меня ни в какой суд не вызывали, это, наверное, ошибка какая-то. – Он в самом деле так и думал, боялся разочароваться впоследствии, когда начальство поймет ошибку и его вернут обратно.

– Послушайте, профессор, – начальник его сам так называл, притом без всякой насмешки и всегда на «вы», – суд был, только без вас, такое практикуется, никакой ошибки нет – идите, соберите вещи и на выход, поторопитесь, скоро мой водитель поедет в город по служебным делам и вас подвезет до куда-нибудь.

Не прошло и получаса, как он собрался и черная «Волга» начальника колонии повезла его в город. По дороге водитель разговорился, и выяснилось, что у него никаких служебных дел в городе нет, и начальник сам велел ему отвезти уважаемого профессора прямо до дома.

Всю дорогу размышлял о причинах своего досрочного освобождения, ничего не мог понять: «Ладно, посмотрим, может, удастся выяснить на работе, откуда это счастье подвалило».

Потом все-таки выяснил: оказывается, была встреча первого секретаря ЦК компартии республики Гасана Алиева в Академии наук с коллективом в честь Дня Победы, и на этой встрече Буняд Мусаев с присущей ему прямоотой заявил:

– Как мы можем воспитывать патриотизм у нашей молодежи, если настоящего патриота отправляем на карьеры камни таскать только за то, что он любит свою родину и любовь эту передает студентам, по надуманному обвинению в антисоветской деятельности?! Самое

главное, никаких доказательств у следствия не было. Так недолго и тридцать седьмой год возродить!

Говорят, тогда Алиев выслушал его и сказал:

– У нас нет антисоветизма, Буняд муаллим, можете быть спокойны, в ближайшее время разберусь, возьму под личный контроль.

И действительно – разобрался: не прошло и месяца после этого разговора, как Алисой вышел на свободу. Восстановился на свою прежнюю работу, но кружок, который вел, распался. «Ничего, начнем все сначала», – подумал он о программе своей дальнейшей жизни.

Глава сорок пятая

«ГОЛОСА» ИЗ ЭФИРА СЕЮТ СОМНЕНИЯ В ДУШАХ

Война на идеологическом фронте с каждым днем становилось ожесточеннее, и это не преувеличение: десятки радиостанций мира работали в режиме антисоветской пропаганды круглосуточно. Слушатели этих станций говорили о разоблачении советской системы и были в большей части правы. В то время, наверное, любой человек, имеющий желание немного подумать о жизни общества, обязательно слушал «голоса».

Отметим, что у каждого человека по возможности была своя любимая радиостанция; если же в силу обстоятельств невозможно было слушать свою, то слушали то, что было доступно. Конечно, работала система технического противодействия – так называемые «глушилки».

«Голоса», нужно отметить, работали грамотно и превращались в рупор для творческой эмиграции – там выступали эмигранты, выехавшие в разное время из Союза, читали также отрывки из произведений тех, кого не было в живых. Наш герой не был исключением: сначала от любопытства, а потом и по интересу начал слушать китайское радио, так как передачи шли на русском и ловить было легче. В принципе, любым транзисторным радиоприемником на средних волнах можно было ловить какую-нибудь станцию.

Во время одного из таких занятий у Ревана в общаге его «застукали» те два лейтенанта, наверняка помните, которые уволились впоследствии. Один из них тогда сказал буквально следующее: «Это что, ты послушай «голоса», вот те умеют сеять сомнения в душах, благодаря им я понял жизнь и осознал, какое же зло – этот коммунизм!» – и добавил, что нужен радиоприемник КВ и УКВ диапазонов; наш герой только улыбнулся и ответил, что пока нет УКВ, довольствуется тем, что есть.

Отметим, что в то время такие вещи нужно было делать с особой осторожностью: как шутили в те годы, «уши особиста торчат везде, хоть и не видно». Хотя уши торчали везде, люди и разные голоса слушали, и самиздат читали, и наш герой не был исключением, тоже читал отдельные самиздатовские вещи, только делал это очень аккуратно и с особой осторожностью, пытаясь не привлекать внимания, потому как остерегаться было чего.

Во второй половине семьдесят шестого года, как раз в то время, когда наш герой пошел учиться в институт, перевели во Владивосток его друга, «бандеровца» Толю Рещенко, и они часто проводили время вместе; поскольку тот был еще большим любителем поговорить, избегать обсуждения политической ситуации было немислимо.

Во время одной из таких бесед узнал в подробностях об одном очень интересном явлении, которое, как говорил друг, широко практиковалось в то время. Об этом в первый раз услышал от Вольдемара, когда встречал день рождения с «уважаемыми» людьми, но понял тогда это по-своему, когда тот сказал: «Ты что, дурак, в психушку захотел?!» – или что-то в таком духе. Друг рассказал о том, как людей, не согласных с политикой, определяют на принудительное лечение в специальные психиатрические больницы. На вопрос, откуда ему это известно, тот спокойно ответил:

– «Голоса» надо слушать.

Становилось все интереснее и интереснее. Почему-то при всех неясных ситуациях «голоса» становятся единственным

источником информации; друг также рассказал, что у этих радиостанций есть редакции, вещающие на языках отдельных союзных республик. Оставалась самая малость – приобрести соответствующее радиоприемное устройство, что и было сделано в ближайшее время. Купил себе радиоприемник «ВЭФ», один из немногих хороших устройств тех лет. Жизнь стала интереснее, но все равно, как уже говорили, «глушилки» тоже работали в полную силу.

Все сильнее ощущал, как размножаются у него мысли и чувства; однажды признался другу, что голова «раскалывается» от множества противоречивых, исключаящих друг друга мыслей. Друг тогда ответил очень легко и непринужденно:

– Определись, что тебе нужно, все подчини этой единственной идее, все лишнее отбрось, особенно сентиментальность, как плод больного воображения какого-то Мышкина, – имея в виду героя Достоевского.

А тот, в свою очередь, парировал:

– Конечно, надо взять топор, как Раскольников, и всех рубить.

Но, тем не менее, все равно надо было рано или поздно определиться, и он определился. Закончить институт, найти нужную работу и при первой возможности, как говорили в то время, «валить за бугор».

Во время одной из очередных встреч друг рассказал ему интересную вещь о прежнем месте службы. Оказывается, в дивизионе, где тот служил, имела место такая практика: во время учений расходовались не все боезапасы из соображений безопасности (то есть, сделают один-два залпа, или даже не сделают вовсе, или даже бывало так, что корабль вовсе не выходил в море), и оставшиеся на шлюпках вывозили недалеко от берега (тоже непонятно, зачем ближе к берегу, когда нужно было наоборот, – возможно, опасались попасть на глаза пограничникам), но в такое место, что никто никогда туда в жизни не ходил (хотя кто знает!), потому как местность была

скалистая и топили. Как долго это длилось, тот ничего не мог сказать.

Сначала наш герой как бы значения не придавал, но потом задумался, и даже очень искренно. «Что за боезапасы, наверняка, есть и мины, и как же так, а если рванет там, что тогда будет, или кто узнает про этот «клад» – может нарисоваться картина еще интереснее, нет, так не пойдет, что-то надо делать!» А что и как думать – пока не знал. Сначала хотел поделиться услышанным с Вольдемаром, но быстро передумал. «Нет, ему нельзя, этот бюрократ докопается до всего, может позвонить тому командиру, шума много наделает, здесь надо тихо». С этими мыслями так и ходил дня три-четыре и не мог решиться ни на что, однако решение вскоре всплыло само. В один из дней, в обеденный перерыв, как обычно, коротал время в Ленинской комнате за шахматами, как откуда-то принесло особиста. Тот по-дружески (?) положил руку ему на плечо и начал разговор:

– Что, готовимся к матчу-реваншу с очередным гротсмейстером парка, или просто тренировка?

– Лейтенант, и то и другое. – Подумал, надо втянуть в разговор и рассказать ему все, самый подходящий вариант, пусть разбирается. – Слушай, ты не бойся, военные и государственные тайны, доверенные мне, на кон не ставлю, а если хочешь, у тебя есть шанс получить бутылку хорошего ереванского коньяка и по желанию угостить меня, или же быть угощенным тем же коньяком. Мать мне прислала из дома, так что подумай.

– Вы, пожалуйста, поподробнее изложите условия матча, – улыбаясь сказал лейтенант, и по тону чувствовалось, что на «вы» перешел в шутку.

– Что непонятного, выигрываешь ты – получаешь коньяк и по желанию угощаешь меня, а если я, тогда точно выпиваем его вместе. С запасом у меня проблем нет, хватит и на новый год, потом мать еще придет. – Благодаря матери, его коньячный запас практически не иссякал.

Начали играть; отметим, что товарищ играл не так сильно, как, скажем, крокодилы из городского парка, но ничего, держался. Конечно, наш герой подвел позицию к выигрышной, при этом раза три «не замечая» решающей комбинации. Когда возникла чисто техническая позиция для выигрыша, он предложил ему ничью, и предложение было принято. Пока играли, рассказал ему все, как знал. Возможно, даже эта информация отвлекла внимание лейтенанта от игры, кто его знает. Когда игра закончилась, еще продолжали сидеть и обсуждать эту информацию, а если кто заходил, передвигали фигуры, изображая анализ партии. После того, как все было оговорено, лейтенант сказал:

– Реванчик, надо все это изложить в письменном виде, потому как устная информация у нас не принимается.

– Ага, сейчас, а если просто не подтвердится, что, я должен буду обеспечивать наличие боеприпасов в бухте или что? За что купил, за то и продал, может, там ни фига нет, и что предложишь?

Над этим ответом они оба засмеялись, Стропин продолжил:

– Нет, ты ничего не должен обеспечивать, порядок у нас такой, нужен документ, подтверждающий, что есть источник информации, иначе никто просто заниматься не будет, поэтому давай мы с тобой встретимся и все оформим, только, пожалуйста, надо сделать это как можно раньше, информация серьезная.

Договорились встретиться в ближайшую среду, когда он будет свободен от занятий в институте. Встреча состоялась в управлении тыла флота, в одном из отдаленных кабинетов на первом этаже. На его вопрос: «Почему здесь, а не в вашей конторе» – Стропин ответил, что у них рабочие кабинеты есть в разных местах, снова все в подробностях рассказал, затем без особого труда изложил на бумаге и, закончив, почему-то спросил:

– Как подписывать, с полным указанием места службы, фамилии, имени и отчества или просто указать фамилию, нельзя ли без указания данных?

– Не спеши, отложи, пока немного поговорим, потом посмотрим.

Рассказал о себе подробно, видимо, в рамках дозволенного: о родителях, о детстве, короче, обо всем. Естественно, наш герой тоже, в свою очередь, рассказывал о себе. Далее говорил, что основу нашей работы составляет информация, которую предоставляют передовые, сознательные, любящие свою страну и преданные делу коммунистической партии граждане, неважно, являются ли они членами партии или нет.

Конечно, давно понял, что идет вербовка его, но вел себя правдоподобно: известно, что нас обманывают тогда, когда мы этого сами хотим. Здесь как раз был тот случай, в конце концов, это и входило в план нашего героя – перейти служить в контрразведку и затем с хорошим багажом помахать ручкой, как это уже сделали некоторые известные в военных кругах полковники. Это, конечно, очень сложно, надо быть предельно внимательным, чтобы не вызвать подозрения, то есть не проколоться, ведь перед тобой сидит человек, хорошо знакомый с такой наукой, как психология, и понятно, к чему это приведет, если его раскусят. Он внимательно слушал его, иногда задавал вопросы. Даже немного полемизировал, но с позиции недопонимания. После долгого разговора лейтенант предложил подписаться лучше под вымышленным именем, другими словами, под псевдонимом. После некоторого «колебания» наш герой согласился и подписал так, как нужно.

Поговорив еще немного и оформив еще кое-какие бумаги, они попрощались. При рукопожатии Стропин с искренней, открытой улыбкой на лице сказал:

– Реванчик, – так и называл его в дальнейшем на протяжении всех лет знакомства и дружбы; о дружбе, конечно, отдельно и позже, – я думаю, наше знакомство закрепится и перерастет в настоящую дружбу.

Шел себя не помня: что это было, что вообще совершил? Чтоб разобраться в своих чувствах, зашел в сквер

и сел на скамейку на отдалении. «Надо все проанализировать и разобраться, – говорил себе. – Что, тоже стал Шахвели, не так ли? Будешь доносить на таких, как Шамдан или твой отец? Нет, я не буду как Шахвели, и ни на кого доносить не буду. Я уже решил пойти туда служить, и потом у меня будет великолепная возможность отомстить за всех, в том числе и за Шахвели. Всем свое время, нужно терпеть и выжидать, и придет час удара. В конце концов, то, что я сегодня ему рассказал, очень важно. Ведь этими боеприпасами можно сотворить такие беды, что мало не покажется. Потом, во все времена против религии выступали не какие-нибудь случайные крикуны, а люди, знающие теологию основательно; еретиками, говоря языком «нового друга», инакомыслящими или диссидентами выступали религиозные деятели высокого ранга, так что все идет, как тебе нужно, иди прямо и не оглядывайся. Ты скоро будешь состоять в партии, это доверие, прикрытие. Потом, он же не заставляет тебя доносить на людей, а дать информацию о нарушениях, вот и вперед. Хорошо, предположим, ты добьешься всего, что наметил, при помощи его перейдешь на службу в контору, как будешь себя чувствовать? Он практически тебе уже предлагал настоящую дружбу, и ты перешагнешь? Не то что через него, думая таким образом, ты это уже сделал, а вот через само понятие дружбы сможешь перешагнуть? Насмешил, какое может быть понятие, если ты уже переступаешь через того человека, который является субъектом этого понятия! Он тебе еще не друг! Но уже предложил дружбу, надо подумать, надо подумать, – повторял он себе. – Приедет Толя, надо будет с ним поговорить и открыть все карты; наплевать, что этот Толик (кругом одни Толики) строго предупреждал, так с ума сойдешь, надо мозги разгрузить, снять напряжение».

В субботу приехал Рещенко, и они поехали обедать в кафе «Лотос». Сели по его настоянию в самый дальний угол зала, и рассказал другу все, во всех подробностях, за исключением

своих мотивов, почему согласился. Когда, как говорится, «излил душу», неожиданно друг начал смеяться и смеялся очень долго. Наконец успокоился и спросил:

– И когда же тебя так ошастливили, сделав агентом?

– Какой на хрен агент, подлый гнусный доносчик, коих в стране миллионы, вот кто в самом деле твой друг.

– Нет, Реван, ты агент, и я тоже агент, только мы в разных местах, и у каждого из наших так называемых шефов есть своя сфера интересов.

– Не понял, пожалуйста, подробнее, объясни, как, ты тоже?

– Что удивляешься, я тоже примерно как полгода являюсь, как они говорят, негласным сотрудником, так что не переживай, все мы в одном дерьме сидим. Рожденные и воспитанные в КГБ.

– Насчет дерьма ты хорошо сказал, только скажи, обо мне тоже стал бы говорить, если что?

– Нет, что бы ты ни делал! Да и вообще, ни о ком ничего не собираюсь говорить, согласился потому, что ты же меня знаешь, как я люблю этот режим; кто-то донесет на меня, и будут проблемы, а так я «свой», улавливаешь смысл моего поступка?

– Теперь да, но я тебя уже заложил со всеми потрохами в первый же день, так что я больше подлец, чем ты, рассказал все про боеприпасы, которые выбрасывали твои, где ты раньше служил.

– Правильно сделал, я здесь при чем?

– Ни при чем, просто сказал, откуда информация, указал, что знаю об этом со слов одного из бывших военнослужащих из этого дивизиона, фамилию которого не помню.

Далее рассказал о самом сокровенном – о том, ради чего затеял всю эту игру. Друг внимательно выслушал и спросил:

– А ты хорошо подумал, справишься, не раскусят? И с чем собираешься туда?

– Начнем со второго вопроса: если служишь там, ты всегда интересен противнику, самое элементарное – агентурную сеть сдал, вот и багаж твой неплохой. Что касается прокола, то в чем это может быть у меня, чтобы раскусили? Я буду жить своей жизнью, учиться, служить, после окончания срока контракта уволюсь и попутно буду пробивать дорогу туда, а там как Бог положит. Самое главное, здесь оставаться самим собой, то есть быть естественным, скажем, как Штирлиц, потом успешно осуществлять свой план, другими словами, быть им, только в другую сторону.

– У Штирлица был центр, давал ему указания, как и что делать, а у тебя что?

– Это и хорошо, что никого у меня нет. Значит, буду свободен в своих действиях, сам себе буду ставить задачи. Знаешь еще что – только свободный духом человек может добиться успеха, по-другому не бывает.

– А ты сделаешь такую карьеру, как Штирлиц, сумеешь? Чтобы там тебя оценили, то есть проявили интерес к тебе, ты должен иметь положение достаточно высокое. А чтобы подняться высоко именно по этой лестнице, которую выбираешь ты, нужно делать очень много подлостей по отношению ко многим людям, начиная с дальнего круга и до самых близких. Готов? Справишься?

– Нет, не готов и не смогу; я тебе сказал, зачем иду туда. Я хочу сделать все, что поможет избавлению от этой идеологии.

– Ну да, конечно, потому и в партию пролезаете и изучаете марксизм-ленинизм. Знал бы, как ненавижу вас, всех этих партийцев. Как вы там обращаетесь друг к другу, «партайгеноссе?»

– Знаешь, друг, сравнение конечно неправильное, масштабы разные, просто аналогию провожу. Был такой азербайджанский философ Ахундов, наверное, не было лучшего знатока исламской религии, и в то же время был самым ярким противником этой религии. Прежде чем

начинать с чем-то бороться, надо изучить предмет этой самой борьбы, а так, получается, шашкой махать в воздухе, только устанешь и все; не волнуйся, никому не сделаю подлости, и еще, ты правильно сказал: так, под прикрытием, скоро начнем с тобой бомбить письмами разные газеты и партийные органы.

– О чем же будем писать?

– Обо всем, о всех безобразиях и мерзостях, в окружении которых мы находимся. Пусть читают, будут знать, что есть люди, думающие по-другому, пусть эти всякие хари услышат о себе правду.

– Точнее, просто имеющие желание думать, хотя в наше время это опасное для здоровья желание для обычного человека и, кстати, для необычного тоже.

– Что имеешь в виду под этими «обычный, необычный?»

– Обычный – это я, не имеющий к твоей партии никакого отношения, а необычный – ты, партиец. У тебя двойная защита и угроза, как говорится, усиленное доверие и еще более усиленное подозрение.

– Знаешь, о чем я думаю? О нашем с тобой нравственном падении. Люди, перешагнувшие через свои нравственные принципы, даже не то что свои принципы, а элементарно игнорирующие общепринятые нормы морали, не способны на благородные дела. Что бы хорошего мы с тобой ни совершали, они померкнут перед нашим нравственным падением, я так считаю.

– Хорошее слово употребил – «падение», но только оно шире, гораздо шире, чем тот смысл, который ты вложил в него сейчас. Наш век сам по себе – век падения, и не только нас с тобой в плане морали. Смотри, пали империи – Оттоманская, Российская, пала Германия, некогда могущественная развитая страна. Что ни говори, твои коммуняки, так у нас в западной Украине до сих пор называют коммунистов, правы в том, что империализм трещит по швам. Все бывшие колонии Англии, Франции и частично России получили независимость. Новое

время диктует свои моральные принципы. Приведу пример: ты войдешь в грязную воду, чтобы оттуда достать нечто ценное, которое ты уронил? Конечно, что тут такого, достанешь свою вещицу, помоешься чистой водой и все! Правильно мыслю?

– Допустим, дальше развивай свою мысль, хотя знаю, к чему клонишь.

– А дальше все просто: повышаем ценность упавшего в воду предмета и степень загрязненности жидкости, уже не воды; короче, ты полезешь в нечистоты, чтобы спасти кого-нибудь из близких? Вот и оно! Как миленький полезешь, каким бы доводящим любого нормального человека до тошноты чистюлей ты ни был. Потому что ставки разные, дорогой; не полезешь, будешь проклинать себя, что не помог, скажем, мне. То, что мы с тобой совершили, согласен, аморально, как говорится, полезли по самое горло в отстойник с нечистотами, но цели у нас благородные.

– Благородные цели грязными руками?

– Можно и руки оставить чистые. О чем ты рассказал ему, вот так и продолжай, и я так же буду, не пойдешь же говорить о том, что дядя Вася вынес из завода банку краски, а вот если вынесут из оружейки «калаш», то надо сразу, без колебания. Слушай, как ты думаешь, сколько еще будет держаться этот режим?

– Скоро, через несколько месяцев будем отмечать шестидесятилетие Октября, уверяю тебя, столетия не будет, страна развалится.

– Ну ты оптимист! Столетие будет, вот сто пятидесятилетия не будет, соглашусь.

– Нет, только до столетия будет и все, и знаешь почему? Потому что учение Маркса приняли на вооружение, а следовать ему забыли, точнее, следуют – в той части, которую Маркс разоблачал, а именно эксплуатации человека человеком, только заменили эксплуататора-человека на государство. Нынешний капитализм процветает

и будет процветать, потому что учел и учитывает учение Маркса. Еще один немаловажный момент: там протест направлен против конкретного буржуа, а здесь – против всей системы. Поэтому у нас срок эксплуатации может длиться дольше, а там это невозможно. Там просто: не нравится что-то – профсоюз вышел, обсудили и пришли к решению. Там идет жестокая борьба не только в сфере между буржуа и рабочим классом, но еще и в кругу самих так называемых эксплуататоров – в области облегчения и улучшения жизни пролетариата. Закон Гегеля действует во всей красе, а что делаем мы? То-то и оно, полностью отрицаем саму мысль о противоречии – это и есть главная ошибка, которая приведет к гибели. Как видишь, дорогой, все имеет научное объяснение.

– Хватит, давай наливай, тебя хлебом не корми и выпивку не давай, только бы болтать.

– Нет, не прав, от еды не отказываюсь, а от выпивки тем более.

Обед у них затянулся и плавно перешел в ужин; покинули они ресторан вместе с последними посетителями, очень сильно залив испытанное «моральное оскорбление», вызванное их поступком, и чтобы совесть немного отпустила их и отнеслась понисходительнее, и совесть, пытавшаяся в течение дня вытащить их на чистый берег из отстойника аморальности, сама захлебнулась от обилия выпитого коньяка и перестала беспокоить: то ли уснула надолго, то ли умерла навсегда – на тот момент было трудно определить.

Каким-то чудом умудрились взять такси и доехать дома, помнится, с трудом, вроде кого-то еще пригласили с собой.

Глава сорок шестая

ТЯЖЕЛОЕ УТРО ПОХМЕЛЬЯ

Утром, когда проснулись, у обоих в карманах звенела только мелочь, денег не было вообще. Посмотрели друг на друга и сели по разным концам стола; наконец проблеск более или менее разумной мысли посетил Ревана, и он выдал:

– Слушай, а солнце взошло или нет?

– Нет еще, тебя ждет, тебе чего, говорить не о чем? Несешь какую-то чушь!

– Не мешай, я выигрываю время, чтобы говорить о самом главном, то есть соображаю. Ты не понимаешь или не знаешь: дело в том, что мозги любого пьяницы после крепкого бодуна сродни мозгам младенца, только с той разницей, что лишен любознательности и сам, как младенец, беспомощен. Не могу же я сразу о сложных вещах говорить с тобой, вот сейчас задам тебе разумный вопрос: почему у нас у обоих нет денег? Наверное, мы оба рассчитались как в ресторане, так и за такси.

– Наверное, может, даже не один раз, ведь были очень добрые и щедрые, – пробурчал второй. Потом встал, подошел к холодильнику, открыл дверку и радостно воскликнул: – Ура! Живем, тут почти полбутылки коньяка и бутылка лимонада! Дебил, кто держит коньяк в холодильнике, его надо при обычной температуре держать,

а ты... И к тому же у тебя, как всегда, закуски никакой. Ты хоть возьми в части полбуханки черного хлеба и положи тоже сюда, чтобы было чем закусывать.

– Слушай, придурок, кто коньяк закусывает черным хлебом? Ты скажи еще репчатого лука положить. И потом, этот коньяк не для питья в удовольствие, а для похмелья, потому должен быть холодный, понял? Сам debil. Теперь о закуске: не отдал бы шоколад тем шлюхам, сейчас была бы королевская закуска. Кстати, где ты их подцепил, и куда они потом делись?

Друг достал коньяк и лимонад, поставил на стол и спросил:

– Где бокалы, куда наливать-то?

– Ты что? Внук английского лорда, что ли? Разуй глаза, вон стаканы хрустальные на столе.

– Вижу, граненые из автомата, когда успел стырить?

– За кого меня принимаешь, на неделе купил две упаковки на сэкономленные деньги, сорок восемь штук, по шесть копеек штука.

– Какие сэкономленные деньги?

– В транспорте не плачу, чтобы быстрее накопить; пока еду до института, меняю четыре транспорта. Кстати, ты неправильно произносишь: нужно говорить не лимонад, а лимонаб, понял? Его придумали наши тальши, на их языке означает «вода с лимоном» или «лимонная вода». Вот отсюда и лимонаб.

– Что за ваши тальши еще?

– Попрошу без грубостей и с почтением о наших тальшах. Это один из древнейших народов на территории Азербайджана. Тоже разделен: половина живет в нашем Азербайджане, половина – в иранском. Живут в основном в южной зоне, где как раз лимон растет.

– Чем отличаются они от вас?

– Ничем, только язык другой: их язык ближе к фарси, наш – к турецкому. По-моему, мы были одним народом, потом каким-то образом возник языковой элемент,

потому как в разное время сильны были то тюркский фактор, то фарсидский. Оба народа исходят от кавказских албанов. Это только мое мнение – может, прав, может, нет, не знаю. Ладно, как-нибудь тебе потом расскажу о них. Так где же ты их все-таки подцепил, девок?

– Не надо обзывать таким грубым словом, нормальные девчонки были, из политеха, кстати.

– Как, по-твоему, я их должен назвать? Куртизанками?

– Почему бы нет?

– Куртизанки спят с членами политбюро партии и с министрами, а с флотскими мичманами спят девки легкого поведения. Честно говоря, суть у них одна и та же, только орбиты вращения разные, понял?

– Понял, еще оси, вокруг которых они вращаются, различные; подцепил я их там же, в кабаке, а вот куда делись – тебя, идиота, надо спросить, чего их прогнал? Ночь впустую из-за тебя. Обозвал еще, такие девочки были хорошенькие, а...

Не дал договорить:

– Ночь впустую из-за меня? Ты ничего не понимаешь, подумай, а потом говори; я позаботился о репутации мичмана советского военно-морского флота, если опозорились бы перед ними, что тогда? Мы же были вообще никакие. Вчера у нас был день пиития, а не любви. Потом, если я их прогнал, значит, так надо было, возможно, заподозрил болезнь у них. Я умею ставить точный диагноз; больных женщин, особенно по этой части, в момент распознаю. В годы учебы в Баку научился. Там есть кинотеатр «Азербайджан», возле него собирались и сейчас, наверное, собираются патриотки.

– Часто ходил туда диагноз ставить? Болезни распознаешь только у женщин и только по этой части или вообще?

– В первый семестр регулярно, стипендия была, во втором семестре небольшой сбой произошел, но стипендию восстановил быстро, а в третьем полный провал. Потом пошел работать на завод, стал зарплату получать и ничего, тоже вроде пошло дело.

– Понятно, когда работать надоело, пошел в военкомат и на службу, так я понимаю? А то заливал мне всякую ахинею, сказал бы, что денег не было для шлюшек, вот и пошел на службу.

– Нет, не так: на службу пошел по идейным соображениям, учиться не хотел; что касается нехватки денег на шлюху, то отчасти ты прав: денег не хватило на одного шлюху, мужского пола, – препода по сопромату. Паскуда не поставил зачет, хотя все задания зачетные выполнил правильно, срезал меня из-за того, что не посещал, видишь ли, его практические занятия. Я вообще никакие не посещал или очень редко, и что от этого? Передали, что можно получить зачет за пятьдесят рублей, ты представляешь, какие это деньги для студента, лишённого стипендии? Но в сопромате я соображал, а он был тварь, мерзавец и подлец; ну ладно, черт с ним, пусть на его совести будет еще одна студенческая неудачная поломанная судьба. А вот что касается диагностики, то тут немного по-другому: этому я научился с детства, вообще у любого человека любую болезнь определю, посмотрю в глаза, язык и ногти, и больше ничего не надо. Я еще умею лечить травами, у матери научился всему.

– Ну, какой же у меня диагноз?

Повертел пальцем у виска:

– Острая обширная умственная недостаточность в окончатальной фазе, но тебе травами уже не поможешь, стадия пройдена, нужно пройти предварительно длительную коньякотерапию, только после переходить на травы; да ты что-то хотел сказать о девочках, я перебил тебя, извини, говори.

– С тобой эта терапия гарантирована, ничего, хотел сказать, какие у них были красивые ножки! Прямо как поэт описывал:

*И тесноту, и блеск, и радость,
И дам обдуманый наряд;
Люблю их ножки; только врьд
Найдете вы в России целой*

Три пары стройных женских ног.
Ах! Долго я забыть не мог
Две ножки... Грустный, охладельый,
Я все их помню, и во сне
Они тревожат сердце мне.

Наш герой прекрасно знал об особой страсти друга к Пушкину, но не упускал возможности задеть его своим абсолютным «незнанием» Пушкина. Это не то что задевало – можно сказать, оскорбляло друга, поэтому, не упуская шанса, сказал:

– Сам написал? Слабо, мог бы и получше написать, полная бессмыслица. Что за фигня, ты же лучше пишешь, не в духе был, наверное, когда писал.

– Нет, не я! Написал это великий поэт...

Не дал договорить:

– Понял, Евгений Онегин написал. Конечно, что-то я запомнил.

– «Евгений Онегин» – это роман в стихах. Написал его Пушкин, понял?

– Да понял, конечно, там еще этот Евгений, придурок, пристрелил этого, как его, Онегина, как же, в школе проходили.

– Ты лучше помолчи, не произноси это святое имя, оскорбляешь.

– Ты лучше скажи «оскверняешь». Помню, в детстве на Новый год были в гостях у друга отца, армянина Ильяса, в соседнем селе. Я там наелся свинины и напился вина, опьянел в стельку. Когда приехали домой, мать промывала мне рот золой, говорила, чтобы посуду не осквернял.

– Не помешало бы и сейчас рот помыть тебе, прежде чем говорить о Пушкине.

– Наливай тогда, чего стоишь, заодно и рот сполосну.

Чокнулись, наш герой залпом опрокинул содержимое стакана, тоскливо посмотрел по сторонам в поисках закуски, повертел головой и продолжил:

– Я этого твоего любимого Александра ибн Сергея, ибн Ибрагима, ибн Ганнибала не то что не люблю, просто терпеть не могу, даже сказал бы ненавижу, но лично не знаком, потому эту фразу не употребим, с тех пор как в школе мой учитель литературы Расим, по совместительству родственник отца, поклонник его намного сильнее, чем ты, ни за что ни про что отхлестал меня по спине прутком от ивы плакучей – только за то, что я осмелился сказать: «Пушкин ничего интересного не написал, а просто облачил в красивые рифмы восточные сказки, рассказанные няней, и поэзия его вообще пустая. Спасибо Дантесу, вовремя застрелил его». Не помню, кто-то написал о нем в газете с иронией, что «закатилось солнце русской поэзии», и благодаря этой, я бы сказал, в насмешку данной характеристике стал известным поэтом, а так был бы одним из своих современников, среди которых были ребята более талантливые, нежели он, а у него вообще не было таланта.

– Тебя за такие слова убить мало, ты сам хоть слышишь, что говоришь? Вслушивайся в его строки: слова подобраны и выстроены в элегантный ряд, и текут они, как горный ручеек.

– Ну да. Лучше так скажи: как матросы, построенные по ранжиру, шагают строевым шагом по плацу. Красота его поэзии – это красота елки, разукрашенной всякими игрушками-погремушками в новогоднюю ночь; но это не ель, в лесу растущая, с живым запахом, с ледяными сосульками на ветках и со снегом на макушке, пусть веточки и неровные, но живые!

– Ох, ох, как он заговорил. И кто же, по-твоему, живая ель русской поэзии? – чувствовалось раздражение в голосе.

– Я бы сказал, что все остальные, кроме него. А так, могу назвать, кого хочешь: Некрасов, Полежаев, Лермонтов, Майков, Тютчев и еще сколько хочешь. Тебе нужен поэт-революционер? Пожалуйста, Рылеев. А твой любимый воспевал покорение народов Кавказа и подавление

Варшавского восстания. И какой же он после этого певец свободы? Кстати восстание Варшавское подавлял мой земляк, генерал Исмаил-бек Куткашенский, командовал мусульманским полком. Вел себя очень жестоко, не дай Бог отзовется на потомках. Твой Пушкин был внуком раба, и в нем жила рабская психология. Воспевал он рабство, а не свободу. Потом, у него сильно был развит комплекс неполноценности, вызванный внешностью – маленький рост, мулатский вид. Русский шовинизм в то время был так же силен, как и сейчас, может, даже гораздо сильнее, его никто не отменял. Отсюда и постоянные дуэли, стремление завести как можно больше любовных интриг. Все это делал для самоутверждения. – Чувствовал, что друг сердится, понял, что «немного переборщил», и решил разрядить обстановку. С книжной полки взял какую-то тетрадь и сказал: – Тут у меня стихотворение, сам написал, тоже посвящено трем красивым женским ножкам, как у Пушкина.

– Ты себя хоть слышишь? О каких трех красивых ножках говоришь, как вообще представляешь себе эту картину? По-твоему, две женщины и одна без одной ноги, так что ли?

– Ты прав отчасти, я сейчас уточню, там действительно две женщины, только одна не успела побрить вторую ножку.

– Бреешься ты, а они делают депиляцию.

– Ты че, в своем уме, какая инфляция, это только американские доллары подвержены инфляции, а их валюта защищена от финансовых проблем.

На эти слова нашего героя друг долго смеялся и сказал:

– Давай читай.

– Слушай, читаю.

И начал с выражением читать:

*Забываешь в тот же миг
Об усталости и лени,
Как только увидишь
Женские колени.*

Зажат ты в объятиях,
Словно в тисках.
И стучит кровь
У тебя в висках.

Действует закон-метаморфоза,
Застелены глаза любви пеленой.
Не выйти из объятий, что за поза!
Скрещены ее ноги у тебя за спиной.

Начало секса, друзья, огромный труд,
Требует внимания, ласки и нежности.
Слабея, падаешь головой на ее грудь,
Погружаешься в чувство небрежности.

Они долго хохотали над этим поэтическим «шедевром», наш герой почувствовал смягчение настроения друга и сказал:

– Ладно, что сделано, уже сделано, назад не вернешь; теперь надо привести себя в порядок, пойти в часть, занять у кого-нибудь двадцатку, можно и тридцатку, если повезет, – «Хорошо хотя бы десятку», – вставил друг, – до полочки, и определимся, где и как их потратить сегодня.

Глава сорок седьмая

ОТ КОНЬЯКА ВСЕ УМНЕЮТ

Когда они шли, Толик сказал (видимо, тоже затеял разговор совсем о другом, чтобы снять напряжение):

– Знаешь, в самом деле, движение – это жизнь, даже простое движение на месте приводит к конкретному результату. Ты когда-нибудь глину месил? Ведь, казалось бы, только топчешься на месте, ан нет, получаешь материал для изготовления глиняной посуды. Вот такие дела! Как тебе моя философия?

– Отличная, очень глубокая, Платон молчит перед твоим «гением», а Кант вообще ищет укрытие со стыда; теперь я скажу: от топтания на месте твоего отца и полного бездействия твоей матери (возгласы типа «ах, ох» – не в счет) получился ты. Конечно, согласен. Еще бы, вон какой результат! А вот что касается глины, ты прям гений, вовремя напомнил. Ведь глина не только материал для изготовления посуды, из нее делают еще кирпичи, понял?

– Понял, только к чему ты клонишь? Неспроста ты прицепился к глине, давай выкладывай, что хочешь сказать.

– Я с сей минуты стал глубоко верующим человеком, верю в Старый Завет, Новый Завет и Коран, понял?

– Говори, говори, я слушаю тебя.

– В этих книгах написано, что Бог слепил человека из глины по образу и подобию своему и вдохнул ему дыхание, верно?

– Верно, ну что хочешь этим сказать?

– А то, что не дал им разума, и ходят вокруг куски глины, которые двигаются, называются человеками, а другие, лежащие, – кирпичами, отличаются эти кирпичи тем, что одни дышат, ходят, кушают и, говоря языком устава внутренней службы, отправляют естественные надобности, а другие просто лежат. Сходство их в том, что их можно выстроить в ряд: неживых – в вертикальный, а живых – в горизонтальный. Если построение вести вертикальное – получаешь тюремные стены, а если же горизонтальное – то армейское, флотское, милицейское подразделение, какое хочешь, и здесь опять проявляется их сходство: и то, и другое построение направлено против свободомыслящих людей. Это очень опасный фактор, не может не пугать, понимаешь?

– Дурак ты, Реванов, но если начал так шутить, значит, хандра прошла, дурацкая совесть не мешает больше. Она у тебя как австралийская дикая собака – вцепится и не отпустит, эта зараза через тебя даже и меня достает.

– Почему сразу дурак, и я не шучу нисколько, ты сначала хорошенько подумай над тем, что я сказал, потом осуждай меня. А если говорить о совести, то она и раньше особо не тревожила, отворачивалась, когда надо было, может, и австралийская собака по породе, но уже прирученная, хуже чем домашняя болонка. Тявкает по обстоятельствам. Женщины таких носят в сумочках.

– Ты при виде женщины не только совесть, но и голову теряешь, знаю. Скажи честно, ради них на что готов идти? Военную тайну выдашь? – смеется.

– Ты же знаешь, мы уже сколько лет с тобой собутельники, как бы ни был пьян, язык не развязывается, лишнего слова не скажу, а как вижу округлые формы – все, пиши пропало. Так что любая военная тайна – тьфу, при виде хорошенькой не только свои, но и твои выдам, так что меньше болтай мне про свои БПК.

– Слушай, еще один вопрос. Почему ты «специализируешься» все по замужним женщинам? Не стыдно лезть в чужую семью, ты же вносишь разлад в нее?

– Нет, любезный, ты не прав, я не вношу разлад, как ты выразился, а, наоборот, укрепляю первичную ячейку коммунистического общества, а вот ты разбиваешь надежду на ее рождение.

– Во как ты загнул, объясните, пожалуйста, как это?

– Очень просто. Мои часто те, которым нужно просто приключение, игра, и они получают от меня то, чего хотят. С самого начала даю им понять, что на меня никакой надежды, и они, понимая это, берегут свой основной аэродром. Уйду я по какой-то причине – она убедится, что надежнее мужа никого нет, и держится за него. И мне проблем меньше, потом, самое главное – экономически выгодно. Купишь раз в три встречи какую-нибудь розу, она счастлива. Тут же начинается: «Ой, спасибо, муж никогда не дарит мне цветов». Знаешь, как гордость распирает!

– Знаю, гордость особенно сильнее тебя распирает, когда за работу хвалят.

– Не отвлекай, дай договорить. Вот ты поступаешь низко, убиваешь надежду той, которая хочет построить ячейку коммунизма. Как говорил мой родственник Остап Бендер, надежду женщины нельзя убивать, ради этого даже женился, помнишь?

– Во-первых, он такого не говорил, во-вторых...

Не дал договорить:

– Не говорил, значит, так думал, иначе бы не женился на той мадам, не помню, как звали, то ли Гриценко, то ли Грищенко, или Геращенко. Что во-вторых?

– Во-вторых, ты так же драпаешь, как твой родственник, от женщин. Кстати, почему ты его родственником называешь?

– Отвечу в твоём стиле: во-первых, я драпаю не от женщин, а от их мужей, а во-вторых, он мой родственник, потому что у меня папа тоже турецкий подданный, но ты об этом никому не говори.

– Слушай, когда ты хотел увольняться со службы, почему не сделал этот факт случайно известным? Тебя бы вмиг выперли.

– Да, выперли бы вмиг, но потом куда бы я устроился, разве что инженером по обработке верхних слоев асфальта! Они там у образованных дворников в трудовых таких записи делают. Туда приходят люди за квартирой, чтобы не портить книжку, делают такие записи.

– Понял тебя от и до, давай отправь тогда и сейчас свою совесть куда подальше, чтобы не путалась под ногами. Мы делаем доброе дело, а она нам мешает. Все равно миром правит добро, не унывай.

– Не знаю, к чему ты приплел эти понятия сюда, какое доброе дело мы делаем, а если по мне, то я вообще не понимаю, что оно такое. Во все времена миром правило и правит зло. Вспомни историю, был ли хоть какой отрезок времени, чтобы в мире было благоденствие? Одно зло сменяло другое, они вначале лозунги выдвигают благородные, а потом встают на путь своих бывших противников, только более жестоко двигаются, как говорится, учитывают ошибки, только не в сторону улучшения жизни масс, а чтобы удержать приобретенные позиции. Веками система правления в России приучала народ к мысли, что последующая форма будет гораздо хуже. Они это показывали на деле, и эта мысль уже осела в мозгах народа, в генетической памяти. Почему происходили события в соцстранах, как ты думаешь? Потому что у них в мозгах другая программа.

– Я тебе скажу немного по-другому. Система правления не приучала народ ни к какой мысли, она просто учитывала характер мышления народа и строилась соответственно с этим мышлением.

– Можешь яснее выразиться, какой образ мышления у народа?

– Могу и очень легко. Образ мышления рабский. «Славянин» переводится со многих языков – с английского, греческого и еще с какого-то – как «раб» и никак не по-другому. Рабам свобода не нужна, более того, они ненавидят ее. Раб мечтает только о хозяине, который кормил бы хорошо

и, самое главное, чтобы был жестоким. Как бы жестоко хозяин ни наказывал раба, тот будет любить его, если только еще более жестоко накажет его соседа, то есть другого раба. В этом кроется суть опыта, о котором ты говоришь.

– У нас не все славяне, есть другие народы, названия которых не переводятся как «рабы», а они почему терпят? «Таджик», например, переводится как «носитель царской короны», что про них скажешь тогда?

– Потому что немного уже приучили репрессиями, и потом, братья-славяне не дадут им уйти. Рабы ненавидят не только свою, но и чужую свободу, извини за повтор. Ты лучше скажи о своем народе, кто есть вы?

– Я думаю, мы в самом деле азербайджанцы. Отец говорил, что раньше, до середины тридцатых годов, их называли тюрками, но я с этим не совсем согласен. В нас много разной крови течет: албанская, тюркская, персидская и арабская. Почему я так думаю, сейчас поясню, это чисто мое мнение. У нашего народа есть такой музыкальный жанр, называется «мугам». Его нет у других тюркских народов, есть у персов, практически один в один и у арабов, но не такой, как у нас. Кстати, исполнение Корана базируется на нашем мугаме. Инструменты сопровождения тоже одни и те же: тар, кеманча и нагара. Просто, наверно, процент албанской крови у нас больше. Еще один момент: у нас есть город Казах, кстати, я там родился, так вот, думаю, откуда это название? Может, там жили казахи, кто его знает, они есть потомки кыпчаков, вот еще одно доказательство к моим словам. Ладно, вернемся к тебе, а то я запутаюсь и навру тебе, будет нехорошо и некрасиво. Ты же вроде тоже славянин – и что, выходит, тоже раб?

Задав этот вопрос другу, наш герой задумался: «Интересно, откуда он вычитал такие вещи», – потому как об этом он знал только из записей старого учителя.

– Наша история тоже гораздо сложнее, и в ней не меньше вранья, чем в других. Я не все знаю о наших

корнях, могу сказать только одно: история Киева вся выдуманная, и строился он не в десятом веке, как пишут, а гораздо раньше.

– Понятно, значит, корни всех бед в рабстве. Оно же источник зла. В истории много раз было восстание рабов, значит, не все потеряно, когда-нибудь восстанем и мы – современные рабы.

– Знаешь, почему столько зла в мире? Не знаешь! Мы ушли от религии – вот первопричина всех бед, мы потеряли христианскую добродетель, а вы свою, мусульманскую.

– Слушай, Достоевский, – он всегда к другу обращался таким образом, когда тот затевал разговор о религии, – запомни: ничто не принесло человечеству столько зла, сколько религия. Даже так: все беды человечества начались с возникновения религий. Как только возникали религии, их создатели сначала истребляли свой ближний круг, чтобы те уверовали, а потом выходили на широкие просторы проливать кровь других, чтобы обратить в свою. Ты забыл, что все войны происходили под знаменем креста и полумесяца. Запомни одно: религией тоже правят люди, и всегда у них есть личный интерес, и они подчиняют религию своим личным интересам. Каждый правитель переписывал священные писания в угоду себе.

– Насчет Библии с тобой соглашусь: переписывали, переиначивали на свой лад, и потому происходили расколы; но ваш Коран же никто не трогал, сохранен в первоизданном виде, как диктовал ваш пророк, таким и остался неизменным.

– Ага, щас, ты просто не знаешь. После смерти пророка такая грызня развернулась между последователями, что мама не горюй. При этом каждый тут же переписывал Коран на свой лад, то есть как ему выгодно, даже умудрились исключить отдельные суры Корана – как ты думаешь, зачем? Затем, чтобы использовать религию для разжигания вражды между людьми. В Коране Мухаммеда были такие суры, как Муса, то есть Моисей, Марьям,

то есть Мария, и Иса, то есть Иисус. Они признаются как пророки-предшественники, но суры о них нет, такого не бывает. Пророк говорил, что человек может принять ислам, но при этом остаться в своей вере. Что это означает, как ты думаешь? Я, например, все эти три религии представляю как телескопическую антенну – одна секция выходит из другой, то есть они неразрывно связаны между собой. Почему привел пример с антенной – потому что с выдвиганием каждой секции приемник лучше принимает, а люди, в свою очередь, принимая душой все три учения, приближаются к Богу. Вот главный смысл учения нашего пророка, а не в противопоставлении людей друг другу. На деле получается, что у одного приемника три действующие антенны, что тогда происходит? Все верно, помехи. То же самое делает коммунистический режим: отвергает все и вся, обещая при этом счастье одним за счет несчастья других. Затяжная им классовая борьба – нескончаемая вещь, если не разрушить его самого. Еще одну вещь тебе скажу. Как известно, в Исламе два главных течения: сунниты и шииты. Так вот Коран, написанный шиитами, отличается от Корана суннитов, а ты говоришь – неизменность.

– Чем же они отличаются?

– Известно, что Мухаммад сам не писал Коран, а переводил с языка Бога на свой хашимитский, и помощники записывали с его слов. Его самая молодая жена Айша тоже была среди тех, кто запоминал и записывал. Шииты ее вообще не признают, называют известным словом, и записи ее тоже. Как может быть обеспечена полнота и точность Корана при такой постановке вопроса? Потом, другая сторона этого вопроса: вот, предположим, один человек диктует другим то, что он услышал, те запоминают, а потом, по прошествии многих лет, восстанавливают по памяти услышанное. Может ли быть в таких условиях полная точность? Конечно, нет, если еще учесть, что все участники «концерта» были абсолютно безграмотные. Так что там своих заморочек тоже хватает.

– Как они ее называют и почему?

– Видишь ли, во время поездки она отстала от каравана, потом объясняла, что потеряла любимое украшение – то ли колье, то ли серьгу – и всю ночь до утра искала его, а в поисках ей помогала молодой погонщик верблюдов, имени не помню, или Сархан, или Савфан, это и не так важно, самое главное – к утру нашли, что искали, и пришли к каравану. С тех пор шииты ее не признают. Их главный имам Али сказал, что ее лица коснулось дыхание чужого мужчины. Вот такие дела. Об этом очень красиво, с юмором писал Ахундов, философ девятнадцатого века, возьми, почитай, очень интересно.

– Теперь понятно, тогда надо начинать с язычества, по-твоему, их богов изучать, какие были у них нравы, как был устроен быт и так далее.

– Ты вообще знаешь, что такое язычество, язычник и, наконец, корень этих слов «язы?» Все кидаются словами «язычник», «языческие боги», «язычество», а ни один умник не задается вопросом, что такое само слово «язы», от которого образованы эти понятия. Объясняю в первый и последний раз, внимательно слушай. На тюркском в общем и на азербайджанском языке в частности «язы» означает степь. У нас в Азербайджане даже огромная территория называется Караязы, то есть большая степь. Так вот, когда тюрки пришли в Европу, принесли туда свою веру – тенгрианство. От него пошли все современные религии и, соответственно, такие понятия, как языческая вера, язычество, языческие боги и тому подобное.

– Почему же тогда последующие религии, мягко говоря, вступили в смертный бой против своих корней, то есть против язычества?

– Ты перебил, я как раз хотел рассказать об этом. Это, дорогой друг, была война между старым миром и новым, то есть те тюрки, которые обосновались в Европе и жили там, скажем, два, три и больше поколений, естественно, несколько изменились, ассимилировались с местными

народами, и рождались новые народы, скажем, и не чистые тюрки, и не чистые римляне, например, а нечто смешанное. А тут приходят новые потоки тюрков, из степей, со своими старыми принципами, нормами, то есть языческими, степными законами, и к чему это приводит? Правильно, к войне на истребление. Отсюда берет начало и инквизиция, и последующий за ней Ренессанс. Вот такие дела, дорогой мой, откуда все исходит. Ладно, хватит; интересно, найдем ли кого-нибудь, чтобы стрелнуть хотя бы двадцатку? Слушай, Толя, до какой стадии пьянства мы с тобой дошли вчера?

– Какая к черту стадия, ты о чем?

– Родной, ты не кипятись, у пьянства четыре стадии развития, если хочешь знать, или протекания, понял?

– Нет! – с раздражением в голосе. – Поясните, пожалуйста!

– Слушай, поясняю: павлин, обезьяна, тигр и свинья. Теперь попрошу внимания, наш Нух, а по-вашему – Ной, когда построил свое корыто, то есть корабль...

– Ковчег, – вставил друг.

– Отстань, корыто большое, – перебил он друга, – взял туда виноградную лозу, чтобы потом получить виноград и, соответственно, коньяк. Видимо, был, как и мы с тобой, любитель закидывать за воротник. Короче, когда вырос куст винограда, Шайтан, или Иблис – по-нашему, а по-вашему – Сатана, поймал павлина, оторвал ему башку и кровь павлина полил на куст виноградной лозы. Затем, когда распустились листья, этот гаврик поймал обезьяну, свернул ей шею и кровью невинно убиенной обезьяны опрыскал листву винограда и стал ждать, когда расцветет сие растение. Как только распустились цветочки на лозе, этот гад поймал тигра, отрубил ему голову и кровь его полил на цветы. И наконец, когда появились ягодки, то есть виноград, этот кадр заколол свинью и ее кровь полил на него. Теперь ясно, откуда четыре стадии. На первой ступени, когда человек павлин, он хвастает; когда обезьяна – шутит, веселится, когда тигр – ему

море по колено, лезет драться. И наконец, когда напивается в хлам, как вчера мы с тобой, превращается в свинью, теперь понял? Кстати, чтобы ты знал, Сатана происходит от тюркского «сатан» и переводится как «предавший».

– Понял, но мы в хлам не были пьяны и не валялись, драться не лезли, не шутили, не смеялись и не хвастали; наоборот, говорили об очень серьезных вещах, так что твоя градуировка не подходит.

– Очень хорошо, значит, подходит вариант парторга нашего колхоза, Мирзахида, он говорил: «От водки человек становится грамотным».

– Слушай, интересно, где ты вычитал это? Шутки в сторону.

– Дорогой друг, это есть в Библии и в Коране, хочешь, найди сам и прочти.

– Можно подумать, что ты уже прочитал и Коран, и Библию, а сейчас взялся за буддизм, – смеется.

– Нет, скажу честно, не читал еще ни того, ни другого, все это рассказывал мне один мулла из нашего села, дедушка Бадар, который приходился родственником отцу. Когда умер отец, я по четвергам ходил к ним домой, чтобы напомнить помолиться об отце; сначала он читал молитву, а потом рассказывал что-нибудь интересное из Корана. Все это он рассказывал, очень грамотный был мужик. После него я не видел подобных священников, ты же знаешь, я тут лазаю по всяким молитвенным домам. В детстве я боялся близко подходить к нему, когда тот шел по дороге: складывалось впечатление, что двигается в каком-то огромном шаре, то есть он шагает, а шар катится.

– «Аура» называется, может, у него действительно что-то такое божественное было.

– Слушай, не умничай, я не знаю, что такое аура или как ты там его называешь, говорю – шар, значит, шар. Вокруг него мне всегда виделся шар, и я боялся подходить к нему близко.

– Видишь, сам еще в детстве чувствовал, какой мерзавец, не зря боялся подходить к тому дедушке.

– Может, ты и прав, не спорю. Видишь, в селе все его уважали, может, действительно что-то было в нем божественное, святое что ли.

– Не соответствуешь статусу, еще в детстве общался с таким человеком, а сейчас алкашом стал. Пьешь беспробудно.

– Ты нисколько не отстаешь, потом, мы не алкаши, у нас есть определенное кредо: пьем только коньяк, не с кем попало, не где попало, так что нам не подходит слово «алкаш». Потом, сам сказал: мы не вписываемся в шкалу стадий пьянства, это нас выделяет из общей массы, как бы выразиться, подчеркивает индивидуальность и не может не радовать.

– Хочешь сказать, мы отдалены от общества, так?

– Вот именно, только не пойму, общество нас отдалило или мы его; факт остается фактом, мы с тобой не вмещаемся в обойму коммунизма, тесно в ней нормальному человеку.

– Потому что он обезличивает человека, не так ли? Так то же самое делает религия: есть один Бог, и ты должен верить в него, вот и весь разговор.

– Может быть, но учений о Боге множество, в мире куча религий, говорят о трех основных, а так их очень много, потом, сколько течений внутри каждой религии. В этом ее сила. Она развивается на внутренних и внешних противоречиях. Возьмем любую, например, христианство, сколько в нем течений: католики, православные, монофизиты и другие, потом, внутри каждой из этих ветвей уйма течений, то же самое в исламе. Это внутренние противоречия, а внешние – борьба между собой этих учений. Что касается коммунизма, то в нем только борьба с внешним миром, а внутри нет свободы мысли, только подавление инакомыслия, то есть всех под одну гребенку. Это приведет к гибели его.

– По-твоему, какое место занимает религия в развитии мира?

– В развитии материального мира – понятия не имею, может, никакого, а вот в развитии общественной мысли

и науки – одно из самых главных, я бы сказал, все это развитие происходит благодаря ей, только не в смысле того, что муллы или попы делают открытия, как Ньютон или Эйнштейн, об их тупости и реакционности книги можно писать томами. В чем смысл самого главного вопроса человеческой мысли – есть Бог или нет Бога, все! Весь мир разделен надвое вокруг этого, ни в науке, ни в жизни нет вопроса, который бы охватил все человечество так, как этот вопрос о наличии или отсутствии Бога. Спор вокруг этого величия – а Бог для меня некое абстрактное величие, а не какой-то бородатый мужик, каким его выдают дебилы разных конфессий, – развивает и научную мысль; короче, одни пытаются доказать, что он есть, а другие – что его нет, и в конечном итоге развивается наука в различных направлениях. Я ввел такое понятие для себя – закон равновесия Вселенной, или великая Вселенская сила. Что же это такое? По мне, это все направления науки: физика, химия, математика, геометрия, геология, сейсмология, астрономия, зоология, физиология, космология – одним словом, все науки. Благодаря совокупности или гармонии законов этих наук существует и сохраняется Вселенная. А эти шарлатаны называют эту совокупность Богом – между прочим, очень удобная позиция, ни к чему не обязывает: жди, пока научное открытие сделается, тогда и припиши его себе, а пока нет, есть спасительная формулировка: «Пути господни неисповедимы».

– А что такое космология?

– Понятия не имею, взбрело в голову – и ляпнул, может, наука о космосе, не знаю.

– Ладно, что еще скажешь о вашей религии? Какая была ее роль в развитии тюркского мира вообще и вашего – азербайджанского – в частности?

– Вред, нанесенный религией ислам тюркскому миру вообще и азербайджанцам в частности, по своим масштабам ни с чем невозможно сравнить, даже коммунистическая оккупация на фоне ее выглядит благом.

– Ну ты загнул, чем можешь подкрепить? Только хвалил, «наш пророк» говорил и прочее, а теперь выдал!

– Он действительно наш пророк, и мне никуда не деться, если даже завтра приму буддизм, потому что я родился в мусульманской семье; сейчас попытаюсь пояснить свою мысль. По своим морально-этическим принципам мы с арабами находились и находимся на противоположных концах разных полюсов, по всем показателям. До ислама в арабском мире существовала женская полигамия, то есть одна женщина имела множество мужей – по причине того, что эти недоумки девочек при рождении убивали, живьем закапывали в землю, то есть в песок. Как ты думаешь, почему разрешается по исламу многоженство? Да потому, что создатели религии решили отыграться за унижения, испытанные ими от женщин. Ведь как было до ислама? Женщина принимала мужчин по очереди, пока она наслаждалась с одним в доме, примерно десять – пятнадцать, а то и больше голов мужчин стояли и ждали под дверью. Когда рождался ребенок, та собирала всех мужиков, с кем когда-то имела дело, и указывала на одного из них, таким образом назначала отца ребенка. У арабов есть приставка «абу», она означает «отец» («абу Ибрагим» – то есть «отец Ибрагима»), так вот, назваться «абу» было почетно, и это относилось только к мужскому полу, а почему вызывало гордость это слово «абу» – потому что женщина из множества мужчин назначала его отцом. Другой пример: женитьба на родственницах, просто кошмарные были и есть масштабы, и самое безнравственное – взятие в жены девочек, по сути, в детском возрасте и внедрение чадры. Чадру я считаю фактором оскорбления не только женщин, но в неменьшей степени мужчин, ведь облачая женщину в чадру, эти козлы уже заблаговременно из меня сделали насильника, по себе меряют: понимаешь, смотри, сколько вокруг нас ходят женщин, одетых, по их пониманию, не по нраву, мы же не кидаемся на них, как звери, а вот попади они в такие условия – наверняка бросаются.

– А почему ты сказал, что вы с арабами на разных полюсах?

– Ты не читал Виктора Гюго? Так вот, он говорил, что душа земли вселяется в человека, и дал подробную поведенческую характеристику человека в зависимости от места обитания. Очень много пишет о людях, родившихся и выросших в разных природных условиях, но я скажу только о двух: о тех, кто обитает в горах, и о тех, которые в пустыне. Он писал, что гора вдохновляет на отвагу, на подвиги, а пустыня делает человека бессовестным, тем более если он непросвещенный. Для человека непросвещенного пустыня – это царство призраков, и она толкает человека на бессмысленную жестокость. С горной вершины человеку открываются широкие горизонты, и потому он мыслит широко, а пустыня, наоборот, ограничивает. Теперь понял, чем мы отличаемся от арабов? Мы – дитя гор, а они родились в пустыне.

– Тебе не кажется, что эти твои слова отдают душком, нет?

– Упаси Боже, что ты! Я только попытался истолковать слова Гюго в своем понимании. Не веришь – читай его роман «Девяносто третий год», все претензии к нему, что касается меня, то согласен с ним полностью в том, что характер местности часто предопределяет, то есть подсказывает человеку почти все его поступки.

– Да, из тебя выйдет хороший коммунист, они тоже умеют очень убедительно говорить о том, о чем даже понятия не имеют. Характер человека формируется еще влиянием времени, в котором он живет, другими словами, событиями, происходящими вокруг.

– Насчет событий еще могу согласиться, а в остальном ты не прав; я всегда говорю то, что знаю или где-то вычитал у авторитетных. Думаю, Гюго для тебя авторитет, не так ли? Что касается хорошего коммуниста – конечно, стараюсь, расширяю практические навыки, видишь, в разговоре даже не заметили, как дошли до заветной цели. Подожди, зайду в часть, стрельну у кого-нибудь двадцатку, хоть в себя придем.

Конечно, они сумели взять в долг у сослуживцев тридцатку, но, думаем, нет смысла рассказывать, как бездарно она была истрачена. Ничем примечательным день не выделился, только пораньше ушли из заведения, друг – на корабль к себе, а наш герой – в общагу; в понедельник утром ждала обоих служба почетная.

Глава сорок восьмая

ПЕРВЫЕ ПРОБЫ ПЕРА

Вскоре при очередной встрече Реван с Толиком сочинили первое письмо о несоответствии уровня зарплаты нормам потребностей для проживания среднего советского человека. Чтобы написать письмо, проделали определенную работу, рассчитали всю потребность по всем видам продуктов питания на одного матроса на месяц. Такой же расчет был проведен по всем направлениям потребления, и было сделано сравнение между уровнем зарплаты и расходами. Цены брали розничные, как говорится, прилавочные, и картина получилась удручающей. В начале письма как бы были адресованы редакции газеты или какому-нибудь советскому органу, а заканчивались почти всегда одинаково, словами: «Дорогой и горячо любимый Леонид Ильич, скажите, пожалуйста, как дальше жить в таких условиях?» Работа, конечно, была муторная, буквы выводили по трафаретным линейкам, их еще называли офицерскими, и по этой причине буквы получались квадратные или треугольные, одним словом, нестандартные. Наш герой всегда твердил: «Лучше немного помучиться, нежели угодить в психушку».

Такие письма по разным вопросам писались в разные газеты и журналы или советские органы с регулярностью два-три письма в месяц. Их старались отправлять из других областей, а еще лучше республик, передавали

знакомым, отъезжающим за пределы края, также морякам, отбывающим в отпуск. Неоценимую помощь оказывала подруга Толика Надя, которая работала официантом в вагоне-ресторане поезда Харьков – Владивосток. При каждом ее приезде друзья передавали ей письма, и та сбрасывала их по пути следования в разных городах. Таким образом, как выражался в то время наш герой, начался период двуличности в жизни двух друзей.

Рещенко выражал свое отношение к тому, что они делали, словами:

– Этот режим – огромное дерево, так просто его не свалишь, нужно точить постепенно; мы выполняем роль червей, которые уничтожают дерево изнутри.

В ответ на это сравнение наш герой говорил:

– Смотри, как бы на дятла не нарваться, выклюет, и не почувствуешь.

На что тот парировал:

– Не бойся, мы – черви под надежным панцирем, клюв не каждого дятла нас достанет.

Тогда между ними завязался короткий диалог.

– Видишь ли, Толя, дело в том, что если что-то совершается тайно и касается общества, то это самый что ни на есть аморальный поступок. Я не говорю о тайне любви, например, или о чем-то сугубо личном для человека. Я имею в виду общественное деяние. Я уже говорил: мы с тобой безнравственные, беспринципные люди, может, даже трусливые. Почему мы скрываемся, если в чем-то не согласны, не говорим об этом открыто?

– Вопрос не в том, почему мы скрываемся, а в том, кто поставил нас и миллионы таких, как мы, в такие условия? Кто узурпировал все вокруг и лишил права голоса остальных? Кто навязывает свою идеологию, притом насильственно, другим людям, и не только внутри страны, но пытается это навязать всему миру? Ты найди ответы на эти вопросы, тогда не будешь рассуждать о них так, как сейчас. Так что хватит хандрить, надо заняться

делом. Черт с ним, провалимся так провалимся, значит, так надо.

– Не бойся, не провалимся, мы на правильном пути; дело в том, что если постоянно уходить от противника в противоположную сторону, то обязательно столкнешься нос к носу, надо его вести за собой на расстоянии видимости и держать эту дистанцию под названием «осторожность», а мы даже не то что их водим за собой, мы идем с ними рядом; не волнуйся, держи руку на пульсе ситуации, и все будет как надо. И самое главное – запомни: в такого рода делах искренние люди никогда не провалятся, потому что они убедительны по обе стороны одной линии, которая называется линией совести. Когда ты искренен, она просто размывается.

– По-твоему, совестливые люди – самые подлые?

– Нет, просто совестливые люди подлость тоже делают по совести, извини за тавтологию.

До того распоясались, что в одном из писем предложили распустить одновременно блоки НАТО и Варшавского договора. Конечно, с позиции тех лет им казалось, что делают нечто важное, общечеловеческого масштаба дело, а по сути – занимались чистой ерундой, пустой тратой сил и времени; по сути, друг был прав: мелкие черви, точащие дерево изнутри.

Все письма друзья сочиняли, как говорится, с умом, то есть продумывали тему, обсуждали по несколько дней, а потом только писали. Но одно письмо написали и отправили слету.

Как-то во время прогулки по городу их внимание привлекла вывеска вновь открывшегося продуктового магазина для ветеранов войны. Их возмутило то, что людей, прошедших войну, унижают продуктами, заставляют их прятать глаза при покупке еды. Как выразился Толик, офицеров, деливших свой дополнительный паек с солдатами, превращают в фомензонов из Порт-Артура. Тогда наш герой спросил своего друга:

– Что за Фомензон из Порт-Артура?

– Был там такой офицер, солдаты его не любили. Когда сдали крепость, хотели его убить, но не нашли, потому что тот спрятался в сортире и залез по самое горло в нечистоты. Кстати, там были нерусские офицеры – тоже ваши, наверное.

– Знаю, Мехмандаров, Шыхлинский, Садыгов.

– Подожди, еще был один... Забыл, потом скажу. Не читал книгу «Порт-Артур»?

– Нет, но обязательно теперь прочту.

– Откуда тогда знаешь?

– Источник же не одна книга, есть другие. – Ничего не стал говорить о записях учителя.

Через некоторое время решили расширить поле деятельности. Надумали выпускать листовки, однако дело было более рискованным, но и гораздо более интересным. Нужно было обдумать, как бы не попасть в поле зрения конторы.

Однажды, когда они сидели вдвоем, Рещенко сказал:

– Слушай, боец незримого фронта, как ты смотришь на то, чтобы печатать листовки?

– Давай уточним один вопрос, потом скажу. Этот эпитет относится к гэбэшникам, при чем тут я?

– При том, ты есть боец незримого фронта, и самое главное – одновременно нескольких. Ты хоть сам знаешь, кто ты есть в самом деле?

– Слушай, теперь у тебя очередной приступ совестливости, надоело уже, хватит. Да, я многоликий, врун, если хочешь услышать, подлец, говорю одно, делаю другое. Знаешь, как иногда приятно видеть, как тебя принимают за порядочного человека, на их взгляд, а ты выслушаешь, соглашаешься, а потом бац – делаешь все наоборот. Черт побери, сколько партийных решений я таким образом прокатывал, не перечить! Тебя перед тайным голосованием обрабатывают, за какое решение нужно голосовать, ты киваешь головой, обещаешь, что поговоришь

с надежными товарищами, и действительно говоришь, но только так, как тебе нужно. Это особое удовольствие – видеть провал предварительного решения, чтобы понять: надо быть участником. Предположим, секретарь парткома мне предлагает поступить подло, я ему обещаю, но поступаю в отношении его тоже подло, не сдерживаю своего слова. Голова ломается: где правда, где ложь, и вообще на фиг все это нужно; но проходит немного времени, успокаиваешься и получаешь удовольствие, что провел такого же подонка, как сам. Вот чем привлекает меня это членство, именно членство в этой членовой партии. Дорогой, если хочешь знать, подлец – тоже особое состояние души. Ты лучше меня знаешь про лагерь АЛЖИР. Знаешь, что там было. Когда этих заключённых женщин выводили на прогулку, местные казахские пацаны выстраивались вокруг забора из колючей проволоки и с криками: «Смерть женам врагов и изменников нашей великой родины! Да здравствует наш отец и учитель, товарищ Сталин!» – забрасывали их «камнями». Это были особые камни, съедобные. Они таким образом спасали заключённых от голодной смерти.

– Что за камни были съедобные?

– Сушеные шарики из простокваши, «курут» называется, чтобы тебе было просто понять. Древние тюркские народы изготавливали их таким образом: обезвоживается сначала простокваша, затем делают из этой массы небольшие шарики диаметром примерно пять сантиметров и потом их на солнце сушат. Получается действительно как камень, не отличишь, но можно облизывать и, если крепкие зубы, погрызть. Скажи, пожалуйста, эти родители не понимали, какому риску подвергают себя и своих детей, или дети не понимали, что кидают? Все шли на ложь, а теперь посуди сам – и меня, и себя, и этих людей, всех. Слушай, не раз тебе говорил: вся история этой страны базируется на лжи, так что не парься, двумя мерзавцами больше или меньше – никакого значения не имеет.

– Откуда про это знаешь?

– Господи, у меня в свое время служили матросы, их отцы и деды проделывали все эти фокусы.

– Да, может, ты и прав.

– А что касается листовок, смотрю вполне нормально, если ты сопрешь с корабля какую-нибудь маленькую, списанную, но все еще находящуюся в рабочем состоянии пишущую машинку.

– А почему ты даже не удивился вопросу, а сразу ответил, ждал что ли?

– И ждал, и думал об этом.

– Почему тогда сам не предлагал?

– Ждал, когда созреешь, зачем торопить события. Время подошло – сам сказал, знал, что когда-нибудь скажешь об этом сам.

– Если бы не сказал? Самому не дано было говорить?

– Нет, не дано. Такие вещи делают оба, согласованно.

– Черт побери, если согласованно, то почему должен говорить именно я, а не ты?

– Понимаешь, я к тебе отношусь как к другу, с полным доверием, боюсь предложить непосильную ношу: ты откажешься, и я разочаруюсь, не обижайся. И потом, куда торопиться, успеем все.

Через некоторое время Рещенко действительно спер пишущую машинку с корабля, выменял у боцмана за две бутылки шила, то есть спирта. Когда «печатный станок» был доставлен к месту, с тревогой сказал:

– Слушай, боцман как бы между делом сказал, что по почерку можно определить машинку, это правда?

– Абсолютно.

– Тогда какой черт она нам нужна?

– Не волнуйся, есть способ уйти от этого, только надо купить хороший фотоаппарат, и все будет нормально. Ты вроде как-то хвастался, что фотографией увлекался некоторое время, в кружок ходил, так ведь? Вот и ладненько, покажешь свой талант. Одно условие: ты с этим фотоаппаратом нигде не должен светиться, и никто

не должен знать, что у тебя он вообще есть и что ты умеешь фотографировать. Сначала печатаешь текст, потом обводишь все буквы, вплоть до знаков препинания, химическим карандашом, затем фотографируешь – и все в лучшем виде, ничего не невозможно определить.

– Как распространять будем? По тем местам, куда ходим?

– Нет. Подгоним под прибытие какого-нибудь конкретного поезда из Москвы. Ведь она же источник всех зол. Один раз в месяц штук пятнадцать – двадцать листовок-фотографий достаточно. Надо же сузить круг поиска и дать правильное направление ему.

– Почему Москву называешь источником всех зол? Просто интересно!

– Ты знаешь, как расшифровывается ЦК КПСС?

– Нет, скажешь – буду знать, опять придумал какую ахинею?

– Нисколько, просто правильная трактовка, меняю только одно слово, и вся суть раскрывается. ЦК КПСС – это центральное кладбище КПСС, только одно слово поменяешь и получаешь правильное значение, которое соответствует сути. Обрати внимание: могилами партийных вождей обложена вся стена вокруг Кремля, а сам Кремль, со времен древних царей, – могильник, там только могильники располагались. А подавление Стрелецкого бунта, сколько крови тогда пролилось! Одним словом, брат, в Кремле или над Кремлем, как хочешь, так и принимай, витает дух убиенных – тысячи непосредственно там, а также тех миллионов, на убийство которых отписывались распоряжения. Там принимались решения об уничтожении Кавказа и Украины, да и не только их, о депортации народов. Ты знаешь, что Кремль построил азербайджанский архитектор из Шемахи, Али Керемли? Отсюда и пошло название «Кремль». Если интересно, можешь прочитать об этом у нашего поэта Расула Рзы. Таким образом, первым невинно убиенным в Кремле был его строитель, и его неприкаянная душа по сей день

вращается над ним – так же, как и всех последующих. Ты после всего этого думаешь, что у этой страны будет какое-то благополучие? Я очень сомневаюсь. По дурусти там еще построили Дворец съездов, по какой черт? Ведь и над ним витают души убиенных. Любая мысль, исходящая из Кремля, обволакивается духом смерти, и потому она не может быть реализована.

– Ну и ты завернул. Что же предлагаешь? Сносить Кремль?

– Весь Кремль не надо, а вот Дворец съездов я бы снес, создал бы там музей истории России и Москвы под открытым небом. Это было бы и правильно, и справедливо, потому что освободило бы страну от духа смерти, витающего над ней.

– Может, найдем хороших ребят и привлечем тоже, все-таки легче будет и с печатанием, и с распространением, как ты думаешь?

– Никак не думаю, а если думаю, то очень отрицательно. Толя, по-моему, я тебе уже об этом говорил, но не пояснял, объясняю, не будем никого привлекать. Потому что, когда народу много, кто-то предаст – это первое, и потом, если лично я провалюсь, никакой пытки не выдержу и более того не допущу, тут же все выложу. Зачем мне стать причиной ломки жизни людей? Что касается нас двоих, договариваемся так: при провале рассказываем все, нас всего лишь двое, не нужно себя мучить, играть в героя. Еще один момент, если когда-нибудь кто и вспомнит, просто скажут: «Двое друзей делали то и то и провалились». Никто не будет искать предателя, а если нас будет хотя бы трое, уже будут искать предателя, понимаешь?

– Слушай, ты это серьезно? Просто так возьмешь и выдашь меня?

– Да, и тебе говорю делать то же самое, если не сделаешь, сам приду, понял? Если не устраивает, закрываем лавочку.

– Нет, не закрываем, пусть будет по-твоему, все равно не переубедишь тебя.

– Тогда поздравляю! С открытием филиала бакинской типографии «Нина» во Владивостоке начинается новая жизнь. Это дело надо отметить.

– Знаю, слышал про вашу типографию «Нина», читал в каком-то революционном романе. Говорят, Сталин открывал, ну, в смысле организовал ее.

– Не знаю, но то, что организовали ее большевики, бесспорно. Что касается Сталина, то он со своей бандой снабжал их деньгами; занимались, в основном, грабежом как частных миллионеров, так и государственных организаций. Я еще в детстве фильм смотрел, «Камо», там показывают, как они банк или почту, не помню уже, грабят. Так вот, один дяденька в селе говорил, что одним из бандитов был Сталин.

Друзья вскоре приобрели фотоаппарат, и открылось новое направление в поле их деятельности. Наш герой и сам научился фотографировать, и даже можно сказать, у него неплохо стало получаться, со временем приобрел себе фотоаппарат. Впоследствии услышал отголоски этой деятельности – выпуска листовок-фотографий – от первоисточника, из конторы.

Глава сорок девятая

ПРИГЛАШЕНИЕ В ГОСТИ

Друзья, конечно, встречались не только между собой, но и со своими новыми «начальниками из невидимого фронта», как они называли между собой «своих» особистов. До нового года оставалось немного дней, где-то около недели, и у нашего героя была встреча со Стропиным – инструктаж по предотвращению терактов в предпраздничные и праздничные дни. Приезжал какой-то начальник откуда-то, и тот объяснял своему невидимому подчиненному, как себя вести в случае, если вдруг узнает о том, что у кого-то возникло желание убить этого высокого гостя. Даже дал телефонный номер на всякий непредвиденный случай. Поговорили еще немного о том о сем, и на прощание Стропин пригласил его в гости на Новый год к себе домой. Тот согласился и шутя сказал: «Как раз выпьем неразделенный коньяк от ничейной шахматной партии». На том и решили.

Уходя от Стропина, наш герой начал снова задумываться, правильно ли поступил, согласившись прийти в гости. Ведь на его родине это высшая форма уважения к человеку – пригласить в дом свой и познакомить с членами своей семьи, выше нет чести. Может, отказаться, сославшись на какое дело? Но тогда обидишь человека. «Ладно, придем, а там поглядим». Совесть мучила его еще по другой причине – с самого начала знакомства чувствовал, что Стропин относится к нему с теплотой и неподдельной

искренностью, что отсутствовало в нем самом. Ясное дело, ведь у него изначально был интерес, было совестно: как ни крути, получалось, что хотел использовать дружбу с ним в корыстных целях. Как раз проблема-то заключалась в том, что не хотел допускать нечестного поступка в отношении Стропина, и для этого самый простой путь – не доводить отношения до настоящей дружбы.

Не зря говорят: вода камень точит, так и доброе искреннее отношение все равно когда-то вызывает взаимность, если они проявляются в отношении человека, не потерявшего совесть окончательно. К таким можно было отнести и нашего героя.

Доброе, дружеское отношение Стропина выводило его из себя, и долгое время не мог решить дилемму, что важнее: дружба с ним или поставленная цель. После каждой встречи уходил с тяжелыми чувствами и, сам не замечая, постепенно менялся внутренне и со временем стал относиться к нему с чувством доверия. Конечно, не может быть и речи о том, чтобы признаться во всем (хотя такие мысли тоже посещали его), – дело в том, что Стропин был преданным своему делу человеком, а наш герой – своему замыслу. Потому и решил совместить несовместимое: завязать дружбу с человеком и при этом быть непримиримым к его взглядам. «Будь что будет», – говорил тогда он себе.

Да, доброе отношение рано или поздно вызывает взаимность, и после этого стараешься восполнить пробел холодности с удвоенной теплотой, а человек становится другом всей жизни. Может случиться, что не видишь его не то что год или два, даже десять, двадцать лет, а когда встречаешься, возникает такое ощущение, будто расстались только пять минут назад. Это как раз и произошло с нашим героем.

Так получилось, что в гости он пришел не тридцать первого декабря, а второго января, потому что они со Стропиным в тот день дежурили, каждый в своей «конторе». Когда пришел к Стропиным в гости, был еще

больше удивлен душевности всей семьи, которой был встречен. Толик познакомил его с женой Людмилой и, конечно же, принцессой Катериной – трехлетней дочкой. Подарки, принесенные им, всем понравились: Анатолию (и себе, конечно) – коньяк, Людмиле – цветы, а Катерина была в восторге от плюшевой игрушки – огромного то ли кота, то ли тигра. Вечер прошел в очень приятной и душевной обстановке, он чувствовал настоящую семейную теплоту, находясь в тысячах километрах от дома.

В такой обстановке невозможно вести двойную игру. Тепло трех сердец было направлено к нему, и он чувствовал, как начинает таять холодный лед расчета в его сознании, сначала медленно, с огромным сопротивлением, затем усиливаясь. Последнее, что испытывал, – это чувство стыда за то, что в начале знакомства ставил корыстные цели. Забегая вперед, отметим, что эта дружба изменила всю его дальнейшую жизнь, другими словами, создала новую программу, как некогда его первая любовь к однокласснице из соседнего села. После этого часто заходил к ним уже не как гость, а как член семьи, как дядя Катерины, неважно, по отцовской или по материнской линии. Она сильно привязалась к нему и, в свою очередь, все сильнее привязывала его к этой семье. Говорят, чувства детей не обманешь, знал об этом и наш герой, и такое теплое отношение маленькой Катерины облагораживало его в собственных глазах. Оставшись наедине с самим собой, говорил: «Наверно, у меня в душе есть что-то хорошее, раз ребенок так ко мне относится, значит, еще не все потеряно».

По истечении некоторого времени после празднования Нового года, наш герой снова был приглашен в гости к Стропиным по поводу какого-то семейного праздника. Когда остались наедине (наверное, когда Людмила уходила на кухню), Анатолий рассказал ему о теракте в московском метрополитене, унесшем жизни десятков людей.

Произошло это событие спустя неделю после Нового года, сказал, что есть необходимость встретиться

и обсудить кое-какие вопросы. Встретились в ближайший возможный день. Стропин показал ему две большие книги, альбомы с фотографиями, и попросил посмотреть внимательно, может, есть знакомые лица. Далее пояснил, что в этих альбомах указаны лица армянской национальности, попавшие в поле зрения органов, и, поскольку он тоже уроженец Армении, возможно, с кем-нибудь из них пересекались пути.

Нашему герою все стало понятно, и начал изучать указанные альбомы. Остановился на похожих трех фотографиях, назвал место возможного пересечения путей. Анатолий поблагодарил, и, немного поговорив о разном, они расстались. Прошло некоторое время, и Анатолий принес радостную весть о задержании армянских террористов, совершивших теракт в московском метро, сотрудниками Комитета государственной безопасности, однако ничего не сказал, были ли это те люди, на которых он указал, или нет.

Жизнь протекала по отлаженной тропинке, служба – учеба, и незаметно истек срок по контракту. Нашему герою следовало сделать выбор: продолжить службу или же уйти в запас. Решил посоветоваться с Анатолием; с Рещенко не было смысла говорить, поскольку тот выбрал гражданку. Встретились с Анатолием у него дома; после того как выпили и крепко закусили, наш герой поделился своими сомнениями, тот внимательно выслушал и сказал:

– Я скоро буду переводиться на новое место службы, но нам надо будет до этого встретиться, и мы с тобой напишем кое-какие бумаги, а ты дома подробнейшим образом напиши свою автобиографию с указанием всех ближайших родственников, рода их занятий, также укажи, есть ли родственники за границей и поддерживаешь ли ты с ними связь.

Уходя от Стропина, все время думал над его последними словами о родственниках за границей. «Неужели

начинает реализовываться план моей мечты, притом сам по себе, по инициативе противоположной стороны», – думал про себя и сам не мог поверить в свои мысли, но бывают же чудеса на свете! Да, оказывается, бывают!

Все написал, как было велено, и передал Стропину через два дня в части. Забирая бумаги, Анатолий назначил встречу на ближайшее время и строго-настрого попросил не опаздывать, как нередко бывало у нашего героя.

На этот раз приехал на встречу даже на несколько минут раньше, но подождал в стороне, и в назначенное время явился в кабинет в управлении тыла флота. Анатолий был не один. Находился там еще другой человек, довольно дружелюбного вида. Поздоровался за руку и представился:

– Николай Петрович. Можете не представляться, о вас я знаю достаточно.

Николай Петрович взял инициативу в свои руки и начал рассказывать о политической ситуации в целом и о роли органов госбезопасности в деле защиты интересов страны. Он не только рассказывал сам, а также втянул в беседу нашего героя. Разговор длился долго, но, как и всякое дело, наконец завершился. Первым ушел Николай Петрович, они еще некоторое время поговорили о разном, и на прощание Анатолий сказал:

– Реванчик, приказ о моем переводе поступил, завтра я вылетаю в Петропавловск-Камчатский, и, к сожалению, даже нет времени посидеть, отметить, но, думаю, мы еще встретимся не раз. Как только определюсь там, напишу тебе. Здесь ты будешь общаться с Николаем Петровичем. У него к тебе еще будут вопросы. Он тебя сам найдет, после твоего увольнения и трудоустройства, как говорят, жди весточку добрую от него. – На вопрос о семье ответил: – Мы вылетаем вместе, вещи упакованы, товарищи отправят за нами контейнером. – После этих слов достал из портфеля бутылку коньяка, две стопки и плитку шоколада (да, готовился друг). – Давай хоть так отметим наше расставание!

Откупорил бутылку и налил полные стопки. Вскоре бутылка была осушена, они вместе вышли на улицу (такого раньше никогда не было), попрощались, наш герой сел на такси и уехал к себе в общежитие.

Последние слова, сказанные Стропиным, вселяли большие надежды. Конечно, ему проще было бы получить офицерское звание и продолжить службу, как планировал Вольдемар, однако этому плану не суждено было сбыться: весной того же года его перевели служить в другой город, и командиром части стал его заместитель, с которым у нашего героя отношения, мягко скажем, не сложились. Это тоже послужило еще одним стимулом к увольнению. К сожалению, пути их с Вольдемаром – Вадимом Георгиевичем – больше не пересеклись.

Приказ об увольнении не заставил себя долго ждать, в октябре 1979 года уже был свободным человеком и устроился на один из военных заводов инженером военного представительства. Предстояла очень интересная работа. Завод выпускал систему управления атомным реактором подводных лодок, а также систему управления для ПВО надводных кораблей. Он относился к работе очень серьезно, изучал внимательно принцип работы производимых устройств, потому как эти знания тоже могли бы пригодиться в его будущих планах.

После отъезда Анатолия у него в городе стало на одного близкого человека меньше. Конечно, за годы учебы подружился со многими сокурсниками из института, был еще друг Рещенко (после увольнения устроился работать инженером в Приморский радиотелецентр, в цех радиовещания), с которым он встречался так же, как и раньше, и так же, как раньше, строчили письма, но после расставания с Анатолием начал чувствовать душевную пустоту. Было ощущение потери части души. Воистину, человеку очень трудно разобраться в своих чувствах. Наверное, это предмет исследования всей его жизни. А может, вся жизнь человека есть набор ошибок, именуемый опытом, который,

по сути, никому не понадобится. Никто не воспользуется не то что чужим, даже своим. Каждый делает свои ошибки и не осознает этого. В жизни, как в шахматах: какой бы ни делал ход, наверняка есть более удачный, но – можно эту мысль развить дальше – если долго будешь искать наилучший ход, угодишь в цейтнот – в нехватку времени. Но есть еще и цугцванг, когда любой ход приводит к потерям или немедленному проигрышу, и как сочетать все это? Можно, сделав один ход, просидеть всю партию, а итог – проигрыш из-за просрочки времени. Можно по-другому играть, комбинировать, допустить ошибку и в итоге тоже проиграть. В первом случае тебя ждет сожаление, что бездействовал, во втором – досада, расстройство, что не то и не так сделал. Но во втором случае ты играл, искал какие-то ходы, варианты, и это есть твоя награда. «Ну что же, на том и порешим, вперед за своей наградой, товарищ Реванов! – подумал про себя наш герой и продолжил свою мысль: – Самое главное – знать, для чего ты совершаешь тот или иной поступок. Многие все свои потери и приобретения измеряют в материальном выражении, может, это и правильно, однако до определенного уровня. Чему ты отдашь предпочтение – множеству материальных благ при отсутствии физической возможности двигаться или же свободному гулянию по лесу и слушанию пения птиц? Одно тебя оправдывает: у тебя нет цели приобретения материальных благ от запланированного тобой поступка, так что не терзай себя, действуй в соответствии со своими принципами».

Он все время вспоминал их и скучал. Вспоминал, как Люся старательно накрывала на стол и предлагала ему разные блюда, как бегала маленькая Катерина и играла с ним. Во время этих игр они становились равными, видимо, он возвращался с ней в свое детство. Правду говорят: дети, действительно, чудо. Катерина при произношении искажала его имя, да так, что никто за ней не мог выговорить, а она делала это легко и непринужденно.

Глава пятидесятая

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

Приближалась зимняя экзаменационная сессия. Все были ошарашены известием о вводе ограниченного контингента войск в Афганистан. Об этом ему сказал Решенко, и потом в институте шептались ребята вполголоса. Дело в том, что средства массовой информации в первое время молчали, а послушать «голоса» не было возможности: сперли его любимый радиоприемник. Зачем нужен был ввод войск – никто ни черта не понимал, а забугорье расценивало как оккупацию.

Наконец заговорили советские СМИ: оказывается, войска были введены по просьбе нового правительства страны, и при этом попутно грохнули главу действующего правительства – премьер-министра Амина. Откуда взялось новое правительство, никто толком не знал. После пошли в ход другие аргументы: оказывается, если бы СССР не вводил войска, то сделала бы это непременно коварная империя – Америка. Почему ждала и до сих пор не вводила войска, никто не объяснял.

Но постепенно стали говорить более открыто, и не какие-нибудь студенты-вечерники, а люди с мировым именем, ученые и литераторы. Открыто не говорили, но начал приходить «груз 200», то есть цинковые, не подлежащие открытию гробы. Возвращались также

получившие ранения и ставшие в результате этого инвалидами военнослужащие.

У нашего героя в то время были высокие шансы быть призванным и отправленным в Афганистан. Встретил случайно знакомого капитана из военкомата, с которым был знаком еще с его лейтенантских лет, вместе участвовали в шахматных турнирах на первенство флота. Разговор пошел о том о сем, и капитан велел зайти к нему для серьезного разговора и тут же добавил, что выдаст повестку, чтобы не отпрашиваться с работы. Открыто не говорил, но намекнул, что разговор пойдет о возможной отправке «в Афган». После, когда они расстались, сначала наш герой даже очень обрадовался, ведь удача сама шла к нему в руки: казалось бы, чего стоит, попадаешь туда, сдаешься в плен, и ты у цели. Решил посоветоваться с Рещенко и поехал к нему, рассказал все. Друг выслушал и раскритиковал идею в пух и прах, состоялся между ними такой диалог.

– Зачем и как ты собираешься это делать?

– Потому что не согласен, как и ты, с вводом войск в Афганистан, гибнут люди не известно за что. Прибуду туда и сдамся в плен, не знаю как, там по месту видно будет.

– Понятно, ты не академик, чтобы об этом говорить во всеуслышание, после первой же выходки попадешь в желтый дом. А подумал, как там перебежишь на сторону афганцев? Представь себе, ты пошел с группой на задание, и тебе, чтобы оторваться от них, надо всех положить, своих ребят, понимаешь, которые тебе доверяют, а ты выстрелишь им в спину. Хорошая перспектива: он против гибели людей, в то же время сам готов перестрелять своих сослуживцев, которые, может, и не погибли бы, вернулись бы благополучно к своим родителям. Нет, как же наш идейный борец против войны легко сам убивает. Как, ты готов на это? Зная тебя, думаю, нет. Хорошо, допустим, удалось перехитрить всех, и ты благополучно добрался до них, никого не убивая. Предположим, тебе сразу поверили там

и приняли в ряды моджахедов, дальше что? Пойдешь вместе с ними воевать против своих, также убивать придется, если, конечно, самого не укокошат. Так что давай, думай что-нибудь дельное. Попробуй решить вопрос через знакомого из военкомата, надо будет – отведем в кабак.

Доводы друга были более чем убедительны, и для возражений, и тем более споров места не осталось. На следующий день пошел в военкомат. Капитан встретил его более чем дружелюбно, сказал, что его дело пока отложит подальше от глаз, а летом отправит его на переподготовку в Киевское военно-морское училище на три месяца и после возвращения поменяет военно-учетную специальность, то есть из технической службы переведет в заместители командира корабля по политработе, и после этого может жить спокойно, никто его не призовет в Афганистан, потому как там корабли не ходят. На том и порешили, договорились отметить это дело в ближайшие выходные в ресторане. Отмечание прошло «на очень высоком уровне».

Вскоре сессия закончилась, экзамены все были сданы, и наш герой продолжил свою работу на заводе. Шел обычный рабочий день, и вдруг его вызвали в кабинет старшего военпреда. Когда зашел в кабинет, тот дружелюбно сказал:

– Иди, тебя твой приятель Николай зовет, я у вас как рассыльный.

Сначала не понял, кто этот Николай, но подошел и взял трубку, услышал:

– Здравствуй, Реван, это Николай Петрович, я сегодня тебя буду ждать после работы, у входа в центральный парк.

Все встало на свои места, и, чтобы поддержать ритм разговора, тоже ответил:

– Привет, Коля, работаю до пяти. Конечно, приду, сегодня как раз у меня нет занятий, в половине шестого буду.

Основное было сказано, еще немного поговорив о разном, не имеющем никакого значения, попрощался и положил трубку.

Встретившись в условленном месте, они решили пройти по парку. Разговор начал Николай Петрович:

– Реван, нам надо бы уточнить отдельные эпизоды из твоей автобиографии, которую ты написал в последний раз Стропину. Расскажи, пожалуйста, что знаешь о своем дяде, который якобы живет в Турции, и об отце: как и за что он был в свое время арестован, и сколько он пробыл в тюрьме. И еще, пожалуйста, как можно объективнее расскажи мне, почему ты раньше скрывал эти факты, а сейчас вдруг рассказал?

– О дяде знаю столько, сколько написал: в гражданскую войну они все отбыли в Турцию, как говорится, на свою родину, со слов отца и дяди, там у них были еще какие-то родственники, и тот остался с ними. Связи не поддерживали ни отец, ни дядя – вот все, что знаю. Что касается отца, не знаю за что, вроде кто-то на него написал, они в свое время были достаточно богаты. – Он умышленно не стал говорить ничего о Шамдан муаллиме, понимая, что чем больше рассказываешь, тем больше вероятность ошибиться и выдать себя. – Отец не любил об этом рассказывать, и поэтому больше ничего не могу сказать. Что касается вашего последнего вопроса, почему только сейчас заговорил, а раньше молчал, скажу все как есть. Боялся, что отчислят сначала из военной школы, потом боялся, что уволят раньше времени со службы, не дадут поступать в институт. Одним словом, боязнь.

– Что сейчас не боишься?

Он понял, что для сегодняшнего разговора это самый главный вопрос и все зависит от ответа на него. Памятуя восточную пословицу: «Если не знаешь, что сказать, тогда говори правду», ответил:

– Знаете, Николай Петрович, я никогда не врал, просто чего-то не договаривал, от этого устаешь не меньше, чем от вранья. Десять лет тюрьмы – это тоже жизнь моего отца. Живет в Турции, действительно, мой дядя и много

других родственников. Дело в том, что в свое время мои предки прибыли в те места, где я родился и вырос, из Турции. Я не буду отказываться от своего прошлого. Зачем? Я решил, теперь везде буду писать об этом, уволят с работы – пусть, отчислят из института – тоже пусть. Почему не писал об этом, когда устраивался на работу? Стропин сказал, чтобы не писал. «Хотя бы пока», – так он сказал.

– Правильно он сказал, и не надо. Мы же теперь знаем, не отчислим тебя, учись, работай и считай, что все сделал. Самое главное мы знаем, остальным не обязательно знать. Тебе сколько осталось еще учиться?

– На следующий год, в восемьдесят первом закончу.

– Вот и отлично, у нас есть еще время, и мы с тобой еще увидимся.

Поговорив еще немного о разном, Николай Петрович попрощался и ушел. Наш герой понял, что попал в точку, то есть не ошибся, когда говорил о дяде и об отце. Еще понял, что ответ на главный вопрос понравился Николаю Петровичу. «Ну что же, Бог нам в помощь», – подумал и направился к скамейкам, где «грызлись» все его знакомые «крокодилы» за шахматной доской, тоже присоединился к ним. Однако игра не «клеилась», видимо, эмоции мешали. За короткий отрезок времени проиграв трешку, решил на тот день «закрыть лавочку», покинул парк и взял курс в сторону кинотеатра «Океан».

Время свое всегда берет, его остановить невозможно. Наступил 1981 год, и наш герой, успешно защитив диплом, закончил институт. За это время у него было несколько встреч с Николаем Петровичем. Каждый раз тот приносил какие-то формы анкет, и он добросовестно заполнял их, переписывал автобиографию и возвращал ему, и каждый раз Николай Петрович улыбаясь говорил: «Ну ладно, все хорошо, будем ждать». Ждать пришлось недолго, в первых числах октября того же года Николай Петрович позвонил в очередной раз и пригласил на встречу. Поговорили немного о разном, и Николай

Петрович задал прямой вопрос: «Не хочешь ли ты поработать за границей?» Когда услышал этот вопрос, хотел было выразить свои эмоции в полную силу, однако интуитивно почувствовал, что надо вести себя сдержанно и ответить, «взвесив все за и против».

– Не знаю, Николай Петрович, неожиданно, и еще кем и где... Не знаю, справлюсь ли. Смотря какая работа.

– Работа предстоит интересная, сказать где пока трудно, скажем так, где понадобится. Потом, мы думаем, что ты справишься. Мы следили за твоей учебой, как ты сдал экзамены, знаем, что твоя дипломная работа имеет практический интерес. Ты очень сильно продвинул тему, изготовил опытный образец, и он оказался работоспособным. Кстати, почему не захотел на пересдачу двух экзаменов, чтобы претендовать на красный диплом?

– Смысла не видел, Николай Петрович, и потом, кто смотрит на диплом, есть – ну и ладно.

– Так-то оно так, ну и ладно. Я так понимаю, ты в принципе согласен.

– Да, считайте, что согласен. Все понимаю и даю себе отчет, каким рискам подвергаю себя, надо же когда-то что-то делать серьезное. Будем считать, что это мой шанс.

В своем ответе он был искренним, но только вкладывал в последние фразы свой смысл.

– Ну что же, готовься, видимо, в скором времени придется тебе летать в Москву. В отпуске не был еще?

– Нет, только на защиту диплома уходил в академический.

– Вот и хорошо, поедешь на месяц, может, два в Москву и там проведешь отпуск. Надо будет больше времени – там товарищи придумают что-нибудь. Будем надеяться на успех. Я тебе верю.

– Спасибо, Николай Петрович, сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие.

Николай Петрович был очень радостным и чистосердечным в разговоре с ним, и от этого нашему герою даже стало немного совестно. Но совесть, имевшую робкое

желание проснуться, он быстро заставил замолчать во имя поставленной цели: понимал, что судьба улыбнулась ему и шанс этот надо использовать, в него нужно вцепиться зубами. Справедливости ради нужно отметить, что в размышлениях и планах у нашего героя никогда не возникали мысли о материальных приобретениях. У него были, как он считал, благородные цели – отомстить за невинно осужденных, и в первую очередь из своего села; считал, что своей работой должен выбить хотя бы один кирпич из стены ненавистного ему здания коммунизма. Это здание было также ненавистно всем тем осужденным из его села, которых помнил и о которых слышал из рассказов старших. Всегда вспоминал в первую очередь даже не об отце, а о Шамдан муаллиме. У отца жизнь все-таки более или менее сложилась. Как-никак, построил семью, родились дети, построил дом и умер в своем доме. А Шамдан муаллим лишился всего этого. Никогда не забывал те минуты, когда Шахвели бросал в топку его записи, а он смотрел, как они горят. С того дня ему казалось, что горели не записи, не бумага и потрепанный чемодан, а сердце Шамдана и жизнь миллионов, и не в сельской котельной, а в топке коммунизма. А сейчас половина страны занята в растопке этой котельной.

Потому и ненавидел его с каждым днем все сильнее, всегда говорил себе: «Я сделаю все, чтобы втиснутся к ним и приложить максимум усилий, чтобы топка эта взорвалась или хотя бы погасла!»

Ему думалось, что все складывалось более чем хорошо, как говорится, первый шаг уже сделан и вроде успешно.

Он никогда не забывал старого учителя, который в тот злосчастный день шел медленными шагами, едва передвигая большую ногу, который, устав, попросил помочь, его потускневшие глаза, в которых можно было видеть только одно – презрение и ненависть к своему времени.

Глава пятьдесят первая

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

В первых числах октября Николай Петрович снова встретился с ним, велел собраться в дорогу и не затягивать слишком, на что наш герой выразил готовность буквально через два дня. На третий день после встречи уже был в Москве. По прибытию в Москву узнал, что процедура решения вопроса займет около двух месяцев. Две недели проходил разные медицинские комиссии и другие виды проверок.

Подробное описание процедур лишено смысла, только скажем, что по всем параметрам был признан годным.

Оставалось полтора месяца для прохождения предварительного обучения и проверки способностей к языкам. По персидскому языку не прошел. Дело в том, что он так и не смог понять правила написания арабской вязи, что используется также для письма на фарси. Обогащение словарного запаса и произношение были, по скромным оценкам специалистов, на очень высоком уровне, а вот письмо, честно сказать, ни на каком.

Справедливости ради нужно отметить, что были виноваты преподаватели. Позже ради любопытства все-таки разобрался с той далекой проблемой. Все дело было в правилах написания букв. Им нужно было объяснять правила слитного и раздельного написания букв по группам – типа

соединения слева, справа и так далее; если бы были даны эти разъяснения, велика вероятность, что прошел бы. После того как две недели были посвящены урокам фарси и результат оказался неудовлетворительным, решено было перевести его в турецкую группу. Этому повороту судьбы был очень рад – дело в том, что, как полагал, в турецкой группе будет легче и, возможно, он будет работать в Турции. И действительно, в новой группе показатели были очень хорошие (еще бы), преподаватели дали высокую оценку, после чего был отправлен обратно во Владивосток до принятия окончательного решения.

Позже выразил свое отношение к этому отрезку времени в своей жизни, то есть, к изучению персидского языка, посвятив стихотворение:

Это не изучение языка!
Одoleвают грусть и тоска.
Запомнить буквы нет мочи,
Словно гуляют по странице
Сказочные красотки
Из тысячи и одной ночи.

Говорю честно, поверьте мне,
Это не есть непристойность.
Гляжу на первую букву «алеф» –
Вижу женских ног стройность.

Как прикажете мне реагировать
На вторую букву алфавита «бэ»,
Не могу забыть с юных лет
Свою первую любовь к Рудабэ.

Интересные воспоминания
Связаны также с буквой «тэ».
Прилип к даме однажды в ДОФ,
Сказала резко: «В покое оставьте».

Гляжу, напоминают мне, поверьте,
Будете говорить, что несу вздорность,
«Кхе», «че», «дж» и еще «хотти»
Женских бровей обведенность.

Похожи на женскую грудь,
Уводят мысли в дальнюю даль
Ряд букв нежным изгибом своим –
«Же», «зэ», еще «заль» и «даль».

В букве «се» невозможно не видеть
В цветущий сад к милой узкий лаз.
И три точки вкупе напоминают
Красивый нос и пару карих глаз.

Бегут мысли в разные стороны,
Как перепуганные олени.
Глядя на буквы «каф» и «гаф»,
Вижу согнутые женские колени.

Конечно, будешь видеть и думать,
Глядя на буквы «син» и «шин»,
О ручках, готовых тебя обнимать,
И о жемчужной улыбке женщин.

Пропустил остальные буквы.
Простите меня и вы
За допущенные оплошности.
Пора завязывать со сравнениями,
Пока не съехал на пошлости.

За совершенство не нужно судить, однако написано было искренно, выражено все, что чувствовалось в то время.

После двухмесячного отдыха и труда в Москве вернулся в родную гавань. Сразу же по прибытию позвонил

Николаю Петровичу, и тот назначил встречу. Встретились, все рассказал, как было, как все прошло. Внимательно выслушав его, Николай Петрович сказал:

– Ну что, Реван, я верил в тебя и не ошибся, спасибо, молодец. Теперь будем ждать решения верхов, но я уже больше чем уверен, что будет оно положительное. Как за пропущенные рабочие дни будешь отчитываться?

– Все нормально, Николай Петрович, оформили больничный листок, так что все в порядке.

– Ну что же, будем ждать, работай, нигде не светись, пьянки, драки, прочее – чтобы ничего такого не было.

– Николай Петрович, у меня их и не было... Почти не было.

– Ладно, будем считать, что не было.

Полностью переключился на свою работу и попутно с другом Решенко продолжали писать письма и делать фотолитовки. Они часто себе задавали вопрос: «Какой смысл в этих писанинах?» И сами же отвечали: «А что делать?» Это уже у них вошло в кровь. Расширили круг обращений и тем были довольны. Писали обо всем, что взбредет в голову, и благо все сходило с рук: то ли никого не интересовали эти письма, то ли не могли находить их.

В начале мая 1982 года Николай Петрович сообщил радостную весть: его кандидатура была утверждена. Велел собраться в дорогу и на этот раз, как он выразился, окончательно. Однако была встреча у них еще до этого, во время которой Николай Петрович рассказал:

– Недавно к нам попали листовки, довольно любопытные, содержание оригинальное, полностью антисоветское, но в то же время пока нам зацепиться почти не за что. Тебе ничего такого не попадалось?

Это было полной неожиданностью для нашего героя; из множества мыслей нужно было выбрать более вразумительные и говорить что-нибудь толковое. «Подожди, он сказал „листовки“, может, еще не твои, не паникуй», – сказал себе.

– Николай Петрович, они как? Напечатаны в типографии, на машинке или просто от руки написаны? – деловито спросил.

– Ты скажи свои соображения, а я потом отвечу тебе.

– Если типография – скорее всего, из-за границы, надо проверить на орфографическую правильность. Если оттуда – обязательно есть ошибки, если на машинке – то это легко проверить по почерку машинки, а если от руки, то еще проще: какие-нибудь студенты – конечно, муторно, но найти можно.

– Все твои соображения верны, но не так. Они изготовлены в виде фотографий, но очень высокого качества, не знаю, может, даже профессионал делал, по всем параметрам. Текст напечатан на машинке, обведен карандашом и сфотографирован, в соответствии со всеми требованиями конспирации. Чувствуется подготовленность людей.

«Браво нам, Толя, наша работа высоко оценивается самими профессионалами, вышел бы из тебя хороший фотограф, а ты фиг его знает, чем занимаешься», – подумал про себя и ответил:

– Какой же текст можно напечатать, размер фотки же будет маленький. И о чем они пишут?

– Понимаешь, там тезисами повторяются мысли враждебных нам радиостанций, и что ни говори – эффект есть. Пишут не связанные между собой одним содержанием предложения, например: из Афганистана вчера поступила партия «грузов 200», политзаключенных помещают в психушки, помни о репрессиях за все годы власти КПСС, и вот такого содержания.

– Где же они всплыли? Ну, в смысле, наклеены где-нибудь или подбрасываются в учреждениях, короче, способ распространения какой?

– Попадают они нам уже в третий раз. В первый раз была найдена стопка фотографий в количестве восемнадцати штук на морском вокзале примерно четыре месяца назад. Их нам передали работники вокзала,

уборщица нашла конверт самодельный и отнесла дежурному, а тот известил нашего сотрудника, курирующего вокзалы. Месяца два был перерыв, затем семь штук нашли у памятника Ленину, на привокзальной площади, и, наконец, последние три штуки были найдены в зале ожидания железнодорожного вокзала. Что характерно, происходит все вокруг вокзала.

– Может, печатают и отправляют через проводников куда-нибудь, или же привозят поездами и разбрасывают здесь. Но и это не клеится, тогда такие же листовки должны были бы быть найдены и в других городах, не только у нас. Нет, думаю, что источник все-таки здесь, просто на вокзалах легче теряться, вот туда и идут.

Он умышленно сначала подбросил идею, а затем сам же опроверг, чтобы создать сомнение вокруг последнего предложения, и одновременно обрадовался, что фотки все-таки распространяются. Очень сожалел, что тогда, на морском вокзале, оставил всю стопку – это был единственный случай, когда не разделил их. Еще радовало другое: сколько времени они занимались этим, а контора спохватилась только месяца три-четыре назад, значит, все это время кто-то читал их листовки, может, о чем-то задумался.

– Дело в том, что такие же листовки, только формат другой и содержание отличается, недавно были обнаружены в Новосибирске и Казани.

«Этим фактом можно воспользоваться», – подумал он.

– Николай Петрович, тут самое главное – идея и способ распространения, а содержание – дело такое: сегодня пишут одно, завтра другое.

Вдруг его осенила мысль страшной силы. Может, они уже все знают, а все эти «добрые, душевные» разговоры – просто времяпровождение; сейчас вынырнут двое молодчиков из-под земли, и Николай Петрович с присущей ему мягкой, располагающей улыбкой скажет: «Ну что, Реван, вот и приехали, ты доиграл свою партию до конца,

теперь давай рассказывай все сначала и по порядку, так будет тебе лучше, а нам легче».

«Не впадай в панику, ты же шахматист все-таки, и тебе известен стиль игры всех „крокодилов“ города. Как Миша Витинник играет, загоняет себя в цейтнот, потом гоняет блиц, многие не выдерживают психологически, и не одну победу одержал, играя таким образом; с тобой так не играет, потому что знает: в панику не попадаешь, самообладание есть у тебя, вот и прояви его, играй до конца и как следует, достойного противника все и везде уважают». Сделав небольшую паузу, как бы обдумывая, сказал:

– Скажите, пожалуйста, как вообще эти грузы – вы поняли, о чем я говорю, – приходят, какой маршрут, не через Москву?

– Через Москву. Что хочешь сказать этим?

– Как что, там же, как вы сказали, написано, когда, что и откуда поступило. Вот и листочки, возможно, изготавливаются там и распространяются, я так думаю. Кто знает о поступлении этих грузов, оттуда надо и начинать; хочу сказать, что надо посмотреть по содержанию, о чем пишут, от того и плясать.

– Да, есть такая идея и у нас, но есть еще другое основание так думать: эти листовки, как я уже говорил, находили в районе вокзала.

– Ну да, возможно, поезд привозит или все-таки увозит!

– Наверно. Ладно, не буду тебя больше загружать, просто сказал тебе. Может, случайно что попадется – дай знать.

– Обязательно, Николай Петрович.

Прощались на тот день с Николаем Петровичем, вышел на улицу. С моря дул ветер, и он направился навстречу ветру, чтобы тот смел с его души все тягости дня и вселил еще большую уверенность и надежду. «К чему все это? Может, Николай Петрович что-то подозревает и просто хотел проверить мою реакцию. Если так, тогда меня так легко не отпустил бы; нет, конечно, все

в порядке. Просто твоя мнительность, начитался всякой фигни и теперь накручиваешь себя или мнишь себя уже бывалым разведчиком. Будь естественным и оставайся с самим собой, и тогда все будет в порядке».

В тот же вечер поехал к другу, рассказал все, получил поздравления, и они сели обсуждать план дальнейшей жизни. В принципе, все было уже запланировано, и теперь начиналась настоящая работа. Ему надо было закрепиться на новом месте и быть осмотрительным, чтобы не провалиться. С письмами и листовками со временем было решено остановиться, потому как Толя один мог допустить прокол, и тогда пиши пропало, потом, вдвоем сподручнее. Однако Толик решил некоторое время продолжить, потому как резкое прекращение могло навести тень на общее дело.

Через неделю прямым рейсом он вылетел в Москву, в аэропорту его встретили, как было договорено еще во Владивостоке с Николаем Петровичем. Буквально со следующего дня уже приступил к занятиям, изучал в первую очередь турецкий язык.

Занимался также непосредственной работой. Его куратор Виктор Николаевич говорил: «Каждый занимается своим делом. Токарь выпускает детали, повар готовит пищу, инженер разрабатывает схемы, а разведчик добывает нужную информацию, этим и будем руководствоваться во всей нашей дальнейшей жизни».

Все шло хорошо, чувствовал близость поставленной цели и шел к ней. Событие, которое произошло с ним, его еще больше укрепило в мысли об осуществлении поставленной цели.

Глава пятьдесят вторая

К ЭТОМУ НЕ БЫЛ ГОТОВ

Во время одной встречи Виктор Николаевич показал Ревану фотографию и сказал:

– Посмотри внимательно, может, узнаешь? Не встречал ли этого человека где-нибудь?

С фотографии на него смотрел человек примерно сорока – сорока пяти лет, худощавый, лысый, со впавшими глазами. Долго разглядывал фотографию и твердо сказал:

– Нет, может, и встречались где, однако не узнаю.

Тогда Виктор Николаевич достал из портфеля папку и вынул из нее другую фотографию.

– А этого тоже не узнаешь?

Это был тот же самый человек, только помоложе выглядел.

– Это тот же самый, но я все равно не узнаю, – ответил наш герой.

Тогда тот достал еще одну фотографию и снова спросил:

– Этого тоже не узнаешь? Посмотри внимательно.

Он взял фотку и глазам своим не поверил: «Не может быть, прошло всего семь-восемь лет, как мы расстались, и так резко изменился... Значит, есть веская причина, точнее проблемы». Подумал и ответил:

– Этого узнаю, мой бывший сослуживец, – не стал говорить, что один из близких друзей, которому в свое

время помог оформлять документы для восстановления в Бауманке, – Миша Юрский. Служили во Владивостоке, был в моей ремонтной группе. До призыва на флот учился в училище имени Баумана, когда увольнялся, собирался восстановиться. Как у него сложилось – не знаю, связи у нас не было с тех пор.

– Нам нужно выйти на него, о нем у нас информация есть кое-какая, но необходимо, чтобы она была из первых рук.

– Понятно, а где его найти, где он обитает? Закончил институт или нет?

– Это твое второе задание, попробуй без нашей помощи, но если не выйдет, тогда мы поможем. Хорошо бы, если бы получилось у тебя.

– Ладно, попробуем, какая срочность задания?

– Чем раньше, тем лучше, считай, что с этой минуты работаешь над этим.

– Понял, разрешите выполнять!

Оба посмеялись, Виктор Николаевич попрощался и уехал. Оставшись наедине с самим собой, наш герой начал обдумывать план действий. Вышел из квартиры и направился в парк на прогулку. Было решено идти от простого к сложному. «Начнем с адресного бюро», – подумал он. Сейчас трудно давать оценку работе тогдашних адресных бюро. Можно было подойти к окошку адресного бюро, назвать фамилию, имя и отчество человека, хорошо бы еще год рождения или хотя бы приблизительный возраст, заплатить пятьдесят копеек и через полчаса получить о человеке всю информацию.

Он пошел именно этим путем. Конечно, адрес прописки (термин тех лет) – еще не место жительства, но уже немало, и наш герой все-таки нашел своего сослуживца. Встреча была теплой, душевной. Встречались несколько раз, и ему стало понятно не только то, почему его служба заинтересовалась Юрским, но и то, почему Миша так резко изменился за такой короткий отрезок времени.

После окончания института Миша по направлению попал в один из военных НПО в ближайшем Подмоскowie. Работа шла нормально, подключился к теме, работал над диссертацией, и вскоре предстояла защита. С того времени у него начались проблемы. Дело в том, что его тема и вся проделанная работа очень понравились заместителю генерального директора НПО по науке. Казалось бы, отличная возможность, продвигайся вперед, ан нет. Ему намекнули, мягко говоря, отказаться не только от темы, но и от всей проделанной работы, другими словами, уступить все более нужному человеку. Этим нужным человеком был некий Парамонов, тоже выпускник Бауманки, который, занимая должность ведущего инженера лаборатории экспериментальных исследований, еще по совместительству был любимым сыночком одного из секретарей Московского горкома КПСС. Тут-то и нашла коса на камень. Миша наотрез отказался выполнять это, как бы мягче выразиться, несправедливое требование, и тогда подключился секретарь парткома НПО, хотя Миша и не был членом партии.

Потом затерялась его работа в коридорах ученого совета и где-то через год или полтора всплыла в виде успешно защищенной диссертации ведущего инженера Парамонова.

Все думали, что Миша уже давно «забыл» о своей работе. Оказывается, нет, просто ждал резолюции и назначения времени защиты. Закатил большой скандал, и при этом секретаря парткома (тоже кандидата наук, заметим, что тот был освобожденным секретарем и ни одного дня не работал в сфере науки, из комсомольской работы удачно перепрыгнул на партийную) назвал дармоедом и с того дня стал (или был объявлен, может, даже назначен) ярым, но по недосмотру до того времени не разоблаченным антисоветчиком. Естественно, о нем немедленно было сообщено куда следует, и попал под усиленное внимание всевидящих и еще больше всеслышащих органов. Вскоре

был отстранен от работы и переведен чуть ли не в хозяйственную службу. Конечно, в скором времени уволился с этой унижительной для его уровня работы, на что, видимо, и был расчет начальства. Все эти неурядицы не могли не сказаться на семейной жизни: ушла жена, забрав ребенка, и почти был лишен общения с сыном. Долго не мог найти работу, пришлось уехать из городка. Кое-как удалось устроиться в какую-то ремонтно-проектную контору. Жил один в общежитии.

Все это наш герой узнал непосредственно от самого Миши Юрского. Однако этого было мало: ему поставили задачу изучить (именно эта фраза была употреблена) его взгляды и дальнейшие планы. Встречались они несколько раз. Конечно, говорить, что взгляды Юрского были непатриотичными, значит ничего не говорить, – такими и должны были быть. О каком патриотизме можно говорить с человеком, если ему перевернули всю жизнь с ног на голову. Окружающая среда его сломала, точнее морально уничтожила. Наш герой все это понимал и всегда, уходя от Юрского, разговаривал сам с собой.

«И что же ты доложишь своему начальству, уважаемый? Какой же этот Юрский несознательный гражданин, неправильно понимает победоносную политику партии, которая руководствуется в своей деятельности верным и всесильным учением марксизма-ленинизма? Конечно, ты скажешь: „Давайте отдадим этому Юрскому двухкомнатную квартиру, в которой я живу, чтобы тот мог вернуть свою семью и растить своего ребенка“. Может, ты предложишь вообще переориентировать работу службы, к которой по воле судьбы или случая приобщился? Нет, давай мыслить шире: скажи, что таких, как Юрский, по всей стране миллионы, и к каждому не приставишь агента, да еще и не каждый агент будет служить режиму с той преданностью, которая нужна ему. Одни будут идейными врагами, ждущими своего часа в жажде мести, может, их не так много (а может, и не так мало, кто знает;

никогда не думай, что ты один, везде есть и сторонники твои, и противники, только нужно распознать их вовремя и правильно), другие – искатели личной выгоды, этих больше всего, и третьи – обманутые глупцы, среди которых будут и совестливые, которые со временем будут врать режиму или перевернутся в сторону первых. Так что картина не очень приглядная. Как же эти люди с большими погонами не понимают, что на существующем лицемерии далеко не уедешь? Главное состоит в том, что государство ненавидит своих граждан, более того, видит в каждом индивидууме своего потенциального врага, и при этом его платные горлопаны трубят о том, как это распрекрасное государство любит их и заботится о них, и при этом граждане ни капли не верят этому государству. Возникает закономерный вопрос: есть ли будущее у этого государства, точнее, что ждет его в будущем? Да, у тебя есть цель, но пока ты дойдешь до нее, должен топить таких, как Юрский? Помнишь, что говорил тебе твой друг Рещенко? Сколько мерзостей и гадостей делал Штирлиц, пока дослужился до полковника СД! Ты оправдываешься, что отомстишь и за Юрского. Неубедительно, а если по какой-то не зависящей от тебя причине случится так, что не дойдешь, и что тогда? Скольких Юрских ты еще принесешь в жертву? Ни за что! Думай, Реванов, что и как писать. Хорошо хватило ума не писать донесение за каждый день, удалось убедить куратора, что картина будет неполная и предвзятая, потому надо писать общий отчет по заданию по окончании операции. Что хочешь делай, но по Юрскому отчет должен быть спасительным. На тех троих наплевать, по которым тоже ты работаешь, двое из них сами тебя пасут, сто процентов, третий пока непонятный. Так что работай».

Во время последней встречи как бы невзначай дал понять Юрскому, что не нужно открыто говорить обо всем, что думаешь, и чтобы вспомнил, где служил. Вроде удалось убедить, потому как намеки были более чем прозрачны,

не исключено, что Юрский даже о чем-то начал задумываться, точнее, догадываться. При прощании сказал:

– Спасибо, Реван, поверь, все будет нормально, я понял, что к чему, можешь не сомневаться, мы же разведчики с тобой.

В своем отчете о взглядах Юрского ничего не указал, что могло бы навредить ему даже косвенно. Весь смысл доклада сводился к тому, что обошлись с ним несправедливо, и в этой несправедливости очень высока роль секретаря парткома. Попутно заметив, что тот вообще не писал и не защищал кандидатскую, а присвоил в свое время у молодого ученого. Таким путем решил поступить и для Парамонова, отец которого является секретарем Московского горкома партии, особо отметил, что секретарь парткома критику в свой адрес со стороны Юрского просто переадресовал на КПСС и советское правительство. Самое главное – Юрский не является антисоветчиком, а вот секретарь парткома, преследуя корыстные цели и поступая несправедливо в отношении Юрского, дискредитирует КПСС.

Отчет оказался убедительным, и Виктор Николаевич, прочитав несколько раз, повторил: «Да это меняет дело, нужно серьезно разобраться». У него с плеч свалилась гора.

Работа кипела вовсю. Кто-то пас его, кого-то пас он, одним словом, жизнь была ключом. Ближе к осени позвонил (с разрешения руководства) в Баку, брату, сказал, что работает в НИИ инженером и все у него хорошо. В ходе разговора от брата узнал, что мать чувствует себя неважно, кроме того, брат упрекнул его в том, что давно не навещал мать и надо бы устранить этот пробел.

Поговорил с руководством, сочли возможным дать десятидневный отпуск. Вскоре оказался наш герой в своем родном Алтычае. Приехал домой довольно поздно, но мать не спала, будто ждала его приезда. На плите стоял казан с кипяченой водой, и было готово тесто для его любимых хинкали.

Глава пятьдесят третья

СЕРДЦЕ МАТЕРИ НЕ ОБМАНЕШЬ

Выспавшись, позавтракал и по обыкновению пошел на кладбище навестить могилы родных и близких. Узнал от матери, что умер узун Хабиб. Его похоронили на самом видном месте кладбища. Закончив свое святое паломничество, направился в школу, на встречу с Гудрат муаллимом. Рассказал Гудрат муаллим о многом, в особенности о вечной теме – о коренном изменении, конечно же, в худшую сторону политики руководства республики по отношению к азербайджанскому населению.

Дни сменяли друг друга очень быстро. Его не отпускала мысль: почему мать так мало разговаривает с ним? Почему она какая-то задумчивая? Посмотрит на него, покачает головой и идет дальше заниматься своими делами. Он каждое утро уходил из дома и возвращался достаточно поздно, и практически ничего матери не рассказывал.

Оставалось два дня до отъезда. Как обычно, придя домой, лег спать и быстро уснул. Проснулся от давления пристального взгляда. Есть такой термин или нет, не беремся утверждать, однако явление существует; возможно также, что проснулся от света, падающего с балкона через окно. Мать сидела за столом и пристально смотрела на него. На столе был расстелен ее платок, и на коленях она держала его туфли. Удивленно посмотрел на нее и спросил:

– Мать, что тобой, почему не спишь? Время уже позднее. Что за спектакль и декорация непонятная?

– Хочу с тобой поговорить, точнее, спросить. Где ты работаешь?

– Говори и спрашивай ради Бога, а это все к чему? Где работаю, я тебе уже сказал: в Москве, в научно-исследовательском институте, работаю над диссертацией, ну в переводе это означает следующее: в этом институте не учатся студенты, а работают разные ученые и такие молодые инженеры, как я, чтобы потом стать учеными и продолжать работать в тех институтах, где студентов учат. Я тоже так хочу, тебе уже об этом говорил.

– Да, говорил, но не спрашивал, поверила я тебе или нет. А вот не поверила и не знаю, у кого можно что-то узнать. Раньше, когда мне кто-то врал и я не верила, спрашивала у тебя, а вот теперь не у кого спрашивать, а ты врешь – это точно знаю. Ты мне честно скажи, работаешь синей фуражкой? – Он с детских лет помнил, кого в этих местах называли «синие фуражки» – работников НКВД. – Зачем ты это сделал, сынок? Также хочешь людей мучить в сырых бетонных подвалах или будешь расстреливать? Нет, наверное, будешь выселять из мест проживания, как нас в 1948 году. Чего тебе не хватает? Иди к брату на завод и работай, там все твои родственники, вот приезжай в колхоз, работай здесь. Ты мне скажи, другой работы нету? Был военный, ладно, это понятно, все служат, и ты один из них. А это зачем?

Он пытался понять слова матери, не успевал осмысливать сказанное ею. Что это? Как догадалась? Ведь, по сути, она его раскрыла, как только приехал, – вот откуда у нее это напряжение, которое нетрудно было заметить. Значит, все эти конспирации и прочая дребедень – коту под хвост? Это же чистый воды прокол!

Решил выслушать ее до конца. Тем временем она продолжила, положила его туфли на свой платок и произнесла:

– Или ты сейчас мне скажешь все, как есть, или можешь ничего не говорить, перешагивай через этот платок,

пусть мои седые волосы останутся под твоими ногами. Делай, что хочешь, если правду говоришь – иди дальше, я сниму твои туфли, но это твоя правда, я в нее не верю.

Внесем некоторое пояснение в действия матери. На Кавказе существует древний обычай, суть которого заключается в неоспоримом уважении к женскому платку. Если женщина бросала свой платок под ноги мужчине, тот не при каких обстоятельствах не имел права переступить через него, притом неважно, знает эту женщину или нет. Так, на протяжении всей истории Кавказа, женщины не раз останавливали боины не только между двумя мужчинами, но и даже целыми группами. Она бросала свой платок и шла с непокрытой головой между бьющимися на смерть мужчинами, и это заставляло их остановиться. Дело в том, что мужчина не должен смотреть на женщину с непокрытой головой.

Мать в принципе сделала то же самое, только обе противоборствующие стороны находились внутри ее сына, и тому следовало делать очень тяжелый выбор между ложью и правдой, потому как примирить их невозможно.

Вот это и есть психологическое ненавязчивое давление. Без крика, ора, спокойно и самое главное – без слез и истерики. Кто говорит, что у женщины главное оружие – слезы, наверное, ошибаются: главное оружие у них – подчеркнутое спокойствие и равнодушное изложение своего мнения.

Слезы, истерика и прочее, скорее всего, не приведут к нужному результату. «Противник» немного отступит, а потом начнет убеждать в своей правоте и, скорее всего, добьется своего; а тут он сражается наповал, безо всякого шанса подняться. Если срабатывает интуиция материнства, то срабатывает безошибочно. Это не инстинкт материнства, а гораздо выше. Например, в Коране интуиция определяется как Божий дар, в толковании аятов. В этом же случае можно говорить о понимании и осуществлении материнства. Материнский инстинкт срабатывает

у женщины с той минуты, как только она начинает себя ощущать ею, а интуиция срабатывает с той минуты, как только сын-балбес делает первый самостоятельный шаг. Мать всю жизнь сопровождает сына.

Она все это время смотрела на него, видимо, ждала ответа, он же ничего не мог ответить, и когда, не дождавшись ответа, снова хотела что-то сказать, не дал ей говорить:

– Ладно, мать, хватит.

Пропади все пропадом. Рассказал ей все, без малейшей утайки. На исповеди, наверное, так подробно не рассказывают, как сделал это он. Единственно, о чем не обмолвился ни словом, так это о письмах, которые писали они с другом в разные учреждения, и листовках.

Мать слушала его, затаив дыхание, улавливая не то что каждое слово, даже малейшее отклонение в интонации.

Когда закончил говорить, она молча встала, отнесла его туфли на балкон, убрала платок со стола и села снова на свое место.

– Сынок, что же ты наделал, поэтому и институт бросил тогда в Баку?

– Нет, мать, институт ни при чем. Я же рассказал, мысль пришла, когда познакомился с Анатолием, а что ненавидел это государство, правительство с их партией, так это еще со школы. В школе много думал, что бы сделать такое, чтобы хоть немного отомстить, ничего не мог додумать. А там простор широкий, тем более примеров каждый день хоть отбавляй. Знаешь, сколько таких, как я? Очень много, просто скажу.

– Конечно, я понимаю, что это не оттого, что твоих дядей, отца лишили всего. Понимаю, тут что-то другое, а вот что?

– Ты права, не из-за всего того, чего их лишили, нет. Я к этим богатствам никакого отношения не имел и, честно говоря, не хочу иметь. Я себе задавал один и тот же вопрос с того времени, когда покойный узун Хабиб привел к нам гостей, буквально на следующий день после

нашего приезда, когда я услышал из их разговора, за что сажали людей, когда я узнал причину сумасшествия дела Джошгуна. Много было причин задавать себе этот вопрос и ненавидеть все это. А знала бы, как тяжело было и как же тяжело сейчас все это носить в себе. Душа на разрыв идет. Ищу справедливость, мать, может, не там, может не так, но точно одно: ищу ее.

– Да ниспошлет Аллах мне смерти, конечно, понимаю. А знаешь, то, что выбрал ты, не лучше – еще хуже. С тем вообще не сможешь жить. Это же предательство, сынок, ты же сам не вынесешь всего этого. Ты всю жизнь – если, конечно, доживешь, чтобы языку моему отсохнуть до своей смерти, – будешь об этом думать и проклинать себя. Просто у тебя не получится предавать друзей, а как ты говоришь, этот Анатолий тебя знает как лучшего друга, так же и ты его считаешь своим лучшим другом. Сам говоришь, его жена тебе как сестра, а их девочка – любимая племянница. Ты бывал у них часто дома, переписывается, он тебе помогал много раз. Как же ты переступишь через это? Ты, как и твой отец, скрытный, но так же, как и он, не предатель. Помнишь, когда подожгли здание правления колхоза? Помнишь, уже большой был. Сейчас расскажу про другое.

Глава пятьдесят четвертая

ДВА ЭПИЗОДА ИЗ ЖИЗНИ ОТЦА, РАССКАЗАННЫЕ МАТЕРЬЮ

– Когда приехали в Казах, нам было очень трудно: не было ни жилья, ни работы. Снимали у добрых людей углы, у кого-то подвал, у кого-то подсобное помещение. Работы не было, отец ходил по дворам, выполнял разные работы, на эти деньги кое-как существовали. Брат твой был маленький, тебя еще не было. На следующий год пошли работать в колхоз, на сезон, на уборку сена и соломы. Так вот, были на поле, солому убирали после комбайна. Нас было много, наверное, человек пятнадцать, может, даже двадцать, женщины, мужчины. Голод был страшный. Люди голодали. Женщина одна собрала колосков, отделила зерна, может, два или три килограмма зерна набрала. Никто не рисковал делать такое, за каждый колосок полагался срок – один год тюрьмы. Ее предупреждали, но отказалась слушать, сказала, что у неё дома дети голодные, а эти колоски здесь птицам достаются все равно. Одним словом, собрала это зерно в торбу, положила возле стога и соломой прикрыла там, где мы сложили свои вещи. Обед закончился. Только собрались приступить к работе, смотрим – идут в нашу сторону два синефуражечника: председатель колхоза и бригадир. Они рылись, искали краденое зерно, как обычно

делали каждый день, проверяли возле всех стогов. Все замерли, лица наши приобрели трупный цвет. Женщина эта заметалась, не знала, что делать. Отец твой подошел, взял ее торбу и, держа за спиной, стоял. Когда они подошли совсем близко, на расстояние буквально нескольких шагов, пошел к ним навстречу. Я ему говорю: «Что ты делаешь, куда пошел, чтобы молния ударила тебя прямо в голову!» Он повернулся и сказал: «Молчи, дура, у тебя ума нет, как и у твоего отца», – и продолжил идти. Со всеми поздоровался за руку, даже с «синими фуражками», а торбу другой рукой держал за спиной. Как отец от них умудрялся отворачиваться – не знаю, но это время, пока они рыскали под стогом, а потом еще и разговаривали, нам казался годом. Потом они ушли, и отец положил торбу на место. Эта женщина хотела поклониться ему в ноги, не дал ей этого сделать и сказал: «Не нужно, у тебя дети и муж-инвалид, я себе не мог бы простить, если бы тебя поймали».

Теперь послушай еще расскажу. Произошло это, когда он освободился из тюрьмы и шел домой пешком из Караван-сарая, это нынешний Иджеван. Было поздно, постучался в калитку одного из домов почти на въезде в село Ахккулу. Попросился на ночлег, пустили. Когда вошел в дом, увидел мужчину-инвалида и детей. Их было то ли двое, то ли трое, не знаю. Семья была бедной, отец понял, что в доме даже нет ничего поесть. Говорят, встал и ушел, а хозяевам сказал, что скоро вернется. Действительно, вернулся и принес с собой целую баранью тушу. Так вот, нашел ферму, унес барана, где-то зарезал его, разделал и принес.

Ты можешь представить, что сделали бы с ним, если бы поймали. Твой отец был таким человеком, и ты не сможешь поступать низко по отношению к друзьям. Знаешь, сынок, тебе просто до сих пор везло. На твоём пути встречались хорошие люди, которые относились к тебе с симпатией. Вот если попадутся люди, предвзятые к тебе, –

обязательно тебя поймут. Те просто ослеплены своей симпатией к тебе и ничего не замечают, и не замечали. Долго не может так продолжаться. Знаешь, не боюсь, что ты попадешь в тюрьму, или не дай Бог тебя расстреляют. Да, сынок, я мать, приму все как есть. Тюрьмы строят для мужчин, и для них же придуманы расстрелы. Это не страшно. Страшно другое: тебя сделают предателем, когда поймают, не будут говорить, что ты не любил это государство, будут говорить совсем другое: что ты был предателем, и будут правы; по крайней мере, все будут думать так. Если даже тебе удастся все сделать, как задумал, скажут, что продался за деньги. Как потом я буду жить, как людям буду смотреть в глаза?

– Мать, знаешь, я хочу хотя бы кирпичик один снять со стены этого ненавистного здания. И если я не сделаю этого, как мне жить с этим? Зачем к черту мне нужна была служба эта? Какого черта я пролез в партию? Я ее ненавижу, я много знаю о злодеяниях этого режима. Я опустошен, мать, ты это понимаешь.

– Будет еще хуже, если сделаешь то, что надумал. Всегда будешь помнить о тех людях, которые тебя привели туда. Запомни, сынок: они привели тебя туда, потому что считали другом, и ты, если их предашь, всю жизнь будешь мучиться.

– Ладно, мать, давай спать. Я, наверное, завтра поеду в Иджеван к вечернему поезду, поеду в Баку и оттуда в Москву. Обещаю: все вопросы решу, как надо, и не буду предавать никого. Я и не собирался никого предавать, просто у меня была цель, теперь ее нет. Дело не в работе, а в другом. Человек живет счастливо до тех пор, пока видит смысл в смерти, то есть в достойной смерти. А теперь что могу сказать – разбилась вдребезги китайская ваза, то есть я потерял тот смысл жизни, ради которого готов был умереть. С этой минуты все равно, сколько мне жить: как ворону триста лет или три дня. Надеюсь, ты меня поняла. Ладно, все, давай спать.

– Подожди, еще спрошу, и спи. Когда женишься хотя бы ты, внуков увидеть?

– Жду, невеста подрастет – женюсь. Катерина вырастет, на ней и женюсь.

– Сколько ей сейчас лет?

– Шесть или, может, семь лет, точно не помню, лет пятнадцать подожду и женюсь, нормально же, ничего страшного.

– Конечно, ничего страшного, твой отец вон на сколько лет старше меня был, ничего, нормально жили, слава Богу, вы родились. Только долго ждать, не увижу внуков.

– Ладно, мать, успеется все: и женитьба, и внуки, а теперь давай спать.

Мать молча встала и направилась к себе. Он приподнялся и посмотрел ей вслед; мать шла медленными шагами к двери, отчетливо видел, как она сутулилась и даже стала ростом меньше у него на глазах. Ему показалось, что она пожалела о содеянном, но это уже не могло ничего изменить, решение было принято. Глядя на нее, подумал про себя: «О какой подлости или предательстве говоришь ты, родная? Знала бы, как я добрался до этой точки, какими глыбами двуличия, подлости и низости была вымощена эта тропинка, не вела бы подобных наивных разговоров».

Лежал и вспоминал, как еще в шестом классе учитель Мамедкули приходил к ним и просил родителей отпустить его для продолжения учебы в Баку, в специнтернат с математическим уклоном, но ничего не вышло. Тогда мать наговорила разных грубостей старому учителю, и тот ушел восвояси. Учитель шел и ругался, что они губят жизнь способного ребенка.

В этом плане об учителе Мамедкули говорить можно очень долго. Тот был очень интересный человек, как говорят про таких, правдолюб настоящий, и оттого, наверное, в селе почти не было человека, с кем бы не поспорился, но при этом заботился о детях всех. Радовался

хорошей учебе любого ребенка, готов был помочь всем, только было бы желание учиться, – одним словом, просветитель настоящий. Вспоминая этот эпизод, говорил себе: «Да мать, наделала ты дел. Вот интересно, почему родители считают, что они вправе вмешиваться в жизнь ребенка везде и во всем, даже когда они взрослые? Откуда такая убежденность в собственной правоте во всем? Почему они думают, что знают все и лучше всех, даже в тех сферах, о чем не имеют понятия вообще? Это, наверное, те вечные вопросы, которые не имеют ответа».

На следующий день вечерним автобусом отправился в Иджеван и утром уже был в Баку и, еще день проведя там, вылетел в Москву. Со всей полнотой понимал, что трудно было оказаться там, но, наверное, и не так легко уйти без последствий.

Все его мысли были направлены на то, как осуществить «чистый уход». Долго думал, не решался идти напролом и потому нашел другой ход. Самым лучшим вариантом ему показалось «засветиться» как бы невзначай, «по глупости или наивности». Написал письмо дружеское Анатолию, где все изложил, якобы конспиративно. Понимал, что, поскольку тот находится в море с заходами в иностранные порты, все письма, как от него, так и к нему, просматриваются, и не ошибся.

В скором времени ему объявили о возможном изменении характера работы, то есть он будет ориентирован на работу внутри страны, где пожелает – в Баку или во Владивостоке, или же где еще. Изображая «сильное расстройство» таким поворотом дел, решил уйти совсем, о чем написал рапорт руководству. Рапорт был удовлетворен, но дали еще время для обдумывания. Некоторое время сохранялась возможность вернуться на службу. Однако у нашего героя решение было принято давно, личное дело было направлено в Баку, и на собеседовании отказался от предложения работать в республиканском отделении. Снова замаячил на горизонте Владивосток.

Отдельная глава 1

ЭТИ ФАКТЫ ИМЕЛИ ВАЖНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ НЕГО

Когда впервые Стропин аккуратно поинтересовался его родственниками за границей, он все понял, и решение пришло мгновенно: говорить правду, которую тщательно скрывал до того времени. Были очень важные личные мотивы: найти через контору родственников, уехавших в Турцию в начале века, а именно в тысяча девятьсот пятом году, и бежавших туда же в начале двадцатых годов в связи с приходом советской власти.

На тему его родственников предыдущих поколений словно было наложено табу, и казалось, что всем запрещено говорить об этом. Однако в селе многое свидетельствовало об известности этого рода. Называли их по-разному – Демирчилер или Усталылар. Как ему удалось установить в свое время, это были две ветки одного рода, поселившиеся в начале семнадцатого века в этих местах. Как бы не хотели люди рассказывать об этом, но какие-то факты то в одном, то в другом месте всплывали наружу. Все старожилы села, хотя скупно, но все-таки иногда рассказывали об их воинственности и в то же время трудолюбии. В топонимике села многое связано с названием этого рода, они обладали тремя мельницами. Их было много: братьев родных, двоюродных, и один из них в свое время возглавлял всю округу.

В тысяча девятьсот пятом году, когда в Закавказье начались антигосударственные волнения, царская Россия

прибегла к испытанному варианту – развязала армянско-азербайджанскую войну, предварительно вооружив до зубов армян. После этих событий покинула эти места определенная часть этого рода, отбыли обратно в Османскую империю.

Таким образом, власти, достигнув цели, то есть разгромив восстание грузин и азербайджанцев, до нужных времен утихомирили своих «преданных» поданных – армян. Такой же сценарий был разыгран и в тысяча девятьсот двадцатом году: снова армяне выступили против Азербайджана, на этот раз уже признанного Лигой Наций независимого государства. Новая большевистская империя завоевала Азербайджан и после вошла в Армению. Населением этих мест новая власть воспринималась неоднозначно, однако любое сопротивление уже рассматривалось не как ответ на армянскую агрессию, а как война против новой власти.

Представители всех родов этих мест организовывали отряды сопротивления, однако, осознав бесперспективность дальнейшей борьбы, уходили в Турцию. Таким образом, очень многие представители как из рода Демирчилер и Усталылар, так и из других родов оказались вне своей родины. Следует отметить, что им повезло гораздо больше, нежели тем, кто остался и десятилетия провел в тюрьмах и лагерях.

Конечно, сразу понял, что если его будут привлекать к работе за границей, то этот фактор непременно будет использован, и перспектива его не могла не радовать. Если бы даже ему было запрещено общение с родственниками, ничего бы не изменилось, он знал бы о них, делал бы свое дело и все равно нашел бы путь, чтобы известить родню в Союзе. Но увы, как говорится, мы полагаем, а высшие силы располагают. В данный момент неважно, как их назовешь – Бог или же Высшая Вселенская Сила, самое главное, решаешь не ты. Многие великие умы пытались понять это, но увы, никому еще не удалось ни понять, ни толком объяснить. Может, еще будет найдено объяснение этому феномену.

Глава пятьдесят пятая

ЗДРАВСТВУЙ, ВЛАДИВОСТОК, ЕЩЕ РАЗ

Восемьдесят второй год был особенным для Азербайджана. Умер председатель центрального комитета компартии, и избранный новый председатель привлек Гасана Алиева на работу в Москву. Он стал членом политбюро ЦК партии и первым заместителем Председателя Правительства.

Последующие два года ничем примечательным не выделялись. Вернулся в родное село и через некоторое время поехал в Баку, устроился инженером на завод, работал, был на хорошем счету, однако ночами снился Владивосток. Наконец решился, осенью 1984 вернулся во Владивосток. Пока обустроивался, жил у друга Решенко. Тот по-прежнему работал в краевом радиотелецентре. Устроился преподавателем в техникум и переехал жить в общежитие.

Следует отметить, что с осени восемьдесят второго года начавшийся мор в высшем партийном руководстве страны продолжался с высокой интенсивностью. Один за другим начали покидать сей бранный мир члены политбюро партии и председатели центрального комитета. Так шло до весны восемьдесят пятого года. К этому времени со всеми навсегда попрощались трое председателей Центрального комитета, а членов высшего политбюро не перечесать, и смысла нет их запоминать.

Наконец идущая к пропасти нищая страна вздохнула облегченно, обрадовалась избранию председателем Центрального комитета молодого, энергичного Горлачева. Вся страна подумала: «Теперь заживем!» Как же не зажить, когда до него во властное кресло водружали дряблых стариков, которых под руку носили, а теперь неожиданно пришел молодой, энергичный политик, который не только передвигается самостоятельно, еще и способен говорить без бумажки, к тому же очень много и долго.

Нужно заметить, что Горлачев свою деятельность начал очень энергично. Первое, что сделал, это объявил борьбу против пьянства и алкоголизма. К этому времени страна пила и делала это беспробудно. Чтобы создать более-менее представление об этом явлении, скажем, что наш герой со своим окружением (включая и годы службы) в то время мог быть причислен к категории абсолютных трезвенников. Представьте тогда тех, кто пил. Народ пил везде: на улице, в парке, в кино, простите, даже в туалете. Почему так было? Потому что больше нечем было заняться и, самое главное, в магазинах, кроме водки и разного вида крепленой бормотухи, ничего не было.

Ограничили продажу и запретили по выходным вообще, но результата положительного так и не дождались. Но потом додумались до самого «гениального»: решили повсеместно вырубить виноградники. Говорят, на этой почве произошел первый конфликт между Гасаном Алиевым и Горлачевым.

Автором виноградарства и виноделия в Азербайджане в гигантском промышленном масштабе, конечно, был Алиев, и конечно, не мог промолчать, не смирился, чтобы уничтожили его детище. Говоря откровенно, Азербайджан и не страдал проблемой пьянства. Обо всем этом и высказал все, что думал, Горлачеву, но тот настоял на своем, однако запомнил «выходку» представителя старой номенклатуры.

В скором времени ценнейшее указание партии и председателя Центрального комитета было почти выполнено

повсеместно. Виноградники были вырублены. Ничего нельзя было представить преступнее и глупее. В этом конкретном случае удивительно другое. Почему все молча исполняют волю одного человека? Неужели в этом кроется таинство власти, когда один человек может помыкать многими людьми одновременно? Это явление заставляло задуматься не раз, и дело не только в вырубке виноградников: в те времена происходило столько всякого, что нормальному человеку понять было трудно, и от размышлений родились эти строки. Никто не задавался вопросом, а почему все это происходит, почему я лишен права распоряжаться своей жизнью?

*Почему же мы молчали?
Добро и зло не отличали!
Недостойных величали,
Восхваляли, «ура» кричали.
Аплодисментами встречали,
Хотя не раз во лжи уличали!
«200» из-за границы получали!
Но смерть близких отрицали!
Из глаз молча слезы источали!
На безымянных могилах
Зажигали свечи печали.*

В апреле 1986 года произошла трагедия на Чернобыльской атомной электростанции. Это был мощный сигнал, свидетельствующий о технической усталости страны. До этого тоже происходили трагические события: то пароходы столкнутся, то еще что-нибудь. Чернобыльская авария ярко показала стиль мышления людей независимо от занимаемого положения. Некоторое время было молчание, потом все-таки признали, но объявили безвредной, даже организовали в Киеве спортивные соревнования; почему-то ни у кого не хватило мужества говорить открыто о масштабах трагедии.

Кроме всего прочего, была объявлена политика перестройки и гласности – это было что-то новое. Все дамбы снесло в одно мгновение, газеты и журналы стали писать такое, чего раньше в «голосах» не услышишь. Будто с цепи сорвались, писали обо всем открыто и откровенно.

Друзья сидели за столом и грубейшим образом нарушали указание партии по борьбе с алкоголизмом. После второй стопки Рещенко ехидно посмотрел на друга и сказал:

– Ну что, революционер, твои темы иссякли. И офицерская линейка не нужна больше. Можешь писать куда угодно, о чем угодно и при этом обязательно подписываться должен. Твои там постановление приняли о том, что письма без подписи к рассмотрению не принимаются. В курсе? Обещают такую демократию, что американская ей в подметки не годится. Говорят, выборы отныне будут проходит как надо, как скажет большинство, так и будет, скоро всех переплюнем.

– В курсе, только офицерская линейка нужна, как и раньше. Что касается подписей, то их тоже не будем ставить, так что в нашей с тобой жизни ничего не меняется. А что касается демократии по принципу «слово большинства – закон», то это полная фигня. Мне наплевать на мнение тупого большинства, понял?

– Понял, только поясни, что хочешь сказать.

– Я скажу проще, на своем примере. В школе у меня был учитель математики, Парвин, и сейчас работает. Так вот, когда решали сложную задачу, всегда, обращаясь ко мне, говорил: «Реван-хан, иди к доске», и мы с ним обсуждали пути решения. Мои предложения не ставил на голосование и не спрашивал, что они думают в своем большинстве. Что хочу сказать, демократия не в том, как думает (точнее не думает, а просто говорит, не утруждая себя думать) большинство, а в том, как осуществить взаимоконтроль ветвей власти. Вот в чем суть, понимаешь? Если бы все решения принимало большинство, то всех ученых давно сожгли бы на кострах.

– Почему учитель тебя называл Реван-ханом?

– Был такой хан, историческая личность, основал нынешний Ереван, в конце пятнадцатого – начале шестнадцатого века, тогда город назывался Иреван, потом называли Эриван, а сейчас стал Ереваном. Город он назвал в честь себя.

– Понял. О чем писать собираешься? Объявлена гласность, обо всем пишут и без нас, в открытую.

– Против этой гласности и перестройки! То, что начали они там, приведет страну к катастрофе. Страна развалится даже раньше, чем столетний юбилей Октября, помнишь наш спор?

– Конечно, помню, только ничего не понял! Ты в своем уме? Сам всю жизнь мечтал об этом, а теперь против, испугался свежего воздуха.

– Нет, свежего воздуха не испугался, также не против падения этого режима, но, если пойдет так, будет внутренняя война. Объявлена перестройка и продолжение революции. Что они перестраивают, какой период? А революция против кого? Если новая революция, или даже продолжение, значит, новые репрессии, без этой составляющей она не может. Если новые репрессии, то против кого? Так что, брат, по мне – то, что надвигается, еще хуже того, через что мы прошли.

– Понятно. Сейчас принесу линейку, хорошо не выбросил после твоего отъезда, было ведь желание.

– Давай неси, только теперь будем писать в центральный аппарат, но без подписи.

Работа «закипела» с новой силой.

Так продолжалось до восьмидесят седьмого года. Однажды наш герой пришел к другу за советом, было это еще в восьмидесят шестом году:

– Слушай, мне предлагают учебу в высшей партшколе, что посоветуешь? Может, пойти?

– Я поражаюсь твоим способностям. Как ты умудряешься быть таким убедительным двуличным человеком

и при этом оставаться своим и там, и там? За что тебе предложили эту учебу? Думаю, за то, что ты у них самый идейный коммунист. Почему я с тобой? Потому что ты для меня самый убежденный антикоммуняк, и притом показываешь это на деле. Может, скажешь, кто ты на самом деле?

– Ты прав. Наверно, помнишь Витю Мельникова, мы учились в Кронштадте вместе. Так вот, об этом я впервые ему сказал, что вступлю в партию, чтобы не раскрыли, и буду делать то, что делаю. Понимаешь, я не делю людей на своих и врагов. Ты говоришь, надо судить всех коммуняк. Я считаю, что не коммунистов надо судить, а само учение. Если даже судить коммунистов, то сразу же после вынесения приговора нужно объявить амнистию, чтобы не родилось новое противостояние. Я не оправдываю режим, просто амнистировать людей, служивших этому режиму.

– Хорошо, объявили амнистию, этим не будут довольны пострадавшие. Как с ними быть?

– Для этого нужна разъяснительная работа. Амнистия не оправдание и даже не освобождение от наказания, а откладывание наказания. Это, между прочим, гораздо тяжелее, это пожизненное наказание.

– Не догадываешься, почему тебе предложили? Я тебе скажу. Твоя партия видит в тебе надежного и преданного человека и готовит тебя на большую партийную работу.

– Я знаю, мой один однокурсник по институту работает в крайкоме, а другой – в Ленинском райкоме, и они оба тоже зачислены.

– Нет, тебя готовят для работы в твоей республике. Для работы в национальных республиках они подбирают таких предателей своего народа, как ты, и направляют туда как своих ставленников.

– Слушай, мы сколько лет с тобой дружим, никогда от тебя таких слов не слышал. Что с тобой происходит? Да, я не хочу мщения коммунистам за их злодеяния, мы все дети одного народа, на каком-то этапе надо

остановиться и сказать себе: «Хватит крови!» Как я могу судить о Нариманове, или царском генерале Аббаскули-ага Бакиханове, если я не стою даже их мизинца? Может, мне судить поэтов Самеда Вургуня или Расула Рзу, может, заодно и писателя Мирзу Ибрагимова вместе с Сулейманом Рагимовым?! Нет, брат, так не пойдет. Я хочу всех примирить.

– Ой, ой, ой! Великий деятель мира! Ты хоть сам слышишь, что говоришь?

– Слышу прекрасно! По мне, их примирение происходит в моем сердце, и оно уже произошло. Они все мои, в том числе и многие твои украинские – тоже мои. Если каждый примирит в своем сердце бывших врагов и признает их своими, будет движение вперед. Иначе будет вечная борьба и отрицание друг друга между историческими группами. Мы не можем судить о событиях истории, можно только анализировать и изучать, делать выводы из ошибок.

– Ты так запел потому, что перспектива маячила занимать какую-нибудь партийную должность у себя на родине, и потому все побоку. Я знаю таких бессовестных, как ты, по всему Союзу выискивают, учат здесь, в смысле в России, а потом направляют на местах внедрять линию партии. У таких, как ты, нет идеи, они забывают, нет, отрицают свое прошлое ради своей выгоды. Года два назад в журнале, по-моему, «Новый мир», вышел роман одного писателя, он из ваших, в смысле нерусский. У него дан портрет такого, как ты, который забывает свое прошлое. Он таких называет хорошим словом, не помню сейчас, потом вспомню – скажу. – Наш герой понял, кого имеет в виду друг. Он наверняка говорил о Чингизе Айтматове и его романе «И дольше века длится день», говорил о Манкурте, но не стал ему подсказывать, чтобы не подвергаться еще большей унижительной атаке. – Ты, миритель чертов, прежде чем мирить всех, поговори с духом своего отца, готов ли он простить тех, кто его сначала

вчистую обобрал, а потом еще на десять лет посадил. Может, еще помиришь умерших с голоду в Украине с теми, кто забирал у них всё до последнего зернышка? Не хочешь? Ты только представь себе, в Украине народ умирает с голоду, черт возьми, там посеешь сорную траву, и то пшеница растет, а тут мор. Нет, дорогой ты мой, всех нужно судить, и тех, которые живы еще, отправить в те же лагеря, где они держали людей, вот тогда будет справедливость.

– Хорошо, считай, согласен с тобой. К черту эту долбаную партшколу, еще никуда не пошел, может, и не утвердят. Давай поговорим о справедливости, о которой ты так печешься. По-твоему, справедливость в том, чтобы теперь в Украине подвергнуть голодной смерти потомков тех, кто был виноват в голоде тридцатых годов. Давай тогда выяснять и расстреливать сыновей и внуков тех, кто работал в НКВД, давай теперь их загонять в лагеря. Это получится карусель нескончаемая, надо где-то остановиться. Между прочим, карусель тоже от тюркского слова «карасел» и означает «черный (в значении большой) поток с водоворотом», другими словами «круговорот».

– Понял, ты только не упертывайся, как уж. Скажи, выступаешь против гласности, демократии? Я тебя не пойму. Сколько прошло времени от Кронштадта до сегодняшнего дня, ты себя видишь, почему изменяешь себе?

– Я себе не изменяю, с такой демократией и гласностью мы придем к еще большей диктатуре; скоро, Бог даст, увидим. Возможно, времена психушек покажутся высшей формой социалистического гуманизма. Может, и я что-то не так думаю, может, чего-то не догоняю, не спорю, но то, что делается сейчас, не есть правильное. Ты мне предлагаешь поговорить с духом отца, согласен ли тот простить своих палачей? Я тебе сразу скажу: нет, не будет согласен, а я согласен. Ты не замечаешь, что творится с нашим воспитанием? Еще из садика детей пичкают ненавистью к окружающему миру. Наверное, люди

в момент зачатия детей уже думают о классовой борьбе. Эта нескончаемая борьба уже в горле сидит.

Есть такой народ, армяне называется. Я вырос там. У них идеология воспитания – это ненависть к туркам и попутно к нам, азербайджанцам. Знаешь, скажу тебе серьезно, это несчастный народ. Ненависть в них закладывается еще в утробе матери. Мне их жаль, как народ. Сколько можно накручивать себя этой ненавистью?

Ненависть безгранична, в смысле что в нее легко переходить от любви, но из нее в любовь не перейдешь. Это глубочайшая яма, из которой нет никакой возможности выбраться. Поэтому самое главное – не давать ей места в душах людей, особенно детей. Что касается справедливости, то суть ее заключается не в том, чтобы сначала одни становятся убийцами, а потом в отместку другие. Ты не путай месть со справедливостью. В мести уже кроется возможность чрезмерности, неадекватности, а справедливость исключает это. Давай поумничаю и дам определение: справедливость – это наказание, понесённое за сотворенное зло, и осознание его, а месть – подвергание еще большему злу за совершенное деяние и подвигающее к еще более жестким ответным действиям. Знаешь, я где-то или читал, или слышал, не помню, там один говорит другому: «Надо уничтожить не преступника, а преступление». Золотые слова, в нашем случае надо уничтожать эту чертовую теорию классовый борьбы. Вот где корень зла.

– Слушай, вся твоя демагогия от трусости твоей, поэтому и ведешь себя – и нашим, и вашим. Ясно тебе?

– Яснее некуда, только теперь я скажу, ты внимательно послушай. Я не хочу гнить в психушке, будучи в полном здравии. Да, я ненавижу этот режим, и если завтра встану у забора и буду кричать об этом, ничего не добьюсь, а так что-то полезное сделаю. Я не хочу, чтобы меня пытали, унижали, а так моя униженность, если хочешь знать, подлость моя управляется мной. Я не уверен, что выдержу

все их пытки. Почему я трус? Вспомни, сколько раз я вмешивался в драки, которые затевал ты, и, между прочим, я всегда во всех передрагах был с тобой, ни разу не предавал тебя, так почему тогда я предатель? Нельзя с человека требовать больше, чем он может. Да, правда, я вступил в партию, но ее ненавижу и сделал это для защиты.

– Как ты мне надоел, убил бы тебя и не пожалел бы.

– Толя, родной, – он говорил все громче и с волнением, – наша история – это дитя, рожденное от изнасилованной женщины. Оно ненавистно в доме всем: единоутробным и братьям, и сестрам, а именованному отцу тем более. В доме все ненавидят его, но избавиться от него невозможно никак. Если даже убьешь это дитя, из памяти не вытравишь, остается одно: смириться, тоже дать ему воспитание и принять реальность. Женщиной-матерью является наша родина – для меня Азербайджан, для тебя Украина, а для другого – его родина. Да, историю нашу изуродовали, но жить-то надо, черт побери. Почему ты думаешь, что мне хорошо от того, что я веду себя так безнравственно? Это от бессилия. Вот послушай, недавно сочинил один куплет, сам не знаю, как получилось, ехал в троллейбусе, и пришло в голову четверостишие. – Достал из нагрудного кармана блокнот и начал читать, притом с каждой строкой все громче и громче:

*Кругом – ложь, обман, безответственность,
Лишена в душах пристанища нравственность.
От всех моральных недугов спасает нас
Наша протестная безнравственность.*

После прочтения куплета неожиданно впал в иступление и начал колотить руками по столу. Друг сначала хотел было пошутить. «Давай головой», – сказал он, однако наш герой ничего не слышал и не понимал. Тогда тот схватил его, чтобы успокоить, но не получилось, резко дернул-ся, оступился и в полный вес грохнулся на пол, продолжая

биться. Видя такое дело, друг налил полстакана коньяку и поднес к нему. Выпил коньяк, и вроде отпустило.

– Толя, прочти мне, пожалуйста, Шевченко, «Разрытую могилу», – сказал почти шепотом.

– Сейчас, сказал бы давно, – спокойно ответил друг, будто ничего и не произошло. Достал нужный том, открыл на месте закладки нужную страницу и начал читать.

Друг тихим ровным голосом читал, а наш герой повторял за ним каждую строчку, когда тот доходил до «его» куплета, говорил:

– Стоп, отсюда я сам, а ты прочтешь дальше.

Обычно эти строки он читал с выражением, но сегодня декламировал почти шепотом, как бы только для себя:

О Богдан мой, сын мой милый!
Горе мне с тобою,
Что ты сделал, неразумный,
С матерью родною?

Над твоею колыбелью
Песни злой неволи
Пела я, и со слезами
Ожидала воли.

О Богдан, когда б я знала,
Что мне жизнь сулила,
Я тебя бы в колыбели
Насмерть задушила...

При чтении этих строк у него по щекам катились слезы, но друг не подавал виду, ждал, пока тот повторит эти строки неизвестно сколько раз, только после продолжал чтение. Когда наконец закончили чтение, Рещенко спросил:

– У нас был Богдан, которого мать–Украина хотела бы задушить, а у вас кого можно было бы задушить?

– Всех азербайджанских ханов подряд, и первым по списку Карабахского хана Мехтикули – за генеральское звание продал родину.

– А остальных за что?

– За то, что все смотрели, как их по одному завоевывает Россия, не шли на помощь друг другу, представляешь! Ты как посторонний человек объясни мне, как можно было не прийти на помощь Иреванскому хану, который выдержал осаду в течение двадцати шести лет! Нет, ты это можешь представить себе?

– Что, я уже посторонний человек, да?

– Не цепляйся к словам, а если серьезно, не только ты, и я посторонний для них. Слава Богу, к их предательству отношения не имею.

– И они к твоим подлостям!

– Если тебе от этого хорошо, тогда да!

– А как тогда понять, была же вроде война России с Персией, нет?

– Ерунда это, был просто раздел Азербайджана между Россией и Ираном, и войну Россия вела с отдельными ханствами Азербайджана. В конечном итоге пришли к договоренности по разделу Азербайджана.

– Почему Иран так легко уступил?

– Потому что переваривать весь Азербайджан стало невозможно, возникла опасность подавиться, вот поэтому и согласился.

– Одним словом сработал принцип «разделяй и властвуй».

– Вот именно, видишь, соображаешь, когда тыкву подключаешь к делу. Хочешь прочесть? Я стишок написал недавно, в порыве грусти.

Протянул другу блокнот, тот взял и начал читать:

*Почему с нами вы так поступили?
Песне свободы на горло наступили!
Половину страны оставили фарсам,
Вторую половину русам уступили!*

В своих владениях вы перестали
Быть ханами полноправными,
И на новом месте точно не стали,
С их генералами равноправными!

На штанах лампасы – яркие полосы,
На мундире пуговицы блестели!
Только сами вы были безголосы,
Как листья осенние шелестели!

Неужели вы сами тогда не знали,
Что совершаете непоправимое зло,
Может, на смертном одре осознали,
Что потомкам с предками не повезло.

Подписывая «мирный» договор,
В бокалы вино и шербет наливали,
Вынесли поколениям вы приговор,
Чтобы веками они кровь проливали.

Вашей истории краткий обзор –
Вам самим от себя нравственный разор.
Восстал за свободу Наби – батрацкий сын,
Своей кровью смыл ваш вековой позор.

– Как назвал стих?

– Не знаю, пока не думал, может, «Письмо в прошлое».

– Нет, назови «Письмо ханам Азербайджана в девятнадцатый век». Так будет конкретный адресат.

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Знаешь, Толя, я никак не могу понять одно: как так получается, что простой крестьянский сын Гачаг Наби поднял восстание против России и Ирана за освобождение и воссоединение Азербайджана и воевал почти тридцать лет за эти идеи, а те, в чьих руках было все, легко продавали родину.

– Потому что у бедных есть родина, а у богатых богатство, извини за тавтологию. Я другое не могу понять: почему не занимаешься серьезно стихами, ведь можешь писать, когда хочешь.

– Не когда хочу, а когда болит сердце.

– Понятно, о чем сегодня будем писать?

– О том, о чем уже больше трех часов рвем горло, это все и напишем с комментариями.

Работа закипела. Писали о бесперспективности перестройки, даже договорились до того, что в одном из писем привели поговорку, придуманную ими: «Перестройка для СССР то же самое, что искусственное дыхание длядохлого осла».

Друзья распоясались совсем, писали, что взбредет в голову. Правда, как всегда, все письма писались без обратного адреса и, разумеется, по трафарету. Провозглашенные гласность, демократия и прочие термины не были способны выветрить из сознания выработанные годами осторожность и опасение.

После того, как вся работа была завершена, они сели поужинать, и Толик спросил:

– Почему ты всегда читаешь стихотворение Шевченко?

– Потому что оно – самое точное выражение чаяний всех тех, кто думает так, как мы с тобой, каждого из народов, находящихся в составе империи.

– Слушай, когда ты говорил об армянах, разделил турков и азербайджанцев, вы разные народы что ли? А мне казалось, что вы один народ, и сам вроде говорил об этом.

– Понимаешь, так-то оно так, но в то же время не совсем. Это мои размышления, может, и не так, не знаю. По-моему, как-то я тебе уже говорил об этом. Дело в том, что на южном Кавказе жили и живут очень много народов. Большинство из них называют азербайджанцами. Эти народы жили и живут там тысячелетиями. Самых последних и ближних к нам с историей примерно в три-четыре тысячи лет называли албанами. Как, например, у арабов:

всех под одну гребенку называют арабами, а народы при этом разные, со своим языком, культурой и, если хочешь знать, разновидностью одной религии. Так же было с албанами. Самый многочисленный из албанских народов был очень близок к тюркам, прибывшим на Кавказ в начале третьего века из Алтая. Албаны на основе тюркского учения о Небесном Боге Танры создали свою религию – албанское христианство. Их языки смешались, образовался один язык, и он совершенствовался до уровня современного азербайджанского языка. Потом пришли персы, потом арабы, потом снова тюрки во главе с Тимуром Хромым. Вот так сформировался современный азербайджанский народ. Почему я так говорю? Потому что в нашей культуре есть то, чего нет ни у одного народа, входящего в тюркскую группу, – например, отдельные танцевальные мелодии или музыкальные жанры. По-моему, я как-то тебе говорил о мугаме – это музыкальный жанр, имеющий философскую основу. Я о нем ничего не буду говорить, понесу какую-то ерунду, а этого нельзя делать. Потом, я тебе скажу больше: турки современной Турции – тоже не совсем чистые тюрки, они смешались с византийцами и образовали один народ.

– Понятно, а как армяне?

– Никак, на Кавказе они пришлые, я уже тебе говорил об этом.

– А где, по-твоему, чистые тюрки?

– Я думаю, наиболее чистые тюрки – это киргизы и казахи, наверно, еще алтайские народы разные.

– Почему киргизы и казахи?

– Потому что у них очень много обрядов, присущих только им. Читай Айтматова, если интересно, много нового узнаешь. Потом, казахи – прямые потомки Чингисхана.

– Чего? Какие прямые потомки, он же был монголом?

– Ерунда все это. Какой к черту монгол, он был казахом.

– Ты это знаешь или предполагаешь, как часто у тебя бывает?

– Как тебе сказать, у меня есть весомое основание так думать. Был такой генерал, казах по национальности, Султан Хаджи Губайдулла, так вот, он обратился к царю с просьбой разрешить ему носить двойную фамилию – Губайдулла Чингисхан – и представил документы, что является потомком великого полководца. Была назначена комиссия МВД по проверке данного факта, и все подтвердилось. Ему присвоили двойную фамилию.

– Когда жил этот генерал твой?

– Не мой, а казахский. В начале века умер, служил при Николае Втором, так что информация, можно сказать, свежая.

– Убеждает, только откуда эти сведения у тебя про генерала-казаха?

– У меня в свое время служил парень, казах, так вот, по секрету рассказал мне, что является далеким внуком того генерала, самого призвали с четвертого курса исторического факультета Ташкентского университета, учился на вечернем. Я ему тогда поверил, не врал, по крайней мере в той части, что был такой генерал; а что касается истории монгольских корней Чингисхана – плюнуть и забыть, потом, и так вся история – вранье, одним эпизодом больше или одним меньше, что меняется? Ладно, хватит об этом, давай наливай, я есть хочу и еще больше пить.

– Когда приезжаешь домой, на родину, тоже пьешь, как мерин?

– Слушай, расскажу неприятную историю. Это было в первый мой приезд. С утра поехали с сельскими алконавтами в Дилижан, к вечеру только вернулись в село, и пошло продолжение, не помню, как домой вернулся и как спать лег. Проснулся в полдень, открываю глаза, мать сидит и плачет, и знаешь что сказала? «Сынок, ты в Россию поехал, чтобы этому научиться, неужели бросил институт ради этого?» Ты не можешь представить, как было стыдно.

– Представляю, и что от этого? Как пил, так и пьешь.

– Нет, ты что. С тех пор там вообще не пью, кстати, здесь тоже, только с тобой даю волю желанию пить. Хотя ты тоже нудный, все меня воспитываешь, но тебя легче переношу, чем других, точнее, нотации от других не выношу.

– Да, значит, мне есть чем гордиться, позволено делать замечание Его Величеству, – это было сказано с иронией.

– Слушай, не мешай, хочешь – гордись, хочешь – огорчайся, а пока дай спокойно поесть.

Вскоре кандидатуру нашего героя утвердили для учебы в высшей партийной школе, и осенью 1986 года он приступил к учебе.

Глава пятьдесят шестая

УСПЕХ ПРОБНОЙ АТАКИ

Занятия в университете закончились в первой половине дня, и он вернулся домой рано. Жена открыла ему дверь, помогла снять костюм.

– Пройди в ванную, там все готово. Я накрою на стол, ты голодный.

Поцеловал ее и прошел в ванную комнату. Когда вышел из ванной, стол уже был накрыт.

– И сегодня мое любимое блюдо – долма. Как научилась, так теперь почти каждый день готовишь, молодец, между прочим, у тебя вкусно получается, прям как у мамы.

– Алик, обещаю, научусь готовить как можно больше азербайджанских блюд. Мне соседка наша помогает, ее девочка все ко мне бегаёт за помощью по русскому языку.

– Знаешь, долма – армянское блюдо, не азербайджанское.

– Да? А соседка говорит, что ваше, азербайджанское, и говорит, в переводе означает «наполнять, набивать». А как тогда на армянском языке будет?

Не нашел ответа на этот естественный и простой вопрос, посмотрел на нее, от его взгляда исходил такой пронизывающий душу холод, что она изменилась в лице. Почувствовав это, решил разрядить ситуацию, взял себя в руки, улыбаясь сказал:

– Родная, я же не армянин, откуда мне знать, что означает это слово. – Только сам понимал, насколько ему было тяжело произносить: «Я же не армянин».

– У меня для тебя еще сюрприз.

Сказав это, пошла в другую комнату и вскоре вернулась, положила ему на стол письмо, улыбаясь сказала:

– Это тебе. И когда только ты предупредишь своих подруг-любовниц, что женат? В обратном адресе имени не указывают.

– Галя, родная, о чем ты? У меня, кроме тебя, никого нет, вскрой сама и убедись. Это, скорее всего, из Еревана, от друга Зордана.

– Почему он не пишет имени своего?

– Откуда мне знать? Когда приедет, приглашу его к нам, и сама спросишь у него.

– Так неинтересно, я думала от любовницы, хотела поскандалить.

– Точно, вас, женщин, невозможно понять: любовница если есть, не дай Бог, конечно, скандал, когда нет, тоже недовольны.

Она обхватила его за плечи, нежно прижалась к нему и сказала:

– Дорогой, мы, женщины, очень часто свою любовь проявляем в ревности. Понимаю, это плохо, но я же женщина. Каждый день повторять фразу «Я тебя люблю» нам наскучит, и мы ищем варианты выразить свои чувства. Это вам, мужчинам, хорошо: можете молча любить и молча страдать. А нам нужно поле битвы, простор, как для радости, так и для страдания, понял?

Сидя за столом, вскрыл письмо и бегло просмотрел. Письмо было довольно короткое. В письме друг просил забронировать номер в гостинице на пятницу. «Значит, разговор предстоит серьезный, раз ничего не написал», – подумал и для пущей убедительности протянул письмо жене:

– На, читай. Я же говорил тебе, Зордан приезжает в пятницу, просит номер забронировать. Что, пригласим его в гости или нет?

– Конечно, пригласи, только если не откажется, как в прошлый раз.

– Ладно, посмотрим по обстоятельствам.

«Сегодня вторник, надо тогда не откладывать, позво-
но сейчас», – подумал про себя. Подошел к телефонному
аппарату и набрал номер гостиницы «Баки».

В пятницу был свободен от занятий в университете
и с утра поехал встречать друга. Поезд Ереван – Баку при-
был без опоздания. Зордан приехал налегке, у него был
небольшой чемоданчик и портфель. Взял у друга чемодан,
и пошли в гостиницу, благо она расположена в трехстах
метрах от вокзала. Вошли в номер, и Зордан сказал:

– Ты давай, открывай чемодан, там все готово, только
разложи на стол. Я в душ, приведу себя в порядок.

Когда Зордан вышел из душа, стол уже был накрыт, раз-
лили коньяку (разумеется, армянского, как же по-другому)
и выпили за встречу. В ходе беседы рассказал о плани-
руемых мероприятиях с учетом последних событий –
смены руководства страны и перевода в Москву Гасана
Алиева; отметил, что, хотя и не очень приятен его такой
подъем, но из всего нужно извлекать пользу. Пока у нас
развязаны руки здесь, будем делать свои дела, а с ним
со временем разберемся. Когда придет время, сделаем
все, чтобы оттуда его выкинули.

– А как это можно сделать? Если туда попал, то это
надолго, можно сказать, до смерти.

– В нужную минуту все сделается, еще будут его су-
дить, все идет к этому. Ты не волнуйся, это не наша за-
бота. Скоро будем менять границы между республиками,
часть территории Азербайджана отойдет Армении – в Ка-
захском, Таузском и Гедабекском районах. От тебя нужен
цикл статей на эту тему, и для этого тебе нужно пое-
хать по этим районам, организовать мероприятия типа
творческой встречи с читателями. После возвращения
напишешь отчетные статьи и как бы вскользь бросишь
фразу об экономической целесообразности передачи
этих территорий Армении. Пусть поднимается шумиха
вокруг твоей статьи, немного поболтают эти недоумки

и успокоятся, а параллельно мы будем работать. Еще один момент: в Баку вроде началась реконструкция некоторых улиц, появятся новые улицы, проспекты, надо чтобы их назвали в честь армянских деятелей, неважно каких: литераторов, артистов, революционеров – только чтобы были армянские. Для этого напишешь пару статей о дружбе и братстве наших народов, – смеется, – эти недоумки любят читать такие сказки.

– Слушай, Зорик, они вовсе не недоумки, просто наивные, это да. А так ты не прав, даже очень умные, зря недооцениваешь.

– Алик, может, ты и прав, но это не говорит, что разумные; запомни, друг, как знание не есть ум, так и ум – еще не разум. Будем пользоваться их слабостями.

– Напишу, не волнуйся, только когда мне ехать на читательские встречи? У меня же занятия в университете. Только если это будет во время летних каникул, как раз жена просит показать ей Азербайджан, ее тоже возьму. Слушай, стала такая патриотка, язык изучает, говорит, если живу здесь, то должна знать язык.

– Обязательно, это будет изумительно, все расходы организация берет на себя.

– Ко мне в гости когда пойдешь? Жена все хочет, чтобы я познакомил ее со своими друзьями.

– Алик, извини, не пойдём к тебе, или пока не пойдём: чем меньше людей знает, тем лучше. Конечно, как-нибудь и к тебе пойдём. – А про себя подумал: «К черту твою жену, новоявленную патриотку Азербайджана!» – Еще одно: ты не беспокойся, что твои коллеги по перу, возможно, возмутятся твоим статьям. Когда твои записи будут готовы, дашь знать, мы предварительно выпустим статьи твоего друга, – с иронией в голосе, – Татевосяна, его статьи там лежат в некоторых редакциях, как раз на подобные темы.

– Что за статьи у него? Кстати, как он? Давно не звонит.

– Жив пока, но болеет, подозрение на рак. Разные у него статьи, в одной критикует власть и то, что до сих

пор Азербайджанский драмтеатр Еревана не имеет помещения; что снесли мечети и другие памятники азербайджанской архитектуры в городе; что с народом не посоветовались и снесли, как в свое время, крепость и дом Сардара; ну, там разный бред такого рода. Доболтался до того, что предлагает в Дилижане назвать одну из улиц именем Самеда Вургуня. Надо же быть таким подонком, предателем, чтобы написать: «Мы живем на землях, принадлежащих азербайджанцам». Раньше твоих статей выйдут его статьи, и потом твои попадут в точку, только по твоим будет результат, а его останутся на бумаге.

Друзья обсудили еще много разных вопросов, Зордан дал ему еще материала для написания художественного произведения, посвященного геноциду армян в Турции. Это было почти готовое произведение, требовалось некоторая доработка. В воскресенье Зордан вечерним поездом отбыл в Ереван.

Когда у него закончились занятия в университете, отправился с женой в путешествие по республике, везде встречали теплый прием, жена была в восторге от гостеприимства местных жителей. Перед самым отъездом из Казаха в гостинице, когда легли спать, она обняла его и, сильно прижавшись к нему, сказала:

– Алик, я счастлива с тобой. Спасибо, благодаря тебе открыла для себя этот прекрасный народ. Какая прекрасная страна, ты очень богатый человек, у тебя такой народ. Я сделаю все, чтобы быть частью этого богатства. Знаешь, человек богат не золотом, а своим народом. Соседка мне говорит, что я уже хорошо говорю на языке твоего народа, – ты извини, я еще не совсем освоила этот прекрасный язык, вот когда освою, скажу «нашего», не сердись.

– Нет плохих народов, все народы прекрасны. Разве армяне или грузины хуже, или русские плохие?

– Зачем так, я же не сказала, что кто-то хуже. Просто мне понравились люди, с которыми встречались, я решила выразить свои чувства, – с обидой в голосе ответила она.

После возвращения из поездки он работал усердно, и вскоре нужные статьи были готовы. Позвонил в Ереван.

Не прошло и месяца, как в ереванских газетах начали выходить статьи Геродота Татевосяна, тот уже лежал в больнице и там же узнал от близких о выходе в свет своих статей.

Когда обрадованные близкие показали все его статьи в разных газетах, он покачал головой и сказал: «Что-то не нравится мне все это. Не к добру этот хор, посмотрите, никакой реакции не будет, не будет ни противников, ни сторонников этих записей. А для чего сделано, не могу понять, и нет сил размышлять».

Вскоре не стало писателя Геродота Татевосяна. В своих догадках не ошибся, был абсолютно прав, его статьи были использованы как приманка для азербайджанской интеллигенции.

Спустя некоторое время начали выходить отчетные статьи Орхана Вересли с конкретными целенаправленными мыслями. Его идеи, конечно же, нашли одобрение во властных структурах Армении.

Немедленно было направлено обращение к руководству Азербайджана. В ход пустили все, в том числе и подкуп, и результат не заставил себя долго ждать. В одно прекрасное утро жители отдельных населенных пунктов приграничных районов Азербайджана проснулись в Армении. Руководство республики во имя сохранения и укрепления братских уз между двумя народами передало части территории приграничных районов Армении. Что касается статей Геродота Татевосяна, то о них в Армении все очень быстро забыли, а потом и в Азербайджане.

Остался доволен своей работой. Позвонил Зордан, поблагодарил, поздравил и сообщил о денежном вознаграждении. Напоследок сказал:

– Алик, у нас все идет по плану. Я не удивился, как все удачно сложилось для нас, по-другому и не могло быть; эти азербайджанцы за деньги продадут все, абсолютно

все, даже родную мать. Если честно, я их ненавидел всю жизнь, но теперь еще и презираю, как легко они уступили территории за деньги. Продажными были и останутся. Наступит день, и мы освободим от этой недостойной нечисти все наши земли. Спасибо тебе, брат, твои заслуги будут оценены подобающим образом. Приближается время важных событий истории, мы уже стоим на пороге. Скоро изменится направление развития общества.

Глава пятьдесят седьмая

НА УЛИЦАХ ПЕРВЫЕ ТАНКИ

Реван и Толик продолжали встречаться, обсуждать текущую политику и писать письма, теперь уже конкретно в центральный аппарат (но, как и раньше, без подписи). Сильные споры у них возникали по вопросу объявленной гласности: наш герой называл ее словесной разнузданностью, а друг же был за и взалхлеб зачитывался газетными и журнальными публикациями. Он пытался объяснить другу, что общество не готово к восприятию гласности, а режим тем более не готов к возможной реакции общества на гласность, что будут повторы Новочеркасска. У друга же аргумент был один: вот тебе засветила партийная работа, и ты тут же продался. Когда в последний раз друг упрекнул его этими словами, наш герой обиделся и хлопнул дверью. Однако не прошло и трех дней, как ему стало тоскливо, и решил после занятий пойти к другу и попытаться объяснить; к тому же надо было сочинять новые письма.

Открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру, застал друга за чтением какого-то журнала, кажется, был «Новый мир» – журнал перестройки, как тогда читатели прозвали его.

– Что интересного читаем сегодня?

– «Архипелаг Гулаг» Солженицына, ты точно не читал. Я бы тебе советовал, много познавательного узнаешь, может, изменишь свое мнение.

– Мое мнение, Толя, сложилось еще со школы и без этих писанин, и свое мнение менять не собираюсь. Что нового я узнаю из его записей? К тому же говорят, он был офицером НКВД. Дорогой, пойми меня правильно, не обязательно хлебать дерьмо ложками до пресыщения, чтобы признать, по мне, достаточно запаха. Теперь же нас закармливают дерьмом и подсознательно готовят к тому, что может все повториться. Так что выбрось эту фигню, и давай займемся делом.

– Ответь мне на один вопрос, и тогда, может, я пойму тебя. Предположим ты станешь первым секретарем в своей республике, какие твои действия?

– Я им не стану никогда, просто не дадут, там своих хватает.

– Не уходи от прямого ответа. Зная, какой ты проныра, станешь, иначе не пролез бы в партшколу. Отвечай.

– Хорошо, пусть по-твоему. Если я стану, как ты говоришь, первым в республике, уберу всех говорунов, болтунов.

– Объявишь военное положение, как Ярузельский?

– Ярузельский, между прочим, умный мужик, и придет время – его оценят по достоинству. Если не сделал бы то, что сделал, – в Польше повторилась бы Чехословакия шестьдесят восьмого года или Венгрия пятьдесят шестого года.

– Как и он, тоже арестовал бы людей, правильно понимаю?

– Какой к черту арест? Собрал их в санатории Министерства обороны Польши и сказал: «Ребята, пока отдыхайте здесь, до лучших времен, я сам посмотрю, что к чему, чтобы СССР танки не ввел». Я так же как и он поступлю, соберу умных людей, таких много, я их знаю: писателей, историков, толковых журналистов – и спрошу в первую очередь их мнение относительно дальнейшего развития. Если скажут, что надо уйти из Союза, то промолчу и толковому журналисту намекну: «Действуй». Печатаются статьи в республиканских газетах, а потом

я им отвечаю, так как вижу это дело. Я вижу немного не так как ты, это правда. Надо сохранить все экономические связи между республиками и не допускать конфликтов между ними, а при неразберихе они будут. И попомнишь мои слова, Горлачев сначала своим поведением и болтовней подтолкнет республики к отделению, а потом, чтобы удержать, их спровоцирует на разные конфликты. Пойми одно: имперская суть этой страны не изменилась и не изменится. Россия по-другому не может существовать, и на протяжении всей истории в самые трудные минуты возникают или какие-то войны, или внутренние конфликты, или еще что-то.

Прошло несколько дней после этого разговора. Декабрьские дни, сменяя друг друга, подошли к середине и готовили к сдаче 1986 год, как пошли шушуканья по поводу снятия руководителя Казахстана с должности.

Это мероприятие Горлачев провел в свойственном ему стиле – нагло, беспардонно и неуважительно. Направил какого-то мужика из центрального аппарата, и тот объявил о снятии руководителя республики и назначении на его место другого, малоизвестного руководителя одной из российских провинций.

Понятно, что ни Горлачев, ни его помощники не учли национальной особенности казахов – потомков половцев, кыпчаков, некогда дошедших до Европы. Он забыл, что имеет дело с потомками Чингисхана. Видимо, подумал, что репрессии и организованный в тридцатые годы голод, унесший жизни почти семи миллионов казахов (правильнее было бы написать «казаков») сломил их воинственный дух. Думается, не знал, что слово «казах» означает «свободолюбивый, не подчиняющийся». Наверное, ему никто из окружения не подсказал, что те, кого последним завоевала (но не покорила) империя, были казахи, сохранившие свою тенгрианскую веру вплоть до середины девятнадцатого века. Был же план проделать с казахами то же самое, что с чувашами, – заставить

принять христианство. Не вышло. Горлачев понятия не имел о тюркском мире вообще и принципах властвования в частности.

В знак протеста вышла на улицу вся студенческая молодежь Казахстана. Она была оскорблена поведением центральной власти. Не исключено, что среди них было немало тех, кто не был в восторге от прежнего руководителя, однако не желало смириться с подобной постановкой вопроса.

Была попытка разогнать митингующих силами милиции, но все тщетно. Очевидцы отмечали высокую организованность в рядах протестующих. Вот отрывки из их свидетельств: «Без всякой команды вдруг вся площадь садилась, и все внимательно слушали оратора. Люди с высокой организованностью перестраивались и пропускали кого куда нужно, как и кто их организовывал?» – и далее в таком духе.

Эти свидетели тоже не могли додуматься, что перед ними перестраивались в боевые порядки кыпчакская конница, лучники, пешие воины, а не студенты. Их поражало поведение девушек, которые стояли рядом с парнями (с женихами, возлюбленными, будущими мужьями или просто сокурсниками) и так же стойко принимали удары дубинок! Нет, на улице с парнями плечом к плечу стояли не веселые студентки-хохотушки с красивыми, постоянно улыбающимися раскосыми черными глазками, нередко прогуливающие лекции, чтобы пойти на свидание, а вспомнившие свой славный род кыпчашки, которые на седле держались лучше мужчин, ведь им нужно было не только биться на саблях с врагом, еще и держать младенца за спиной в безопасности.

Империя, видя свое бессилие, направила на митингующих армейские подразделения, пошли танки, но волю народа не удалось сломить. Было много погибших, цифру приводить не имеет смысла, статистика все равно лжива, а правда недоступна. Да, пошли танки, давили людей,

но броня не выдержала ненавидящих взглядов юношей и девушек. Они освободили площадь только после обращения бывшего руководителя. Некогда могущественные стены Советской империи дали трещину. Из Казахстана началось пробуждение тюркского мира внутри империи.

Гасан Алиев, узнав о снятии с должности руководителя Казахстана, направился напрямик к Горлачеву. Тот не хотел принимать, однако поддался настоянию Алиева. Войдя в кабинет, тут же высказался по поводу его решения по Казахстану, указав на его ошибочность и поспешность. Особо подчеркнул неправильность назначения на руководящую должность в такой сложной как по национально-этническому составу, так и по экономическому положению республике Казахстан человека со стороны и предупредил о вероятной негативной реакции местного населения; указал также на тот факт, что руководитель Казахстана был членом политбюро, и этот вопрос предварительно должен был обсуждаться на отдельном заседании. Горлачев его выслушал и с раздражением в голосе сказал:

– Это мое решение, и обсуждению не подлежит. Можете идти.

– Да, решение ваше, но и ответственность тогда тоже будет вашей. Я считал своим долгом предупредить вас. Еще раз хочу отметить, что республика будет недовольна.

Сказав это, Алиев покинул кабинет. Горлачев посмотрел вслед, усмехнулся и про себя сказал: «Скоро сам пойдешь за ним, и разберемся в твоей деятельности тоже. Никуда не денутся, проглотят».

Когда слухи эти дошли до нашего героя, тут же поехал к другу. Столкнулись нос к носу буквально у порога, когда тот закрывал входную дверь.

– О, привет! Я к тебе собирался, хорошо, что сам приехал, давай быстро заходи. – Открыл дверь, и они зашли в квартиру.

– Чего торопишься, я уже здесь.

– Ты, наверное, слышал новость, у нас на работе только об этом и разговоры идут. Знал бы, как тебя ненавижу, все так и пошло, как ты говорил.

– Не нужно меня ненавидеть. Скажу больше: это цветочки, дальше будет еще хуже и к чему приведет, не знаю.

– Знаешь, эти сволочи выдают это как выступление националистически настроенных элементов.

– Они были в самом деле наверняка, но только руководимые ими люди, как-то нужно было оправдать движение танков на людей.

– Что, будем писать или что?

– Пока «или что». Куда, кому и что писать – не знаю.

– Давай к нам на радио, главному редактору, притом от имени жителя Казахстана.

– Ну да, который специально приехал, чтобы передать тебе письмо или опустить в ящик здесь. Ладно, все равно лучшего не придумаешь, давай начнем.

К полуночи «подробное письмо» (конечно, свое видение) мнимого жителя Алма-Аты, русского по национальности, у которого мать немка, было готово. В письме было указано, что автор как очевидец пишет об этих событиях во все города, и очень повезло с Владивостоком, потому как туда как раз ехал соседский сын, военнослужащий, находящийся на побывке. Это было первое письмо, написанное не по линейке.

Позже, как рассказывал друг, письмо все-таки возымело действие. Журналисты рассказывали друг другу о письме и его содержании. Было приятно от проделанной работы, может, кто-то засомневался все-таки в достоверности официальной информации.

Друзья, конечно, хотели сделать чего-то больше, чем простое письмо, однако возможности были ограничены. Единственным источником информации было центральное телевидение и партийные газеты, из которых, кроме отредактированной информации, ничего нельзя было получать, и то, что они писали, было плодом их личной

фантазии. Справедливости ради отметим, что они практически во всем были правы.

Весной 1987 года друзьям пришлось расстаться: дело в том, что Толик решил поехать на родину, на Украину, к невесте, потому как та ни в какую не соглашалась ехать во Владивосток. Попутно отметим, что наш герой к этому времени почти три года как был женат, и у него родился второй ребенок.

Уезжая, тот порекомендовал на свое место в радиотелецентре своего друга, то есть нашего героя. Его кандидатура прошла без проблем, потому что в какой-то степени был известен в партийных органах края еще со времен поступления в партшколу (и успешно продолжал учиться). В том же 1987 году продолжалась то ли чистка, то ли избавление от «не своих» в верхних эшелонах власти. Ушел по состоянию здоровья из состава политбюро ЦК КПСС Гасан Алиев, хотя все прекрасно понимали, что идет чистка.

Тогда же с новой силой проснулся «временами засыпающий и просыпающийся вулкан» – уголовное дело, именуемое «хлопковым делом».

Это началось еще в середине семидесятых годов и время от времени то затухало, то возобновлялось, в зависимости от того, кого нужно было прижимать. Были также приняты попытки привязать к этому делу Гасана Алиева, однако ничего из этого не вышло.

После отъезда друга нашему герою стало скучно: не чувствуя поддержки и при отсутствии напарника, конечно, работать трудно. Кроме того, большую часть работы по переписыванию текстов через линейку всегда выполнял Толик, наш герой только начинал эту нудную работу и почти тут же «откладывал» на завтра, а другу приходилось доводить до ума.

Жизнь менялась на глазах: стали опустошаться и без того почти пустые прилавки магазинов, начинался дефицит в финансовом секторе. Разрешили создавать

кооперативы, то есть первые ростки частного предпринимательства, а до этого шла усиленная болтовня о полном хозрасчете, и когда прибалтийские республики заговорили о полном хозрасчете, эти разговоры стали сводиться на нет. Вместе с кооперативами возникали и новые проблемы. Первые неуверенные шаги начало делать незнакомое до сего времени явление – рэкет. Молоденькие парни, разъезжая на подержанных «восьмерках», начали обихаживать новоявленных «буржуев», как их называли в своем кругу – «неонэпманов». Однако через небольшой отрезок времени юнцы заматерели, как говорится, встали на ноги и стали ездить на «БМВ».

Ухудшение и без того невысокого уровня жизни создавало нервозность как у низов, так и у верхов. Принимались законы и постановления – одни глупее других, действия руководства страны и в частности Горлачева напоминали известный флотский анекдот, который очень любил наш герой и рассказывал при каждом удобном случае.

Суть анекдота следующая. Приходит на корабль молодой лейтенант на должность командира БЧ. Старый начальник в последний момент вручает ему три пронумерованных конверта и говорит: «Вскроешь в самую трудную минуту, когда служба станет невмоготу, по номерному порядку». Примерно через год или немногим больше лейтенант оказывается вынужденным вскрывать первый конверт, там записка: «Вали все на меня». Действительно, начальство отстает от него на некоторое время, но все равно приходится вскрывать второй конверт, там тоже записка: «Бери повышенные встречные соцобязательства». На этот раз тоже срabатывает, оставляют в покое, но, как говорится, всему наступает конец, и приходится вскрывать третий конверт, там тоже записка: «Готовь три конверта». Жизнь страны, действительно, повторяла ситуацию с тремя конвертами. С одной стороны, снимались с работы все бывшие, а с другой –

обещались золотые горы по улучшению жизни, типа обеспечение всех отдельными квартирами к 2000-му году.

Трудно утверждать, верили они сами себе или нет, но им никто не верил – это точно. Еще в то время наш герой в кругу друзей после рассказа анекдота говорил: «Горлачев вскрыл уже третий конверт, но записку еще не читал, скоро прочтет».

Глава пятьдесят восьмая

ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Перевод в Москву в начале восьмидесятых годов Гасана Алиева для армян стал полной неожиданностью, однако, как говорил один из лидеров организации «Миацум», в каждом деле есть как положительная, так и отрицательная сторона. Конечно, он нам создаст проблемы в Москве, но зато в республике у нас будет полная свобода действий. Со временем, когда мы его уберем из Москвы, свобода будет абсолютная – говорили тогда они и в принципе были правы. В эти годы им удалось на основе взаимных договоров получить части территории приграничных районов. У нового руководства республики не было никаких забот и проблем, каждый жил сам по себе. Армяне действовали, притом очень умно и грамотно.

Летом 1984 года Орхану Вересли позвонили из редакции одного из центральных журналов и пригласили в Москву для рассмотрения вопросов издания его произведений. Тот, конечно же, согласился и вскоре отбыл в Москву. Нужный адрес нашел без труда, потому как в Москве ориентировался не хуже, чем в Баку.

Принял его один из заместителей главного редактора и, как вскоре выяснилось, армянин по национальности, Амо Геворкян; прием был оказан, можно сказать, дружеский. Говорили о разном и главное – о выборе произведений для издания. В ходе беседы заместитель снял телефонную

трубку и кому-то позвонил. Не прошло и десяти минут, в дверь вошел Зордан. Поздоровавшись с собеседниками, присел в свободное кресло, не дожидаясь приглашения, и тут же взял инициативу в свои руки. Немного поговорив о разном, Зордан, обращаясь к хозяину кабинета, сказал:

– Ладно, Амо, мы сейчас пойдем в гостиницу. Вечером, как решено, будем ждать без опозданий. Предупреди еще раз всех, кого поручено.

– Обязательно, не волнуйся, Зорик-джан, – ответил Амо.

Пришли в гостиницу «Россия». Номера им уже были забронированы, пройдя нужные формальности, получили ключи, поднялись на свой этаж и обосновались в своих номерах. Минут через десять к нему зашел Зордан, и пошли в ресторан. В ходе беседы выяснилось, что намечается заседание комитета «Миацум», и его тоже пригласили как полноправного члена.

Заседание началось в шесть вечера в зале библиотеки имени Гоголя. Были представители армян зарубежья почти всех стран, в том числе из Ближнего Востока. Все выступающие ставили задачу добиться разрешения руководства Советского союза на проведение семидесятилетия геноцида армян в Османской Турции. Он сидел рядом с Зорданом и тот переводил ему отдельные отрывки из выступлений. Его воображение поразило то, что все речи произносились на армянском языке. Не выдержал и задал вопрос другу:

– Зорик, а где все эти иностранцы, живя за границей, изучают армянский язык?

– В семье, Алик-джан. Где есть наша святая церковь, там армянству ничего не угрожает: она воспитывает патриотов, а не массы, в ней наша сила. Так было на протяжении всей нашей истории.

Ораторы сменяли друг друга. Говорили они очень эмоционально, Зордан изо всех сил старался переводить синхронно. Из этих выступлений он понял, насколько далеко нацелены планы комитета «Миацум».

У него возникло чувство обиды в душе по отношению к другу, о чем и сказал ему. Ответ друга поразил его:

– Алик, многое из сказанного здесь для меня тоже новое, для этого и проводятся такие авторитетные сборы, чтобы определить планы на будущее. Раньше, например, вопрос о независимости Армении так остро не ставился, как сегодня. Если об этом заговорили в настоящее время, значит, планируются грандиозные мероприятия и нужно быть готовым к любому повороту событий. Возможно, придется идти на новые жертвы, иначе нам не реализовать эти планы. Посмотрим, что скажет самая важная персона сегодняшних мероприятий. Видимо, выступит последним.

Их диалог прервал голос председательствующего, только смог разобрать фамилию очередного оратора – Петросян.

– Вот, как раз ему дали слово, – сказал Зордан.

К трибуне вышел довольно молодой мужчина, примерно тридцати пяти лет, одетый с иголки. Зордан, наклонившись к другу, сказал:

– Давай просто послушаем внимательно, я потом тебе расскажу, о чем он говорил. Это очень важный человек, сам из Сирии, учился в Америке, отец его – коммунист. Наверное, выступает последним, так как по неписаному закону самой важной персоне слово дают последним.

Речь Петросяна длилась около тридцати минут. Хотя выступление и было относительно коротким, но по реакции зала можно было предположить, что оно было интересным, потому как его постоянно прерывали аплодисментами.

Он впервые пожалел, что не знает языка. Заседание завершило свою работу, и все покинули зал. Разбившись на группы из трех-четырёх человек, стали расходиться. Друзья вдвоем пошли в ресторан, и Алик решил уточнить вопрос о принадлежности отца Петросяна к коммунистической партии, о чем и спросил, на что Зордан ответил:

– Алик, наши люди за рубежом вступают в различные партии, все это регулируется. Членство в партии – это контакты. Отец Петросяна имеет выход к Самому, понимаешь? К какой бы партии мы не принадлежали, точнее, в какой бы организации ни состояли, мы им не принадлежим, они нам принадлежат. Мы в первую очередь армяне. Например, когда создавалась партия «Дашнакцутюн», организаторы говорили о своей социальной направленности. В двадцатом году все члены ее перешли в компартию и благополучно пережили все потрясения годов репрессии. Не то, что глупые азербайджанские турки: носились со своими «Мусаватистами» как с худой торбой, и что же? Все как один сгнули в Соловках. Усач всех отправил туда, а знаешь почему? Те много знали о его бакинских проделках. Мы все равно победим этих недочеловеков.

– Ладно, ты лучше расскажи, о чем говорил Петросян. А то заладил то про одних, потом про других, надоели все: и коммунисты, и дашнаки, и тем более мусаватисты.

– Алик, нам предстоят грандиозные работы. Петросян приехал решать вопрос с проведением траурных мероприятий в связи с семидесятилетием геноцида нашего народа в следующем году в Москве, но, к сожалению, не получилось. Будем проводить в Ереване. Это формальная часть его приезда, а основная задача – координация работ отдельных армянских организаций здесь. Он сказал, возможно, придется ускорить процесс отделения Нагорного Карабаха от Азербайджана, это будет зависеть от ситуации в Союзе. Нужно будет организовать митинги и демонстрации – как в Ереване, так и в Степанакерте. Однако чтобы они возымели действие, как сказал Петросян, нужны будут предварительные мероприятия. Оно и понятно, какой смысл в пустых митингах без этих мероприятий.

– А что за мероприятия, немного не понимаю?

– Помнишь, дядя Мелкон рассказывал о предателе Арменаке из Мартуни? Так вот, дорогой, сегодня

в Азербайджане таких Арменаков развелось очень много. Мы должны будем их проучить и потом по всей Армении и Нагорному Карабаху поднять народ.

– Что значит проучить? Поступить как группа Юзбашьяна, уничтожить их? Как так? Они же армяне, наши...

– Слушай, поступая так, мы спасаем их грешные души. Они провинились перед собственным народом. Принося их в жертву, мы получаем сильнейший аргумент; всех поименно наша церковь будет канонизировать в святые, их именами будут названы улицы. Потом, не мы же будем их убивать, это сделают тупые азербайджанцы, наши люди только дадут толчок. Это испытанная и веками оправданная тактика. Твоя работа, Алик, творческая, и ты великолепно справляешься, а для той работы есть другие люди, более того, даже я не буду заниматься этим. Это работа комитетчиков, они знают и умеют делать это. Еще, дорогой, ожидаются большие перемены во власти. Теперь нужно работать над тем, чтобы убрать Гасана из верхов, здесь его дольше нельзя оставлять: мешать будет и очень сильно.

– Думаешь, так лучше? Отсюда уберут – снова всплывет в Азербайджане, тогда там вообще ничего не сделаешь.

– Если к власти придет тот, на кого ставят наши, то ему закроют дорогу везде. Нами организованы отправки писем- жалоб из Азербайджана на Гасана Алиева. Пока все идет хорошо.

– А это как?

– Очень просто. У всех азербайджанцев, торгующих на наших рынках, участковые забирают паспорта, записывают данные, а потом от их имени пишется письмо, не подступишься. Он уже там засиделся, надо убрать его как можно скорее, но при нынешнем руководстве вряд ли удастся, будем ждать следующего.

– Не понял, при каком следующем?

– Ты не видишь, какой там мор пошел? Уходят один за другим, этот тоже недолго посидит, а вот после него,

надеемся, придет наш человек, тогда и можно будет начинать практические действия. Об этом как раз и говорил Петросян. Самая главная наша задача – потребовать присоединения Нагорного Карабаха к Армении, чтобы, когда произойдет развал империи, был нашим.

– Не знаю, маловероятно: это не какие-то участки территорий каких-то районов, это же целая область, как это возможно? И о каком развале ты говоришь?

– Это не вопрос. Решится так же, как и с теми территориями, нужно только работать; что касается развала империи, то это тоже неизбежность, произойдет непременно, только надо быть готовым к этому. Откровенно скажу: Армения не готова к самостоятельной жизни, а вот наши враги, можно сказать, готовы; нужно признать, что им в свое время повезло с Гасаном Алиевым. Знаешь, я начал задумываться о развале империи тогда, когда стал внимательнее присматриваться к Алиеву. Какую бурную деятельность развернул в республике, не обращал внимания? Мы очень внимательно следим за ним, начиная со второй половины семидесятых годов: сколько современных заводов построил, открыл два высших военных училища, школу Нахичеванского открыл. Не успел только построить Кировабадский машиностроительный – забрали в Москву. Слава Богу, нынешний завалил хоть этот проект.

– Нет, ты преувеличиваешь, к нему отношение не совсем однозначное. Говорят, наоборот, тот во всем перед Москвой стоит по стойке смирно и во всем хочет угодить ей, хочет понравиться, что ли. Смотри, сколько памятников коммунизму поставил. Один только памятник Одиннадцатой Красной Армии сколько стоит!

– Хорошо сказал, сколько стоит! Запомни, друг, он националист до мозга костей, ничего не делает без цели; не памятники ставит, а собирает цветной металлолом для будущего независимого Азербайджана. К сожалению, у нас нет руководителя его масштаба, к нашему

счастью, наши враги не ценят его и не понимают. Это нам выгодно. Когда мы его скинем из Москвы, вся республика восстанет против него, вот тогда он нам не помеха.

– Далеко планируешь.

– Я ничего не планирую, все решается за стенами наших церквей. Все эти партии, различные организации – так себе, ширма, без церкви они ничто. Хочу тебе одну мудрость сказать, не помню, какому народу принадлежит.

– Наверное, армянскому, – не без иронии в голосе перебил его друг, однако тот сделал вид, что не заметил иронии, и продолжил:

– Они говорят, друзей надо знать и изучать, а врагов в тысячу крат сильнее. Мудрые слова, поверь. Мы изучаем этих недоносков, а они на нас смотрят свысока. Пусть, посмотрим, чья возьмет. На протяжении всей истории тюрков побеждали только тюрки и при помощи предательства. Они чужих никогда не предадут, а своих – в одно мгновение. Ты думаешь, Казань взял Иван Грозный? Как бы не так. На Казань пошло войско шаха Али, одного из бывших татарских ханов. В то время у Ивана Грозного войска-то не было, были какие-то дружины для сбора дани для Крымского хана. Я не буду рассказывать долгую историю, скажу только одно: в стане врага есть очень надежный многовековой наш союзник – исламская религия. Она будет разрушать их изнутри, и не только их, а весь исламский мир. Люди, создавшие эту религию и вручившие в руки предков нынешних ее носителей, были дальновидными. Сколько течений в исламе, не утруждай себя, не пересчитаешь никогда в жизни, а наша религия – одна, безо всяких течений и различий внутри. Идеология нашей религии – это возрождение и процветание Армении. Скажу тебе коротко: смысл идеологии всех религий и их разных течений заключается в том, как служить Богу и принести ему в жертву все вокруг. А в нашей наоборот – как при помощи Бога добиться своего. Нет в нашей религии жертвенности во имя Бога. В христианстве тоже

очень много течений, но они мудрее: не воюют из-за этого, а эти мусульмане готовы грызть друг друга, как бойцовские собаки, до собственного последнего вздоха. На этом нынче строится мировая политика. Нас не трогают, это мы берем с каждой стороны столько, сколько есть возможность.

– Почему ты говоришь, что в жизни не пересчитать, сколько течений в исламе? Изучают же люди два основных крыла, ну там еще какие-то тонкости, я не совсем разбираюсь. Как ты знаешь, я убежденный атеист.

– Давай вещи назвать своими именами: не убежденный, а воинствующий, но это не суть. Хочу сказать о так называемом тюркском единстве, так вот, оно невозможно, по крайней мере, на основе единства религии, потому что бомба заложена в самой основе. Вот посуди сам: в Коране более шести тысяч аятов, и каждый аят имеет более ста шестидесяти тысяч толкований. Ты можешь представить, это какой разнобой и противоречивость мыслей?! Легче разобраться в теории дебютов в шахматах, чем в этом. Конечно, мы должны быть признательны большевикам, они для нас много сделали, но в одном они сплеховали и сильно навредили нам, в том числе и армянские лидеры, находящиеся на вершине властной пирамиды.

– Не понял, в чем они могли вам, то есть нам, навредить. На их землях создали республику, что еще надо? Пусть я в религиозных познаниях слаб, но историю знаю хорошо.

– Мне это известно, потому и никогда не спорю с тобой в вопросах истории. А сплеховали они вот в чем. Им надо было на местах власть в этих мусульманских республиках отдать в руки духовенства, а на управленческие должности назначать армян или русских в крайнем случае. Вместо этого они начали строить школы и институты, разрушать мечети, зачем? Их надо было держать в состоянии религиозного мрака так долго, пока не одичали бы совсем. Во все времена деятели от религии были

против своих же во всех исламских республиках в Союзе, особенно в Азербайджане.

– Слушай, я вижу, ты неплохо разбираешься в тонкостях религии, откуда все это?

– Я же тебе говорил, врага нужно изучать, чтобы знать уязвимые точки. Я специально изучал ислам, долгое время ходил в библиотеку в Эчмиадзине, там есть Коран, написанный во времена халифа Османа, на азербайджанском языке. Такие вот дела, брат. Я тоже, как и ты, атеист и вообще не знаю, есть ли у нас истинно верующие. Наша церковь, по сути, не является религиозной структурой, она политическая организация и так же, как КПСС, является направляющей и руководящей силой армянского общества. Ладно, давай пока пойдем в ресторан, а там посмотрим.

Из столицы вернулся вдохновленным, словно на крыльях, что не ускользнуло от внимания любящей жены. Поехала встречать его в аэропорт, хотя он не одобрял. Возвращались на такси, оба сидели на заднем сидении.

Еще до свадьбы, когда только встречались как жених и невеста, предупредил ее о том, что на Кавказе не принято выражать открыто, то есть прилюдно, свои чувства как мужчине, так и женщине, как бы они сильно не любили друг друга. Но разве какие-то бессмысленные предрассудки могут препятствовать любящей женщине выразить свои чувства к любимому мужчине? Она двумя руками держала его за левую руку и, прижавшись к нему, шептала в ухо:

– Когда ты уезжаешь, себе места не нахожу, сказать, что очень скучаю, значит ничего не сказать. Так надолго меня больше не оставляй!

Он нежно посмотрел на нее и, чтобы шофер не догадался, что говорят о своих чувствах, сказал:

– Значит, пока ты меня встречаешь, соседка присматривает за нашим безобразником? Как она соглашается брать его к себе, ума не приложу.

– Он уже вовсе не маленький и достаточно самостоятельный, хотя, конечно, я попросила соседку проконтролировать. Поехать со мной не захотел.

В скором времени оказались в родном доме и дали волю своим чувствам. Обрадовал жену тем, что скоро в Москве издадут двухтомник его избранных произведений. Ее радости не было предела, и, поцеловав его, сказала:

– Я, когда увидела тебя еще в аэропорту, поняла, что все у тебя сложилось удачно: ты был такой радостный, окрыленный, что ли!

– Окрыленный был я в Москве, когда узнал об их планах издавать мои произведения, а здесь был радостный оттого, что наконец увидел свою любимую и скоро окажусь в ее объятиях.

Следующий день тоже решили посвятить друг другу. В первой половине дня, задолго до обеда, всей семьей пошли на прогулку в город. Решено было обедать в ресторане (надо же отметить творческую удачу), направились в Нагорный парк.

Все в этой семье было хорошо: любящие друг друга муж и жена и любимый родителями ребенок. Он успешный писатель, она работает в школе завучем, и есть перспектива перейти в районо заместителем заведующего. Однако была одна таинственная темная сила, которая нависала над их семейным гнездом и ни на секунду не оставляла их. Об этой силе она ничего не знала, не знал также ничего их ребенок-подросток. Знал о ней только он сам, эта сила сопровождала его всюду; ему казалось, что порой ему надоедает состояние двойственности, хотелось раскрыться, рассказать о себе все самым близким и любимым людям, однако положение и инструкция друга заставляли молчать. Не понимал, почему нельзя признаваться, что мать его была армянкой. Вон сколько успешных армян вокруг – и ничего, даже есть народный писатель Азербайджана, армянин по национальности. А Маркаров Эдик был любимцем всей республики,

правда, когда сбежал в ереванский «Арарат», многие расстроились, но свои симпатии сохраняли, и долго еще оставался кумиром дворовых мальчишек. Ничего страшного, что ни говори, этот народ действительно не злопамятный, обиды быстро забывает и прощает – главное, ты улыбайся ему в лицо и говори добрые слова, и при этом почаще повторяй «брат». Однажды спросил друга, почему ему нельзя раскрываться, и тот ответил: «Алик, родной, ты плохо знаешь этих мразей турков, съедят тебя и глазом не моргнут, тем более после стольких лет молчания», – тогда согласился с другом и больше к этому вопросу не возвращался.

Он шел со своей семьей, разговаривал с женой, общался, шутил с сыном, однако все мысли были направлены к окружающим. Смотрел на всех с внутренней ненавистью; внешне это ни в чем не проявлялось, вел себя, как и все, но второе его внутреннее «я» презирало всех. Ему хотелось крикнуть: «Эй люди, оглянитесь, посмотрите вокруг себя, почему вы так слепы и ничего не видите в окружающем вас мире, сколько будете спать двигаясь?! Ваши движения – имитация, скатывание назад. Откройте глаза. Почему стараетесь оградить детей своих от достижений цивилизации? Даете взятки, чтобы пропихнуть своих бездарных чад в университеты. Сколько раз ходили и ко мне, предлагая бешеные деньги, чтобы я поставил тройку за экзамен. После первого случая я перестал ставить неудовлетворительные оценки, чтобы не видеть перед собой ваши презренные просящие взгляды. Нужны вам тройки за экзамен, а не знания, – пожалуйста, подавитесь.

Я никогда никого не отчислял и не буду. Однажды даже на приемном экзамене в политехе пошел на нарушение, хотя мог бы прогнать абитуриента, но не сделал: понял, что способный парень (интересно бы знать, где он сейчас). Даете взятки в военкоматах, чтобы ваши дети вместо того, чтобы расширить кругозор, знакомиться с новыми видами техники или быть просто военными

специалистами, служили в стройбатах, строили или ремонтировали генеральские дачи. Почему пределом ваших мечтаний является прилавок магазина? Гордитесь тем, что, обвешивая покупателя, разбогатеете. Вы действительно не достойны жить на этих благодатных землях, раз не цените то, что имеете. Эти земли должны принадлежать тем, кому они дороги. С каждым днем вы деградируете все сильнее и сильнее и в скором времени достигнете дна. О чем можно говорить, если в ваших школах и институтах почти все поголовно погрязли во взятках? Чему могут учить такие учителя? Ваши и без того тупые безграмотные врачи не подойдут к больному, пока те не заплатят; в таких случаях из-за безграмотности ваших врачей шансов выжить у бедного даже больше, чем у того, кто заплатит наворованными деньгами.

У меня был выбор: быть азербайджанцем или армянином. Я выбрал второе, потому что у этого народа есть цель жизни, а вы – существа без цели и мысли о будущем. Выдаете дочерей замуж и жените сыновей тоже с расчетом на выгодность или целесообразность. Я не знаю другого места, где так были сильно развиты браки между родственниками. Вдумайтесь, как вы рассуждаете при этом: „Что, все это нажитое должно доставаться чужаку?“ – что может быть ниже этих утверждений? Для вас любовь – это деньги, они ваша цель, ваше будущее, и запомните, они же ваша погибель. Глядя на вас думаешь, что нет у вас ни жен, ни матерей, ни дочерей. Взглянуть бы вам на самих себя со стороны, когда свои поганые глаза пялите на чужие юбки, в эти мгновения кроме чувства омерзения ничего не вызываете. Если народ продажный, то продажны и руководители. У вас под носом такие грандиозные работы ведутся, кусками отрывают ваши земли, а вы ничего не видите!

За что вас уважать? Нет, по-другому скажу, заслуживаете ли хоть малейшего уважения? Нет, не заслуживаете, знаете почему? Потому что вы даже не знаете, кто вы есть!

Все народы в составе Российской империи переименовали. Создали русский народ, конгломерат разных народов, ассимилированных славянами, их называли великороссами, украинцев – малороссами, литовско-польскую группу – белорусами, всех остальных – туземцами, в том числе и вас (а Петр Первый басурманами называл). Некоторое время вас именовали татарами или кавказскими татарами, что не меняет сути. Единственный народ, сохранивший себя, свое название – армяне, и после этого хотите себя сравнивать с ними? Было время, вас еще называли просто мусульманами, тоже пренебрежительно. Они по крупницам собирают и создают свою историю, а вы разбазариваете.

О вашем высокомерии по отношению к армянам и пугостом пафосе можно писать отдельные тома по психиатрии. Вы совершенно не владеете ситуацией. Да, знаю, было время, что при виде армянина ваши женщины даже не прикрывали лица своего, потому что не считали их за мужчин. Ошибаетесь и очень глубоко; они уже давно не те „армяшки“, как называли их вы, а настоящие армяне, я бы сказал, с большой буквы. Да, были времена, когда их использовали как вспомогательные элементы в большой политике, но нынче это в далеком прошлом. Они перешли в разряд активных и важных игроков и на вас смотрят как на объект большой политики, и при этом не спрашивают вас. Прежде чем выстроить политическую линию развития, мировые державы учитывают в обязательном порядке армянский фактор, о вас же даже не вспоминают. Их по всему миру не больше шести миллионов, вас же, бездарей, не меньше тридцати пяти миллионов, и что же? Где вы, а где они? Они тратят свое состояние за идею, вы же идею продаете за деньги. Я думаю, что прилавок – ваше счастье, ваша цель, и она же приведет вас к неминуемой гибели, ведь, по вашей психологии, все можно купить, так же можно и продавать, если сулит доход. Весь окружающий мир у вас замыкается в одной торговой точке.

О вашей письменности можно говорить долго. Смотрите на армян: в течение веков сохранили свою письменность, обогатили историю, литературу. Вы же не сумели сохранить даже религию, созданную вами, бросаетесь из крайности в крайность. Сколько раз вы меняли свою письменность, не перечесть, и каждая перемена сопровождалась потерей отдельных букв алфавита. Весь мир получил письменность от тюркского рунического письма, арабы приняли уйгурское письмо; вы сами, как нищие, у чужих порогов толкаетесь. Сколько было религий у вас, не знаете. Одним словом, вы есть ничтожество; своего пророка убили, к чужому прибились. Вы недостойны жить на этих благодатных землях; действительно, они должны принадлежать тем, кто достоин.

Интересно было бы знать, есть ли что-нибудь святое для вас, через которое не могли бы переступить ни при каких обстоятельствах. Думаю, что нет. К сожалению, нет. Отдельный индивидуум может назваться человеком только тогда, когда для него существует некая святость, через которую ни при каких обстоятельствах он не переступит. Такая же некая святость существует для целого народа. Чем больше таких сдерживающих факторов, тем выше нравственность как отдельного человека, так и общества в целом, или сообщества людей».

Его от этих мыслей оторвал сын, попросивший прокатиться на фуникулере до площади. Он кивнул головой, и все направились к посадочной площадке. Семейная прогулка удалась на славу. Вечером вся дружная семья вернулась домой, уставшая и голодная, обед в ресторане на набережной, конечно, не в счет.

Глава пятьдесят девятая

1985. ПРАЗДНУЕТ АРМЕНИЯ

В начале марта 1985 года, а точнее числа десятого, умер очередной руководитель коммунистической партии и Советского союза. Говорить об общей реакции страны на данное событие что-либо конкретное достаточно сложно. Чисто по-человечески люди, конечно, проявляли сочувствие, но это еще являлось событием политическим и в этом смысле больше походило на анекдот. Пятнадцатого марта избрали новым руководителем партии и страны Горлачева. Вся страна воспрянула духом: как же, молодой, симпатичный, но и наряду с этим присутствовала и некоторая настороженность. Однозначно это событие вызвало всеобщее ликование в Армении.

На него армяне возлагали большие надежды в осуществлении далеко идущих планов по кардинальному изменению границы между Арменией и Азербайджаном. В этом плане первым пунктом шло включение Нагорного Карабаха в состав Армении. Активные мероприятия были отложены на короткое время в связи с подготовкой и проведением траурных мероприятий, связанных с событиями 1915 года в Турции. У них была большая надежда на посещение Горлачевым этих мероприятий, что дало бы огромный политический капитал, но не получилось, видимо, по причине короткого срока между назначением на должность и проводимыми мероприятиями. Вся

работа координировалась лидерами зарубежных армянских диаспор.

Исключение из состава политбюро Гасана Алиева воистину стало праздником для всей Армении, и определенная группа приписывала это событие в свой актив и, наверное, имела на то основание. Подготовительные работы по выведению Нагорного Карабаха из состава Азербайджана проводились по всем направлениям. Шла открытая пропаганда на радио, телевидении и в печати.

СМИ Азербайджана работали в своем амплуа: главное – воспевание дружбы и братства народов СССР. Все жили в каком-то нереальном мире. Важнее всего было выполнение указаний партии и лично ее руководителя Горлачева. Конечно, было некоторое шебуршание в интеллигентских кругах, когда вышла статья в одном из парижских журналов советника руководителя партии и страны по экономическим вопросам о целесообразности включения Нагорного Карабаха в состав Армении. Наблюдалось также некоторое возмущение по поводу издания романа «Очаг» Зория Балаяна на русском языке. Роман носил откровенный антиазербайджанский, ненавистнический характер. Суть возмущений заключалась в том, что указывалось на недопустимость такого подхода к межнациональным отношениям и особо подчеркивался возможный вред вечному братскому союзу народов единой, неделимой страны.

Наступил 1988 год. Азербайджан получил отрезвляющий холодный душ и проснулся в одно мгновение, удивленно стал оглядываться по сторонам. Весь Азербайджан своим состоянием напоминал студента, который едва проснулся с крепкого бодуна, и которому сказали, что надо идти сдавать экзамен по китайскому языку, о котором тот только что впервые услышал.

Политика коварства, подлости и неблагодарности со стороны армян по отношению к азербайджанцам велась со дня образования Армянской области

на территории бывшего Иреванского ханства Азербайджана, а после его оккупации – Эриванской губернии, а также с началом их переселения из Ирана и Турции в Карабах. Об этом много написано, и еще будут писать, но думается, что останется неразгаданной загадкой причина такого двуличного поведения армян.

Этот народ обладает удивительной способностью приспособливаться к ситуации, какой бы неожиданной она ни была. Их жизнь можно представить, как существование за высокими заборами, но таким образом, что, ничего не давая окружающему миру, они пользуются всеми благами этого мира, который за их забором. У него особый дар казаться нужным и полезным всем во всем в любой ситуации. Сильные государства мира всегда прибегали к их помощи для достижения своих целей – видимо, учитывали их склонность к измене и коварству.

Следует отметить, что если армяне научились использовать силу и мощь других в своих интересах, то и «союзники», в свою очередь, научились держать их на поводке. Разглядеть истинное лицо армянина не представляется возможным, потому как для этого необходимо слой за слоем с его лица аккуратно, терпеливо снимать множество масок, не похожих друг на друга. Однако следует отметить, что, сколько бы масок ты ни снимал, их количество не уменьшается. За снятием одной маски возникает другая. Этот процесс подобен окислению очищенной поверхности меди или алюминия.

Ключ к разгадке армянского характера находится в трудах армянских писателей всех поколений. Внимательное чтение и обобщение приводит к некоторым выводам. Они никогда не скрывают и даже с гордостью подчеркивают скитальческий образ жизни, только эту въевшуюся в кровь собственную черту характера выдают за гонения. Есть такая широко распространенная армянская пословица, которая гласит: «Родина не там, где родился, а там, где хорошо живется». Длительное время

существования с армянами подтолкнуло азербайджанцев к тому, что у них тоже родились пословицы, характеризующие армян, как например: «Если даже будешь обходить армянина за версту, тот порежет себе палец и будет утверждать, что это сделал азербайджанец». Или такие: «Если даже все свои пальцы на руках превратишь в свечи и зажжешь перед армянином, все равно не оценит»; «Пустишь армянского нукера за порог, скажет, что дом его!» Таких пословиц множество.

Поиск хорошей, легкой жизни постоянно подгонял армян с места на место. Кочующий образ жизни породил в них и сопутствующие черты характера, главной из которых является присвоение всего чужого, что встречается на новом месте по пути следования. Условная группа переселенцев – армян, прибывая на новое место, начинает постепенно осваиваться по всем направлениям, принимает культурные духовные ценности народа, среди которого обосновалась. Осваивает доселе неизвестные профессии. Проходят десятилетия, и какая-то часть из них двигается дальше на освоение (в прямом и переносном смысле) новых территорий. На новое место они приносят те нематериальные ценности, которые приобрели на предыдущем месте, и при этом, конечно, все выдают за свое. Через три-четыре поколения они уже в полный голос твердят о принадлежности земель, где они обитают, их предкам.

Есть народы-завоеватели, которые на протяжении всей своей истории вели в разные периоды времени разные войны, завоевательные или же оборонительные. Армяне всегда были вокруг да около этих войн и всегда с целью получения выгоды. На них никогда никто не напал, потому как нападать было некуда, и они, воспользовавшись ситуацией, на протяжении всей своей истории единственно чем занимались, так это создавали государство, опираясь на силу наступавших, но так его и не создали, шли от предательства к предательству.

Можно задать себе риторический вопрос, меняется ли характер народа? И ответ может быть двоякий: и да, и нет. Для воспитания народа нужна идеологическая база, которая создается веками самим же народом, – это нравственные ценности.

Тюркские народы воспитывались на своих эпохах в духе своих героев. Если возьмете казахов, то дух Кобланды батыра витает над ними, у чувашей это Улып, у узбеков – Алпамыш, у киргизов – Манас, у азербайджанцев – Деде-Горгуд и Кер-оглы, у туркменов – Героглы, и так можно продолжить по каждому народу из группы тюркских. Когда читаешь эти эпосы, ты идешь по определенному пути развития, встречая конкретно положительных и четко определенных отрицательных героев, видишь цель их борьбы, добродетели или же злодеяния.

(Сведения об эпосе «Давид Сасунский» взяты из личной справочной и хрестоматийной литературы). (С)

У армян тоже есть народный эпос – «Давид Сасунский», где нет никакой конкретики: на кого равняться, известно только самому читателю. Ни одного конкретно положительного, а также отрицательного героя, сплошные странствования и двуличия. Полная неразбериха, как например: один и тот же герой в одной ветви – муж-воин, а в другой – красивая девушка, жена-изменница, предатель, и таких примеров не то что много, а только из таких сюжетов и состоит весь эпос.

Историческая личность, например, первого века становится героем тринадцатого или четырнадцатого века. Беспристрастное чтение толкает тебя на мысль: «Выживай как можешь, обманывай, изворачивайся, что хочешь делай; нет правил, не действует нравственность», то есть не на кого равняться в собственном саморазвитии. Когда читаешь армянских авторов, от Хачатура Абовяна до современных, только одна сюжетная линия – обиженная

Армения (следует отметить, что армянская историческая художественная литература начинается от Хачатура Абовяна). Они с таким вдохновением пишут о своем унижении, будто воспевают возлюбленную.

Воспевают никогда не имевшую место армянскую воинскую доблесть и раны, наносимые на несуществующее тело. Мировая классика тоже не осталась в стороне от армянского вопроса. В бессмертном произведении великого Фирдоуси «Шахнаме» целая глава посвящена им и называется «Армяне просят Хосрова о помощи», так и хочется вставить: кроме как просить, они еще что-нибудь умеют? Ну ладно, оставим это и посмотрим, о чем же просят эти великие воины, и обратимся к произведению.

*Вдруг вышел из-за полога привратник,
Начальнику поведал этот латник:*

*«Посланцы из Армении пришли,
Хотят узреть властителя земли.*

*За помощью к царю пришли армяне,
Что ищут правосудия в Иране.*

Далее идут строфы о том, что велели пригласить жаждущих помощи и гонимых, и те заходят:

*Армяне, поднимая вопль и крик,
Вошли, предстали перед царем владык.*

*С руками на груди с земным поклоном,
С рыданием, и жалобой, и стоном.*

(Очень интересная и неизменная армянская поза: поднимая крик и вопли, руки на груди и земной поклон).

Сказали: «Вечно, властелин, живи,
Достоин ты бессмертья и любви.

Ты помоги страдальцам чужестранным,
Чье царство – меж Ираном и Тураном.

Ты царствуй вечно в радости, в покое,
Всею мощью подавляя все дурное.

Ты – царь семи частей земли; везде
Всею странам помогаешь ты в беде.

Следует обратить внимание на место их обитания, которое указывается в произведении, – между Ираном и Тураном (то есть Турцией).

Эти же слова они говорили русским царям, начиная от Петра Первого и по сегодняшний день, спустя десятки веков. Ничего не изменилось и, наверное, не изменится.

Пропускаем несколько строф и наконец доходим до проблемы:

Явились кабаны невесть отколе
И захватили лес, луга и поле.

Клыки слонови, телом – крепче гор,
От них армянам горе и разор.

Кабанье стадо топчет наши пашни,
Оно уничтожает скот домашний.

Пропустим еще несколько строф и читаем:

Перегрызут и камни эти зубы...
Ужель судьбе отныне мы не любим?

Услышав скорбь и слезы в тех речах,
Расстроился всем сердцем шахиншах.

В этих строках великого поэта четко и ясно прослеживается весь боевой дух и «великая» история армян. Поэма написана более тысячи лет назад и описывает еще более раннюю историю. В этих не полностью приведенных строфах отражена сущность армян, нужно только возвращаться и перечитывать, открывать все новые и новые черты армянского характера.

Здесь уместно будет добавить свои мысли, обращаясь к великому поэту (да простит он нам эту дерзость), как бы обмен мнениями через века.

*О великий, всех времен и народов поэт,
Не изменилось ничего с тех давних лет.*

*Сильным мира они в ноги поклоны бьют,
Побираются у чужих порогов, слезы льют.*

*Просят подачки у богатых, руки им целуют,
Прячут глаза, перед всеми заискивают.*

*Питаются, собирая огрызки с барского стола,
Остатки вина и шербета со дна бокалов пьют.*

*Закрепившись у чужого порога, накормленные,
Наносят удар, против благодетелей восстают.*

*Превращаются в стаю шакалов, почуяв силу,
Против слабых они свирепствуют и лютуют.*

Возвращаясь к вышесказанному об эпосе «Давид Сасунский», невольно задаешься вопросом: а не о том ли Давиде идет речь, который был царем Иудеи и Израиля, о котором подробно рассказано в «Ветхих заветах»? Почему бы нет: Персидского царя Хосрова, к которому обращались с просьбой защитить их от свиней диких, во многих своих работах они уже называют армянским.

Еще интереснее то, что они приписывают также себе приручение и одомашнивание диких свиней. Чтобы опровергнуть армян в присвоении ими чужой истории, культуры, литературы и всего, что составляет суть человечества вообще, нужно каждому народу организовать сотни научных институтов опровержения. Действуют они просто и безошибочно: все, что увидели где бы то ни было, называют армянским, и ты хоть разорвись – будут стоять на своем. Иначе как объяснить, что М. Ф. Ахундов спорил до хрипоты с уже выше названным Хачатуром Абовяном о том, что Кор-оглы – азербайджанец, что «оглы» присуще только тюркским народам в разных вариантах.

Однако следует отметить, что армянские притязания на духовные или материальные ценности распространяются не только на азербайджанские, они присваивают все и по всему миру. Почему это происходит? Наверное, имеется какая-то психологическая основа этого феномена.

Есть такое понятие – зов крови, или генетическая память. Скорее всего, исходит это отсюда. Маркс или кто-то другой из выдающихся личностей прошлого говорил, что армяне для выживания первые (и единственные) начали подкладывать своих женщин под солдат армий завоевателей. Если это так, то их вообще невозможно рассматривать как единый цельный народ, в них полное кровосмешение. Кроме того, нахождение на протяжении веков в непосредственном соседстве с персами, арабами и турками приводило тоже к естественному процессу кровосмешения, с учетом особой любви их женщин к мужчинам – не армянам. Справедливости ради нужно отметить также слабость мужчин – арабов, персов и особенно турков (и азербайджанцев) – перед чарами женщин других национальностей и, конечно, особенно соседок-армянок. Все эти внебрачные дети и составляют основу армянской нации. Может, это и является одной из причин того, что национальность у армян определяется по матери, то есть неважно, кто зачал ребенка, а важна

женщина, которая его родила. Они прекрасно осознают свое происхождение, однако не имеют право на родительское наследство, потому как тот его не признает. Что же остается тогда бедному мальчику, названному армянином по воле подлой и злой судьбы? Все верно: претендовать на отцовское наследие и при этом люто ненавидеть своих разноутробных (видите, какая предвзятость: несмотря на все старания, не хочется или не смог употребить термин «единокровные») братьев. Этим же объясняется доброта турков (азербайджанцев) к армянам, и наоборот – свирепость армян к ним, и на протяжении всей истории во времена возникших конфликтов, войн – называйте, как хотите, – суть не меняется.

Как те, так и другие друг в друге видят братьев на каком-то неведомом генетическом уровне. Для подтверждения этих слов можно привести другой пример. Если постучаться к армянину в дверь, и особенно во времена явной опасности, то дверь откроет непременно женщина, притом самая молодая, приятная, смазливая на внешность. Почему так не по- мужски поступает армянин, мужчина-воин? Потому что бережет себя для будущих войн. А что касается женщины, отправленной встречать неожиданных гостей или кого – неважно, то он не уверен, что та ему родная дочь, а если и жена, то все равно изменяет.

Все эти явления находят свое подтверждение также и в языке, топонимике. Казалось бы, при чем тут язык? При всем, и самым прямым образом. Если даже поверхностно посмотреть на слова, термины, выражения армянского языка, то легко обнаруживается в большинстве их тюркские (азербайджанские) корни происхождения. Даже сами армянские языковеды подтверждают, что слова тюркского происхождения в армянском языке составляют почти половину словаря, но, если учесть их предвзятость ко всему тюркскому (азербайджанскому), можно смело полагать: больше чем половину; также очень много слов персидского и арабского происхождения.

То же самое в топонимике. Не стоит говорить о топонимике современной Армении: там все давно переименовано, история переписана, и могилы перерыты. Остановимся на двух главных терминах в армянской топонимике: гора Арарат и река Аракс. Объяснение Арарату где только не ищут, пытаюсь скрыть истинное название горы Агры (Агыр) даг. Может, все гораздо проще, что «Арарат» – возникший вторичный термин.

Есть в тюркском (азербайджанском) языке слова «ара» и «рать» (только без мягкого знака), первое означает «разделительная полоса на границе между двумя территориями», второе же означает «войско». А теперь пройдем в современность и посмотрим, как на пограничную заставу реагирует население близлежащих территорий. В таких местах принято употребление выражений, типа: «пойдем на заставу», «был на заставе» или же какие-то другие формы. Почему же не подходить к названию «Арарат» с этой позиции, и тогда все вроде и встанет на свое место? Проще говоря, без этой горы в чистом виде слово «арарат» означает «войско на пограничной полосе».

Так же можно объяснить происхождение слова «Аракс». Следует отметить, что и турки, и азербайджанцы называют эту реку «Араз». Значение слова «ара» уже выяснили, «аз» же означает «немного», что тоже дает объяснение как «узкая пограничная полоса». Что же касается «Аракс», то это может происходить от слова «Аракес», что означает «разделяющий границы» («кес» – «разделяй»). Также следует учесть нелюбовь армян к гласным звукам, то есть пренебрежение ими.

Немного о происхождении окончания «ян» в армянских фамилиях, как говорится, немного с другого бока. Бесспорный факт, что на персидском языке есть притяжательный суффикс «яни» или «ани», определяющие место рождения человека, другими словами, принадлежность человека к какой-либо местности. Возможен ли такой вариант возникновения окончания «ян»

в армянских фамилиях? Вполне допустимо, и, скорее всего, какая-то часть фамилий именно так и возникла. Однако есть еще другой вариант, наверно, тоже имеющий право на существование.

На турецком (также на азербайджанском – еще шире) есть слово «ян», означающее «сторона, направление исхода или восхода». Оставим другие смысловые значения лингвистам, в названных смыслах оно применительно к людям в очень щепетильной ситуации.

Ситуации внебрачного рождения ребенка возникали, возникают и будут возникать. Есть еще более пикантная ситуация, когда замужняя женщина рождает от другого мужчины, все об этом знают, но она упорно отрицает, однако внешность ребенка выдает. Так вот, этих детей именуют в народе именем отца, добавив слово «ян», например: Мурад + ян, Кочар + ян и так далее. Другими словами, побочный ребенок обозначается именем настоящего отца с добавлением окончания «ян». Если перевести дословно, Мурадян означает побочный сын Мурада. Возможно, этим и объясняется множество армянских фамилий, имеющих тюркские (азербайджанские) начала.

*Тюркские мужики, армянские бабы
Взаимно на любовь очень слабы.
Переросло это нынче в проблему,
Иначе об этом говорить не стал бы.*

*Красоту наирянок Чаренц воспевал,
Саят-Нова о них песни слагал,
Не представить, чтобы перед ними
Слабый на утехе турок устоял.*

*Женщину-блудницу называют «гезеян»,
Ее ребенка – «побочный», «яндан ян».
Теперь, думаю, стало понятно всем,
Откуда в их фамилиях окончание «ян».*

Не производят ничего, паразитируют,
Что ни увидят вокруг – приватизируют.
Как клещ, вцепились в тело всего мира,
Этот же мир нынче они терроризируют.

Собирают объедки с чужого стола,
Перед сильными бьют поклоны до пола.
Служили на протяжении всей истории
Защитным чехлом для сильного ствола.

Турки, когда вы ошибки свои осознаете?
В армянах своих детей признаете?
Посмотрите в их лица повнимательнее,
Может, и в ком-нибудь себя узнаете!

Точная армянская есть пословица:
«Турок вторичным умом славится».
Верно подмечено, не проспорить ведь,
Первичным умом он любовью увлекается.

Еще несколько слов о религии. Во все времена армяне преподносят за самое выдающееся событие принятие ими христианства в начале четвертого века. Не беремся судить, насколько это выдающееся событие, возможно так и есть, однако следует отметить, что христианство и его Григорианская ветвь берут начало от тюркского тенгрианства. В дебри вдаваться нет смысла, однако отметить нужно, что символ христианской веры – крест – армяне называют тюркским (азербайджанским) словом «хач», что само по себе говорит о многом.

В первом приближении это говорит о том, что он, то есть «хач», у азербайджанцев был раньше, чем у армян. Говоря «азербайджанцы», имеем в виду предков нынешних азербайджанцев, в состав которых входят талыши, лезгины, таты, удины, курды азербайджанские и другие. Когда и как появились эти народы на территории

современного Азербайджана, точно не скажешь. Они живут там не веками, а тысячелетиями. А вот когда там появились армяне, можно говорить с точностью до часа: после так называемой войны между Россией и Ираном с последующим заключением Туркменчайского договора, согласно которому, начиная с 1827 года, началось переселение армян на Кавказ, а именно на территорию нынешнего Азербайджана. Материалов по этим событиям предостаточно, однако вспоминать о них не всем и не всегда выгодно. Достаточно читать отчеты того же Грибоедова, который непосредственно занимался этим вопросом до самого дня своего убийства, по некоторым источникам, не без участия армян.

Одну черту характера армян очень хорошо отметил один армянский автор, приводим дословно: «Мы образованный народ, у нас уникальный инстинкт чувствовать прекрасное, принимать его, делать своим».

В переводе последняя фраза «делать своим» означает просто «украсть». Нет ничего более достоверного, чем собственное признание.

Глава шестидесятая

ГОД 1988. НАЧАЛО

1988 год начался с бурных событий по всей стране, однако эффектом разорвавшейся бомбы стали степанакертские митинги в Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджана. Сначала вышло постановление областного Совета депутатов, которое требовало вывести автономию из состава Азербайджана и включить в состав Армении. Шли также митинги в Ереване с теми же требованиями. Все эти события загнали все республиканское руководство и население в ступор.

Особо следует отметить бездействие руководства республики, но и не только: бездействовало также руководство страны во главе с говорливым (точнее, болтливым) Горлачевым. Как центральная, так и республиканская власти призывали армян соблюдению принципов Ленинской национальной политики дружбы и братства народов СССР. В это время в Азербайджане тоже начались неорганизованные брожения, другими словами, ответные протестные движения. Конечно же, армяне были на высоте, ведь они работали над этими мероприятиями не десятилетиями, а с первого дня переселения на Кавказ, то есть более полутора столетий. В разных городах Азербайджана происходили неорганизованные протестные митинги, которые тут же подавлялись местными силовиками.

Руководящий штаб националистический организации «Миацум» уже работал в открытую. Руководство

решило прибегнуть к давно испытанному и верному приему по подготовке мнения мирового сообщества в свою пользу. Если мировое сообщество и не принимало армянскую версию так называемого геноцида армян в Османской империи, то по меньшей мере оно было наслышано об этом в достаточной степени. Готовилась новая крупномасштабная провокация; нужно было определиться с выбором места. После долгих обсуждений выбор остановили на Сумгаите, и было это не случайно. Город воистину был (и остается) самым интернациональным – только в другом понимании, не как Баку. Уровни интернационализма в Баку и Сумгаите различаются.

В Баку сильная концентрация интеллигенции, в Сумгаите же в основном рабочий класс. И второй, самый главный аспект: в Сумгаите наибольшее число выходцев из Армении с не обустроенными жизненными условиями, которые в свое время покинули Армению из-за притеснений, но так и не сумели наладить свою жизнь и в Азербайджане, влачащие существование в трущобах – «нахалстроях», в то же время постоянно видящие, как армяне живут припеваючи в благоустроенных квартирах и работают в самых доходных местах – в сфере торговли и бытового обслуживания. Был еще третий и, пожалуй, самый решающий фактор – в Сумгаите было больше всех отказников вносить плату в фонд «Миацума», их называли предателями или «разменными монетами». Эти люди в самом деле не вмешивались ни в какие игры, жили своей жизнью, растили детей; более того, были такие, которые пытались довести до сведения широкой общественности о проделках деятелей «Миацума», при этом не афишируя себя. Однако все оставалось не замеченным заинтересованными органами, хотя об этом говорили в курилках почти все.

С 1987 года начался отток азербайджанцев из Армении. Проводимые работы, направленные на разжигание враждебности, начали давать свои результаты. Как

говорится, к мирно изгнанным в свое время детям начали прибывать пожилые родители, которым также было негде жить, и они тоже стали «нахалстроевцами», только новыми. Это обстоятельство тоже не могло не повлиять на и без того достаточно накаленную ситуацию.

Мобильные агитационные группы – проще говоря, провокаторы от «Миацума» – уже давно ждали команды, и команда поступила. Как по взмаху волшебной палочки, начали появляться в местах скопления людей очень бойкие речистые ребята, у которых единственной заботой были условия жизни азербайджанцев, ютящихся в тесных трущобах. Агитации постепенно стали носить агрессивный характер и наконец приобрели формы открытых призывов к изгнанию армян из Сумгаита с целью улучшения жизни азербайджанцев. С улицы агитации перенесли уже на территории предприятий, где начали готовить инструменты погрома – обрезки труб и арматур. Беспорядки, переросшие в запланированные армянские погромы, начались в конце февраля.

Глава шестидесят первая

ЭХО ДОНОСИТСЯ ДО ВЛАДИВОСТОКА

Как было принято в те годы в Союзе, о беспорядках или митингах в открытую не говорили, сюжетов по телевизору не показывали; но, как говорится, земля полнится слухом, тем более, гласность была на марше и завоевывала все большее и большее пространство. Слухи о Сумгаитских событиях дошли и до Владивостока. Наш герой уже кое-что знал из «голосов», однако достоверной информации не было. В кулуарах шли разговоры между творческими, но и они в основном обсуждали это в узком кругу. Поэтому твердо решил, что нужно обязательно летом слетать домой. Почему именно летом? Дело в том, что в конце мая предстояли экзамены в ВПШ, кроме того, ему как-то надо было решить вечную проблему с финансами.

Если честно, уже знал, как будет решать эту проблему. «Стропин пришлет, только напиши», – думал он. Потом все-таки информация начала просачиваться, но явно односторонняя, типа: «Группа националистически настроенных элементов под воздействием потребленных алкогольных напитков и наркотических веществ совершила против лиц армянской национальности действия насильственного характера». Конечно, читать или слушать такую филькину грамоту наш герой давно научился, ничему этому не верил и понимал, что все не так и очень многое недоговаривают. К этому времени уже окончательно

отбросил перспективу перехода на партийную работу, потому как понимал, что с такими оборотами маховика распада СССР протянет недолго. Что-то надо было делать; отсутствие Толика все явственнее давало о себе знать, с ним все-таки было проще. Дело в том, что наш герой иногда мог совершить поспешные, необдуманные действия.

На отчетно-выборном партсобрании присутствовал один из секретарей крайкома КПСС, Черников. Говорили о многом и разном. Наконец выступил Черников, и свою речь начал с того, что КПСС успешно борется с недостатками, в том числе с последствиями алиевщины и кунаковщины. Алиев и Кунаков, будучи руководителями своих республик Азербайджана и Казахстана и одновременно являясь членами политбюро, допустили грубейшие нарушения и отклонения от Ленинских норм и принципов партийного руководства.

Наш герой внимательно выслушал выступление Черникова и решил высказаться на прениях. Начал свою речь с того, что политика перестройки, объявленная Горлачевым, – очень важная и нужная вещь, однако проводится неправильно. Одним словом, впервые в открытую стал говорить все то, о чем в свое время только писали с Толиком анонимно, и то под линейку. Свое выступление завершил словами, что «сколько он себя помнит, помнялись руководители, и при каждом новом руководителе сразу начинаем строить „изм“, а с его уходом немедленно приступаем к борьбе с „щинами“, и не пора ли заканчивать с такой порочной практикой?!»

Хотя и гласность была на марше, но подобное выступление было непривычным. Сначала воцарилась тишина, потом начались недовольные бурчания на местах – видимо, никто не решался в открытую говорить в ту или иную сторону. Ситуацию разрядил представитель крайкома и, как ни странно, ничего против не сказал, но и открытую поддержку тоже не выразил. Его выступление выглядело

таким образом: «Товарищ коммунист, конечно, правильно заметил, но нужно сказать или отметить, что в этом моменте он ошибается», – и все в таком духе. Однако руководство радиотелецентра сделало правильный вывод; наш герой остался работать дальше на занимаемой должности.

В начале лета, успешно сдав все экзамены, окончил ВПШ, но уже не рассчитывал ни на какую перспективу: какая может быть перспектива, если вода поднимается выше ватерлинии, и остается только ждать, когда корабль пойдет ко дну?!

Написал письмо Стропину в Севастополь с просьбой прислать денег для поездки домой, с обязательным возвратом с наступлением лучших времен (ожидание лучших времен сопровождало его всю жизнь и никогда так и не наступило, а может, мимо прошло незаметно). Ответ Анатолия не заставил долго ждать: вскоре получил перевод на две тысячи рублей, с препроводительной запиской: «Хорошо бы заехать и к нам, ведь давно не виделись». Что же мешает? Конечно, не то что можно, а нужно заехать! Взял билет круговой: Владивосток – Москва – Киев – Севастополь – Минводы – Баку. В полете в Киев целью была возможная встреча с Вольдемаром, однако, к сожалению, она не состоялась, потому как тот перевелся служить в Мурманск. Что касается встречи со Стропиным, там все было в старом репертуаре: обильное питье и вкусная закуска.

Спустя несколько дней со дня отлета из Владивостока наконец прибыл в Баку. После обязательных процедур встречи с родными начал интересоваться февральскими событиями, происходившими в Сумгаите, и выяснилось много интересного. Следует особо отметить, что к этому времени, то есть к началу лета 1988 года, в Азербайджане сменили руководителя республики. Вместо безынициативного и послушного Кямранова назначили чересчур активного или, как в народе говорят, «активного дурака

с инициативой» Абдул Рахмана. В советской истории Азербайджана, наверное, были только два руководителя, нанесшие невосполнимый моральный и физический урон республике, – это Мирзоян и Абдул Рахман. Первый понятно, по происхождению был армянином, мстил тюркам: сначала уничтожил Азербайджан, потом Казахстан; второй – по неизвестности происхождения.

Стало ясно, что события были тщательно спланированы, четко претворены в жизнь. Об этом свидетельствовали следующие факты:

- все городское руководство было накануне заменено, и первые лица отправлены кто куда;

- руководство милиции, прокуратуры и городского отдела КГБ отсутствовало по надуманным причинам;

- вся милиция была разоружена, и, более того, запретили получение оружия;

- еще за три, даже за четыре дня до погромов в город были введены подразделения внутренних войск, однако они бездействовали вообще, и все происходило под их пристальным наблюдением;

- особо следует отметить, что среди, условно скажем, рядовых погромщиков было много лиц армянской национальности, а главным организатором и вдохновителем был армянин – ранее судимый Давид Григорян;

- еще одним интересным фактом является то, что все расследование по требованию генеральной прокуратуры было передано в центральный аппарат, в Москву, и таким образом Азербайджан был полностью отсечен от всего того, в чем его обвиняли. Республику лишили права на расследование, оставили только обязательство отвечать перед кем-то за содеянное.

К этому времени республика уже бурлила, начались митинги протеста, везде говорили только о созданном недавно НФА – Народном фронте Азербайджана во главе с Абульфатом Алисоем. Назывались имена также других лидеров. Не лишним будет еще отметить, что Абдул

Рахман упорно гнул линию Москвы, а именно: армянам – полная свобода действий, а азербайджанцам – полный запрет на все. Странность ситуации была еще в том, что точно так же вел себя Верховный Совет республики во главе с Эльдурой Кафировой и Совет министров во главе с Талибовым. В общем, и не следует удивляться этому: в то время все заглядывали в рот КПСС.

Абдул Рахман, вместо того, чтобы заниматься такой грандиозной проблемой, как армяно-азербайджанские взаимоотношения, имеющей вековые корни, созданной и постоянно культивируемой самой Российской империей, чтобы выслужиться перед Горлачевым, затеял создание партийной комиссии по расследованию периода руководства Гасана Алиева, что, конечно, не могло не привести к расколу общества. Не исключено, что это было подсказано ему из Москвы именно с такой целью. События настолько были захватывающие, что наш герой решил отложить еще на пару дней поездку к матери. В эти дни состоялось заседание Верховного Совета СССР, где принято было решение не удовлетворять просьбу областного Совета НКАО и Армянской ССР, то есть оставить область в составе Азербайджана. Но также хотелось и ехать в Армению, воочию посмотреть, что происходит там.

Все понимали полный провал политики азербайджанского руководства во главе с Абдул Рахманом, хотя те считали себя победителями. Особенно привлекло внимание общественности выступление Эльдуры Кафировой, которая сказала, что в Баку нет никаких митингов протеста, а собравшаяся там небольшая группа – это наркоманы и пьяницы, численность которых не превышает и двухсот человек.

Это было самое худшее, что можно было сделать для своей республики. Дух свободы и близкого развала СССР витал воздухе. Разговоры шли только об этом. На митингах появились флаги Азербайджанской Демократической Республики, просуществовавшей с 1918 года по 1920 годы.

Начавшийся поток беженцев из Армении получил ускорение после спровоцированных самими же армянами Сумгаитских событий. Однако в Азербайджане всячески пытались скрыть все эти беззакония. Армяне полностью добились своего; помнится выступление академика Амбарцумяна, который со своеобразной, присущей армянам хитростью предложил Горлачеву не выводить НКАО из состава Азербайджана, а вывести из-под подчинения до лучших времен. Делегация Азербайджана ничего умного не смогла предложить, и это было невозможно, потому как центральная власть играла танцевальную мелодию по армянским нотам, в качестве же бездарных танцоров выступала азербайджанская делегация во главе с Абдул Рахманом.

Отложив ненадолго рассматриваемый вопрос, хотелось бы отметить одно явление. Тоталитаризм страшен тем, что даже человек, видящий и понимающий пагубность принятого решения, все равно подчиняется воле одного человека, который, может, даже уступает по умственным способностям. Вся азербайджанская делегация вернулась из Москвы, будто они завоевали Рим. По инициативе (по его ли точно, может, по подсказке армян?) Горлачева был создан КОУНКАО, Комитет особого управления НКАО, и это в то время, когда армяне перед этим создали другой, свой независимый орган – КРУНК, Комитет революционного управления Нагорным Карабахом. Как видно, в названиях особого отличия нет, а суть была одна, просто созданный Горлачевым комитет должен был легализовать армянский. Председателем комитета назначили Воланда Аркадьева. Что о нем можно сказать? Лучше ничего, с поставленной задачей комитета КРУНК он справился. Впоследствии один из армянских писателей подарил ему свою книгу с надписью: «Воланду Карабахскому», нам думается, это говорит о многом. Впоследствии эмиссаров центра меняли, но дело не менялось: руководство республики строго следовало

в кильватере корабля центра, который вели армяне руками Горлачева строгим курсом к месту затопления.

Умышленно или неумышленно (нам думается умышленно), сейчас трудно сказать, но Абдул Рахман сделал все, чтобы навредить республике, это на его совести, и гореть ему в аду.

Глава шестидесят вторая

ВСТРЕЧА. ПРОШЛО ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ ЛЕТ

Имитируя работу якобы по решению конфликта, Горлачев решил провести встречу с творческой интеллигенцией обеих республик; естественно, ему необходимо было проявить осведомленность в проблеме, в этом не было бы ничего плохого и предосудительного, если бы не одно «но», которое заключалось в том, что он предварительно встретился с представителем только армянской стороны и все его «глубокие» знания были почерпнуты от армян.

Обе стороны сформировали делегацию, и в один день они прибыли в Москву. Конечно, люди знали друг друга давно, общались, переводили произведения друг друга и участвовали в совместных творческих мероприятиях. Азербайджанцы в своих поступках были искренны и честны, в отличие от армян. Изначально они были в растерянности от происходящего, впали в ступор, и первый вопрос у них был: «Как это могло случиться?»

Абсолютное большинство действительно считало армян братским народом, и затыкали рты тем «говорунам», которые сеяли смуту; умышленно умалчивалась история взаимоотношений, передавались забвению события 1905–1906-го и 1918–1920-х годов. Все эти события списывались на злобный царский режим, что отчасти было правдой, но только отчасти, потому что замалчивалось

то, что во всех этих событиях армяне не были жертвами, а были участниками, преследующими свои коварные цели. Суть событий не раскрывалась, не указывались мотивы тех или иных событий для той и другой стороны.

Встреча должна была состояться не в большом зале, как все думали, а в малом, предназначенном для совещаний «местного значения». Когда азербайджанская делегация прибыла, перед входом случилось некоторое замешательство.

Никто не хотел войти первым, потому как ему и отводилась роль судьи, решающего, как вести себя, точнее, как приветствовать армянскую делегацию, – другими словами, подавать им руки или нет. Что говорить: армяне даже в этой, казалось бы, совсем элементарной процедуре переиграли, придя первыми. Они стояли и смотрели, как бы говоря: «Ну что же, мы здесь, на месте своем, мы хозяева, вы пришлые, вот и решайте, как вам быть. Хотите – подавайте руку, не хотите – нам и подавно не надо, вы все равно как были невеждами для нас, так ими и останетесь».

Видя замешательство и нерешительность представителей старшего поколения, Энвер вышел вперед и зашел первым. Подойдя к каждому представителю из армянской стороны, поздоровался с каждым за руку. Его примеру последовали остальные члены делегации.

Последним в зал вошел Орхан Вересли, и его внимание привлекла единственная в составе армянской делегации женщина, достаточно пожилая. «Господи, нельзя ли было взять какую-нибудь другую, хотя бы видом напоминающую женщину», – подумал он. Конечно, прошел бы мимо и не обращал бы никакого внимания, но когда взглянул, на лице ее появилось заметное только человеку с чувствительной душой, коим был Орхан Вересли, едва уловимое сияние. Будто ее глаза засияли солнечным светом, даже губы тонко- тонко встрепенулись, желая проявить улыбку. Это обстоятельство не могло не остановить

его внимания на ней. Перед ним стояла достаточно полная, невысокого роста женщина, у которой, видимо, были проблемы с дыханием, потому как она дышала ртом, прикрывая его рукой, и, как он понял, многое испытывавшая за свою жизнь. Она, видимо, потеряла очень близких людей в их молодом, даже, может быть, в юном возрасте, и до сих пор сердце ее плачет по ним. Об этом свидетельствовали ее очень седые, короткие волосы, настолько редкие, что отчетливо «светилась» кожа головы. Видимо, у нее были проблемы и со зрением: разглядывая его, заметно прищуривалась. Огромный, с горбинкой нос почти закрывал верхнюю губу. Все лицо было в морщинках, даже большая черная родинка на подбородке, которая с выросшими на ней тремя длинными черными волосками обезобразивала и без того некрасивое лицо. Почти вся шея и местами лицо были покрыты папилломами. На ногах была обувь достаточно больших размеров и почти без каблуков, что свидетельствовало как минимум о наличии наростов на больших пальцах ноги. Скорее всего, страдала еще сахарным диабетом, а также можно было допустить наличие возможных внутренних болезней. Когда встал перед ней и протянул ей руку для приветствия, та посмотрела ему в глаза, и в этом взгляде он уловил что-то до боли знакомое и, возможно, родное, как ему показалось, очень близкое, и изо всех сил пытался вспомнить, но тщетно!

В это время она подала голос и почти шепотом спросила:
– Как тебе полет?

Слово полет разбила на части и произнесла так, что он сначала услышал первую часть «по», а затем целиком слово «полет». Когда до его слуха дошло произнесенное ею «по», подумал, что сейчас спросит: «Как тебе поцелуй?» И все вспомнил. Это был тот же вкрадчивый, тихий голос, который двадцать пять лет назад в ереванской гостинице именно так и спросил. «Боже ты мой, неужели это она? Такого быть не может, почему она так изменилась?» Забыв обо всем, спросил ее:

– Как ты, что случилось?

На что она непринужденно, коротко ответила:

– Похоронила тогда папу, через некоторое время вышла замуж, родила сына, потом второго. Когда старшему (ему послышалось «нашему») исполнилось четырнадцать лет, они с мужем погибли в аварии, а ровно через год утонул младший. Я долго лежала в больнице. Тебе не сообщала, потому что так надо было в интересах общего дела. Вот и вся моя жизнь. Я всю себя посвятила нашему делу, вышло у меня много книг, и пока буду жива, буду продолжать бороться – до последнего вздоха.

Ситуация ему не позволяла долго стоять и разговаривать. Кивнув головой, отошел от нее и встал возле как бы своих, то есть азербайджанцев.

После короткого общения с ней не мог сосредоточиться, все мысли были заняты тем, что она сказала, точнее, тем, о ком говорила, – кто погиб в юном возрасте, так и не вкусив прелести и, конечно же, горечи жизни. Нет, так неверно, как раз горечь жизни он испытал, зараз и сполна, его уже нет в живых. Сейчас ему было бы ровно двадцать четыре года. Интересно, кем бы стал? Может, тоже поэтом или писателем, о чем бы он писал? Разве это важно, какое имеет значение, о чем писал бы, лишь бы жил. Он думал только о том единственном дне в своей жизни, когда познакомился с ней. В тот день думал об удовлетворении своей мужской страсти (может, и наоборот, им управляла страсть, эту мысль тоже допускал) к молодой, красивой девушке. Ведь тогда их влечение было взаимным, а что после родился ребенок и, возможно, это был его ребенок, ничего не знал и терзался в сомнениях. «Как она сказала? Старшему или нашему?»

Точно не расслышал, но сомнения не покидали. Подойти и подробно спросить ее не решался. «Может, и не стоит», – подумал про себя. За все эти годы только один раз интересовался у лучшего друга Зордана о ней, и тогда тот сказал, что она успешная поэтесса,

писательница, все у нее хорошо, вышла замуж, родила ребенка. Тогда очень обрадовался ее успехам и, честно признаться, забыл о ней как о давно прочитанной книжной странице. Конечно же, не мог предположить, что ребенка родила она от него, и даже если предполагал бы, что это изменило бы? Если бы она сразу предупредила, что ждет от него ребенка, тогда да, возможно, было бы по-другому. А потом, нет же полной уверенности, что она сказала именно «нашему», может, все-таки было произнесено «старшему?» Да, конечно, только так и сказала: «старшему». Прежде чем позвонить Галине в Москву, он как раз и разговаривал с другом о ней. Ведь она очень быстро вышла замуж после их встречи. Что было, то быльем поросло, надо жить дальше.

Наконец оторвался от мыслей о прошлом и вернулся в реальность; хотя его выступление не планировалось, все равно нужно было сосредоточиться, вопросы задавать никто же не запрещал. Все стояли, ждали прихода Горлачева, который должен был с минуты на минуту появиться. Окончательно оторвался от собственных мыслей, когда услышал аплодисменты, и тоже с некоторым опозданием подключился к хору подхалимов, как думал в тот момент о коллегах по цеху, при том как об одной, так и о другой стороне.

Горлачев в окружении свиты вошел и приветствовал всех одной фразой: «Здравствуйте, товарищи», держа в правой руке какую-то красную папку, тем самым давая понять всем, что не собирается осчастливить их рукопожатием. Этот факт очень обрадовал Орхана Вересли – дело в том, что, сам того не понимая, почему-то испытывал патологическое презрение к Горлачеву и не имел никакого желания поддержать его за руку, поэтому нежелание того к рукопожатиям было ему по душе. Горлачев пригласил всех в зал, сам со своей свитой вошел, и все последовали за ним.

В зале делегации разделились на две группы, и каждая заняла левый и правый фланги зала так, чтобы посередине остались свободны по три места между флангами.

Обращаясь к залу, Горлачев спросил о том, стоит ли вести протокол заседания, и как считают делегации, так и будет. «Вот сволочь, играет в демократию и искренность, хотя знает, что будет так, как решит сам, потому как ни та, ни другая сторона не будет соглашаться с противоположной стороной. Что комедию-то ломаешь? Получил вознаграждение в Америке, давай отработывай. Думаешь, твоей жене за красивые глазки вручили дорожное кольцо?» – подумал Орхан Вересли.

Это было уже не только его требованием в мыслях, а реальностью: дело в том, что в ереванских и степанакертских митингах во множественном числе красовались транспаранты с содержанием: «Маруся, верни кольцо!» Когда Орхан Вересли выступал на заседании Верховного Совета СССР, о митингах в Азербайджане говорил оскорбительно, повторяя в еще более жесткой форме и, как профессионал, еще более усиливая фразу, произнесенную Эльдурой Кафировой. На возмущение коллег ответил коротко: «Я только повторил слова председателя Верховного Совета республики». После этого чувствовал по отношению к себе отчужденность со стороны товарищей и решил реабилитироваться во что бы то ни стало. Он знал, что первым со стороны азербайджанцев будет выступать Буняд Мусаев как историк и как уважаемый человек, и знал его характер: тот может потребовать ответа от Горлачева относительно кольца, потому и решил не упускать шанса говорить об этом самому, только дали бы слово, ведь его выступление не планировалось.

Горлачев начал говорить первым и, как обычно, с широкого пустословия, заключающегося в призывах о верности ленинским принципам интернационализма и недопустимости проявлений национализма в братской семье народов СССР, а также о пагубности его для всей страны. Продолжая свой пустой разговор, Горлачев повел речь таким образом, что в событиях, происходящих нынче в Арцахе, виноват только Гасан Алиев.

На этом месте тот в первый раз произнес древнее название Нагорного Карабаха, соответствующее временам Кавказской Албании, чем вызвал радость у членов армянской делегации, которые даже хотели аплодировать, однако по чьему-то невидимому знаку воздержались.

Горлачев еще долго говорил, и основной удар был направлен в сторону бывшего руководителя республики и бывшего члена политбюро партии Гасана Алиева. Складывалось впечатление, что эту встречу организовал специально для того, чтобы как можно больше говорить о Гасане Алиеве, а не о проблеме, стоящей перед народами двух республик и страны в целом. Говорил долго, по ходу даже похвалил назначенного им руководителя Азербайджана Абдул Рахмана, и даже бросил несколько критических реплик в адрес руководителя Армении. Все, конечно, понимали, что играет на публику.

Затем начали выступать представители делегаций. Ведущий неожиданно для всей азербайджанской делегации первым дал слово их представителю, а именно Орхану Вересли. Это было полной неожиданностью даже для него самого; вся делегация начала смотреть друг на друга и пожимать плечами, потому как по протоколу первыми должны были выступить армяне, а затем азербайджанцы, притом Буняд Мусаев; однако что-то предпринять было уже поздно, и он пошел к трибуне. Дело в том, что поскольку его выступление не планировалось, не знал с чего и как начинать; понял, что позаботились армяне, чтобы сбить с толку азербайджанцев и чтобы все шло по их сценарию. Без подготовки, без плана, конечно, нелегко говорить даже мастеру слова, коим был он, потому и начал, как Горлачев, с общей белиберды, типа о дружбе народов, о неделимости страны. Когда говорил о неделимости страны, кто-то из армянской делегации бросил реплику, что никто не собирается страну делить, мы просто хотим вернуть свои земли. Он не стал обращать внимания на реплику, еще немного говорил

о разном, вдруг резко обратился к Горлачеву с вопросом о том, как тот может объяснить появление лозунгов на митингах, не только в Ереване и в Степанакерте, но и также и в Баку, о каком-то подарке – колье.

В зале возникла гробовая тишина; армяне взволнованно смотрели друг на друга, азербайджанцы, довольные, переглядывались друг с другом, и все одобрительно и с восхищением смотрели на него. Наконец Горлачев вышел из состояния шока и ответил, что да, когда они были на встрече с представителями армянской общины США, его жене, Марусе Максимовне, преподнесли подарок – колье. Оно, действительно, очень дорогое и передано в распоряжение Гохрана страны, возврату не подлежит, согласно действующему закону. Однако, почувствовав уверенность, чтобы еще больше допечь ненавистного ему Горлачева, задал следующий вопрос о том, что вообще никого не интересует, куда тот передал этот подарок, а все хотели бы знать, с какой целью был сделан подарок. Это уже был нокаутирующий удар, и Горлачев с раздражением в голосе резко бросил:

– Никто об этом не интересовался, зачем. Если вам так интересно, поезжайте – узнайте у них, с какой целью они сделали этот подарок.

– Мы можем только догадываться и предполагать, и правду нам никто не скажет, ее знаете только вы и те, кто делал этот подарок.

Вступил в перебранку, о которой давно мечтал, однако ведущий прервал его, предупредив об истечении времени, отведенного выступающим по регламенту, и дал слово очередному делегату.

Делегаты выступали по очереди, с одной и другой стороны. Свое выступление Сирануш Каптиян начала с того, что всей армянской делегации очень приятно, что товарищ Горлачев знает древнее название Нагорного Карабаха и в своей речи назвал его Арцахом. После нее выступил Буняд Мусаев и отметил, что слово «Арцах»

на армянском языке ничего не обозначает, а в переводе с тюркского или, если хотите, с азербайджанского означает «страна воинов».

Складывалось впечатление, что Горлачеву уже все равно, кто и о чем говорит. Единственным, кто проявлял интерес к происходящему, был член политсовета Лихачев. Он задавал вопросы каждому выступающему, делал записи, одним словом, был активным участником происходящего. Последним дали слово старейшему азербайджанскому писателю Мирзоеву, который завершил свою речь словами: «Если бог хочет кого-то наказывать, он не наносит ему физического увечья, просто лишает разума». Слова эти оказались пророческими для всех, кто в тот момент находился в зале.

Подходы интеллигенции двух народов к данному вопросу отличались. Азербайджанская интеллигенция призывала к разуму, к созиданию, армянская же наоборот – к вражде и нетерпимости. Для примера приведем выступление армянской поэтессы Сильвы Капутикян на собрании Национальной академии наук. Отрывок взят из книги очерков «В первый раз». Итак, обратимся к цитате: «Хайк должен знать, что армянин, открывший глаза в семье боголюбивых армян, родился не для того, чтобы жить, а для того, чтобы помочь армянской нации. Поэтому новорожденному армянину нужно громко, очень громко прокричать в ухо: «Эй, Арам... твой враг турок... Родина важнее бога. Важнее Родины – церковь. Важнее церкви – великий Тигран. Важнее Великого Тиграна – Великая Армения».

Читая такие вещи, тоже хочется громко, очень громко прокричать на весь мир, а еще лучше каждому в ухо: «Эй, люди, где вы? Где ваша борьба против фашизма, если в этих цитатах не видите фашизма, тогда что есть для вас фашизм? Ни один фашизм, ни один социализм ленинско-сталинского образца по степени своего человеконенавистничества не может даже рядом стоять

с такими программными установками! Открывай книгу любого армянского писателя – с редким исключением, везде одна и та же установка. Здесь приведена самая гуманная цитата из возможных, потому как она принадлежит женщине. Думается, прочитав это, надо успокоиться и немного подумать, потом перечитать и осмысливать для сравнения с фашизмом».

Кто-то из современных мыслителей указал на четырнадцать признаков проявления фашизма – возможно, Умберто Эко, в данную минуту это не так важно, отметить хочется другое: в приведенной цитате в каждой фразе имеется по четырнадцать признаков фашизма.

Глава шестидесят третья

ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА. ЗДРАВСТВУЙ, МОЙ АЛТЫЧАЙ

Проведя несколько дней в Баку на различных митингах, Реван решил наконец-то поехать к матери в родное село и на следующий день был уже дома. От матери услышал то же самое, что в Баку и Сумгаите: люди уезжают, жизни уже здесь нет и не будет никогда, из соседних сел уже почти все уехали.

Никого из тех, с кем хотел бы увидеться и поговорить, не было в селе: не было ни Гудрат муаллима, ни Расима. Мать сказала, что они то ли в Баку, то ли в Сумгаите, ищут место, куда можно переехать. Ясно, значит, не с кем поговорить. Знал, что узун Хабиб давно умер. Первый день у матери прошел как обычно; обошел все кладбище, понимал, что надо попрощаться с памятью всех, кто обосновал это село и чьи потомки скоро превратятся в беженцев, в лучшем случае – переселенцев. Подолгу стоял возле могил тех, кто в 1918–1920 годах встал на защиту села против отрядов Андроника. Горько было осознавать, что нынешнее поколение по воле судьбы и в большей степени по своей вине лишено этой возможности. «Долго мы позволяли убаюкивать себя лживыми мелодиями о дружбе и братстве в единой семье советских народов», – думал, стоя возле могил участников тех славных и тяжелых лет. Ему важно было навестить еще одного человека и посмотреть, насколько тот изменился.

На следующее утро матери сказал, что ему надо в райцентр, на что мать ответила: «Сынок, тебе надо – поезжай, только веди себя аккуратно. Армяне очень озлоблены, ведут себя так, будто мы друг друга и не знаем».

Конечно, ему ни в какой райцентр не нужно было; поехал в Тутутджур к другу отца, которого знал с детства. Дядя Ильяс узнал его сразу, хотя и давно не виделись, повел в дом. Жили они вдвоем с женой, тетей Айкануш, сыновья и дочери давно обосновались в Ереване. Тетя Айкануш накрыла на стол, и они все сели обедать. Наш герой решил спросить мнение огру Ильяса о происходящих событиях и задал прямой вопрос:

– Дядя Ильяс, что происходит? Что ты думаешь об этих событиях?

– Я виноват во всем, Реван-джан.

– Ты при чем?

– А при том, что мои сыновья в Ереване ходят с портретом палача моей семьи Андроника и устраивают митинги. Я виноват, что вовремя им не рассказал обо всем, что произошло в доме их деда. Они не знали об этих событиях, вот в чем я виноват.

– Не вини себя, дядя Ильяс. Все равно тебе не поверили бы: рассказчики у них были другие, более убедительные. Родителей мы почти не слышим и точно не слушаем.

Хотя дома, кроме них, никого не было и тетя Айкануш абсолютно не знала азербайджанского языка, огру Ильяс перешел на шепот и сказал:

– Они днем и ночью трубят по радио и по телевизору о событиях в Сумгаите. Я не верю ни единому их слову, ни единому, понял?

– Понял, дядя Ильяс. Знаешь, я тоже не верю, и я был в Сумгаите, третий день как приехал.

– Я знаю, чего стоит их ложь. Когда они расстреляли нашу семью, тоже говорили, что все сделали азербайджанцы. Я же сам живой свидетель, на моих глазах все произошло. Сейчас то же самое, я больше чем уверен.

Это у них испытанный прием: сами убивают своих негодных, потом по ним же поминки устраивают. Слушай, я не пойму, что они прицепились к этому Карабаху? Ведь и так жили и живут там, чего не хватало?

– Не знаю, честно, не знаю, но точно одно: они создают или уже создали проблемы армянам, живущим в других местах в Азербайджане.

– Я тоже думаю об этом.

После были разговоры на другие темы. Говорил в основном огру Ильяс. Рассказывал о годах совместной отсидки с отцом в одной тюрьме, о коллективизации. Часто возвращался к событиям 1918–1920-х годов. Когда говорил о тех событиях, глаза у него увлажнялись, едва сдерживал слезы.

Наш герой внимательно слушал его и думал о том, что происходит с народом. Откуда такое замутнение сознания? Почему человек без образования, всю жизнь проживший вдали от политики, в нужную минуту понимает и более правильно оценивает происходящие события, нежели те, которые наделены докторскими или академическими регалиями, которые томами выпускают книги и вместо того, чтобы привить людям человеколюбие и доброту, пробуждают в них чувство ненависти, злобы и враждебности? Семена этих чувств, где бы ты их ни посеял, всходы дают повсюду. Почему они не думают, что, взявшись рассказывать о чем-либо, берешь на себя ответственность за правдивость и нужно быть честным прежде всего перед самим собой?

Он смотрел на пожилого человека, сидевшего перед ним, который был известен на всю округу как огру Ильяс, то есть вор Ильяс, и, между прочим, не без основания был так прозван. Во всей той зоне не было пастуха, будь то армянин или азербайджанец, который бы не знал его; любой мог рассказывать какую-нибудь байку о его похождениях. Наверное, в них было немало приписываемых ему, ведь порой было удобнее списать на огру

Ильяса, нежели признаться самому. У пастухов в ходу была пословица, придуманная ими же: «Если пропавшего барана вовремя не сумел списать на волка, то на огру Ильяса спишешь без трудностей». Как ни странно, срабатывало, и списывали.

Сравнивал этого пожилого человека, отошедшего теперь как от пастушества, так и, соответственно, от сопутствующего ему важнейшего элемента – воровства, с теми, которые именовали себя интеллигенцией, и думал: «Огру Ильяс, насколько же ты стоишь выше всех тех писателей, поэтов и прочих держателей пера, толкающих сегодня свой народ в пучину ненависти. Твоя кристальная честность могла бы служить примером всем им, хотя тебя называют воров!»

Время уже поджимало, с минуты на минуту должен был подъехать автобус. Наш герой попрощался и вышел на дорогу. Пока ехал домой, все думал о том, что происходит. Его радовало, что огру Ильяс, друг отца, остался тем, кем он был.

Когда пришел домой, мать с порога спросила:

– Как живут они там, Айкануш чем тебя накормила?

– Мать, все нормально, поел хорошо. Слава Богу, все живы, здоровы, живут одни, дети в Ереване. Откуда знаешь, где я был?

– С утра поняла сразу, куда поедешь. Поехал попрощаться – правильно сделал, отцу твоему он был хорошим другом. Из детей совсем никто, и даже Телли не живет с ними?

– Мать, я же сказал, никто, одни живут. Тетя Айкануш передавала тебе привет, немного болеет, но ничего, ходит, по дому все делает. Телли тоже вышла замуж, уехала в Ереван.

– Вот-вот, и я о том же: растишь вас, растишь, а вы оставляете нас одних. Чего им дома не живется, что нашли они в этом Иреване? – Исторически город назывался «Иреван» и только в 1936 году был переименован в Ереван.

– Мать, откуда мне знать, чего они там нашли? Что нашли твои дети от Баку до Владивостока, что нашли внуки дяди Муслима и другие, то же самое они в Ереване нашли. Ты лучше скажи, не собираешься уехать? Может, поедем со мной, чего тянуть-то?

– Нет, ты поезжай. Если что, брат приедет, заберет меня. Надо же машину, столько вещей, оставить что ли все?

– Нет, зачем оставить, бросить все равно придется рано или поздно, только, возможно, будет гораздо хуже и сложнее. Мать, я понимаю, мне сейчас тебя не убедить, но, если что, смотри по обстановке. Не надо ждать брата, садись на автобус и до Казаха, только, пожалуйста, делай это вовремя. Наплевать на все эти вещи, не в первый раз оставляем или теряем.

В конечном итоге оказался прав: матери все равно пришлось бросить все и уехать в Сумгаит к старшему сыну.

Глава шестидесят четвертая

ПРОЩАЙ, РОДНОЙ ВЛАДИВОСТОК

На следующее утро Реван выехал в Баку и через два дня был во Владивостоке. На работе, конечно же, интересовались, но, сказать честно, слушали равнодушно. Никто не верил, что, когда происходили Сумгаитские события, воинский контингент, введенный в город накануне с целью поддержания правопорядка, бездействовал, что милиция была разоружена, все руководство города по непонятным причинам было вызвано в Москву на какое-то совещание, и самое важное – среди организаторов были и армяне. Наш герой не обижался на них, потому что если бы не поехал и не узнал все это на месте, сам тоже не поверил бы. Но реальность была такой, какая есть.

В скором времени в одной из центральных газет вышло интервью члена так называемого Комитета особого управления Нагорным Карабахом, некоего Сидоркина, который целиком и полностью поддерживал идею «Миацума», «многострадального» армянского народа. Наш герой не мог оставить без внимания данную публикацию, написал открытое письмо названному господину и отправил в ту же газету. Жаль, не напечатали и даже не ответили, письмо было подробное и охватывало все стороны вопроса. Отметим, что он уже писал все письма собственноручно и с подписью. После отъезда друга перестал писать через линейку или под вымышленными именами.

В декабре 1988 года произошло трагическое землетрясение в Спитакском и Ленинканском районах

Армении, в результате которого погибли, по данным источников того времени, около двадцати пяти тысяч человек. Вокруг этой трагедии сразу же появились спекулянты, главными из которых можно безошибочно назвать Горлачева и Абдул Рахмана.

Один дал команду, а второй взялся исполнить: организовать и направить в Армению спасателей из Азербайджана. Видимо, была цель, чтобы потом нести всякую пропагандистскую чепуху и ахинею о нерушимости братства и дружбы двух народов; возможно, еще не были знакомы с установкой Сильвы Капутикян о том, как нужно воспитывать и растить армянина, или же было сильное желание показать «Ташкент-2», только в Армении.

Как и следовало ожидать, самолет, вылетевший из Баку, потерпел крушение, врезавшись в гору; погибли девять членов экипажа и шестьдесят три спасателя. Кроме бакинского самолета, потерпел крушению югославский, который был принят за турецкий. Нет никакого сомнения, что эти катастрофы были спланированы с момента, как только о самолетах стало известно, и вызваны умышленно. Мы даем себе отчет в том, что нужно доказательство, – оно есть, лежит на поверхности: отсутствие какого-либо вразумительного объяснения причин крушения и есть самое верное и прямое доказательство.

Эти события нашим героем были восприняты как трагедия, и, не имея возможности доказать кому-либо что-нибудь, он некоторое время жил, как в нереальном мире. На него действовал угнетающе тот факт, что якобы в Баку был организован салют в связи с землетрясением. Об этом говорили все, кому не лень, и в некоторой степени у окружающих менялось отношение к нему; знал, что это неправда, однако люди были непоколебимы в своих убеждениях.

Страна бурлила и кипела, и центральная власть постепенно теряла контроль над республиками; вместо того, чтобы проводить видимые экономические и политические реформы, она создавала силами спецслужб

точки напряженности на базе национализма – пример Алма-Аты ничему не научил. Начались конфликты, кроме уже существующих, – в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане и Грузии. Почему она шла на это, вразумительное объяснение найти трудно. Некоторые утверждали, что партийные боссы проворовались и сами специально разваливают Союз, чтобы уйти с деньгами и чтобы другие республики не требовали долю.

Было бы очень примитивно так думать, потому как республики и без того рады были бы разбежаться и никто ни у кого ничего не требовал; так и произошло впоследствии. Причина была в другом: в непонимании и неверной оценке ситуации и морального состояния общества тогдашним руководством страны и в попытке разрешения возникающих проблем путем создания других, в частности межнациональных, уже испытанных не раз в истории Российской империи. Они думали, видимо, что если таким образом удалось загасить национально-освободительное движение, в частности, в Азербайджане, с начала века уже дважды, то что же мешает попытаться счастья в третий раз? В этом ходе империи не был учтен фактор времени и разница в уровне мышления людей, живущих в начале и в конце века.

Народ вступил в новый 1989 год, который с самого начала был отмечен важнейшим событием – выводом войск из Афганистана. Это событие преподносилось как результат миролюбивой политики Советского государства, однако никто не хотел вспоминать, какая вообще была необходимость в том, чтобы в течение десяти лет крошили людей – как своих, так и чужих. Это один из многих подобных вопросов, на которые в истории России на протяжении веков никто не отвечал и не будет отвечать, и хуже всего – этот вопрос никто не задавал и не будет задавать.

Многодневные митинги с конкретными лозунгами о независимости начались в Тбилиси, потому как «заблаговременно» там разожгли абхазский и южноосетинский

костры. Во всех межнациональных конфликтах руководство республик и народ тоже ждал решения вопроса от метрополии, а она и не думала решать вопросы: управляла, точнее думала, что управляет процессами. В Тбилиси для разгона митингов в ночь на девятое апреля были введены войска. Картину можно представить: воздушно-десантные части направляются на мирных людей с разрешением применять сапёрные лопаты и действовать, как в условиях реального боя. Митинг был разогнан жестоко, беспощадно. Это событие тоже внесло свой вклад в расшатывание фундамента социализма.

Социализм расшатывался не только в СССР, а по все-му так называемому социалистическому лагерю: в Польше, Чехословакии, Румынии, Югославии и ГДР. Самое знаменитое событие произошло в ГДР: в ноябре того же года пала Берлинская стена, возведенная в августе 1961 года, символизирующая железный занавес между западным миром и социалистическим лагерем. С этой стеной у него тоже было связано одно воспоминание.

Учились на втором курсе в Кронштадте. Шло политзанятие, которое вел какой-то капитан второго ранга. Рассказывал о войсках, расположенных на территориях братских стран, в том числе и в ГДР. Каким-то образом разговор, благодаря Вите Мельникову, повернулся к Берлинской стене. Тот напрямую спросил, что побудило нас к строительству забора (так и сказал: «забор»), и лектор начал объяснять причины возведения стены. Тут наш герой не удержался и задал вопрос о том, зачем нам отгораживаться от проклятых капиталистов: пусть приходят, смотрят и завидуют, как говорил поэт-коммунист Маяковский. Лектор не успел рот открыть, как Толик не удержался:

– Отсюда больше туда бегут, дурак!

– Да? Я думал наоборот, – выражая поддельное удивление, ответил он тогда другу.

Конечно, лектор выкрутился каким-то образом, но было уже неважно, нужные слова были сказаны.

Неожиданно наш герой получил письмо от друга Решенко. Письмо как письмо, какие пишут друзья друг другу. Интересно было последнее предложение из того письма, где друг писал: «Развал, о котором мы говорили с тобой и долго спорили, произойдет гораздо раньше, чем празднование столетия Октябрьской революции». Прочитав это, наш герой горько усмехнулся, потому что сам все прекрасно видел; его волновали последствия и один самый банальный, встающий перед всеми, вопрос в истории России: «Что делать? Как быть?» Он прекрасно понимал, что ни одной из поставленных перед собой задач не выполнил, и это его угнетало.

В задумчивости перебирал документы, попался на глаза партбилет. Повертев его в руках, как бы разговаривая с партбилетом, сказал: «Может, принесешь какую пользу в жизни? А то сколько лет тебя таскаю без толку и плачу деньги за тебя. Может, дать тебе последний шанс?» Задумано – сделано: тут же приступил к написанию нового письма, и притом лично Горлачеву. В письме изложил все, о чем думал, что накипело, но не отступая от своего принципа «двуличия», то есть прикинулся идейным коммунистом, который верит в партию, в ее программу, но переживает за все проблемы и по-своему воспринимает их близко к сердцу. Письмо заканчивалось фразой: «Выгнать тебя из партии не в силах, но и пребывание в рядах одной партии с тобой считаю позором для себя и партии» (двуличие: даже в последней фразе дает понять, что я с партией, только вот он – такой сякой, нехороший; возможно, ошибаюсь, но ничего не изменить. Наверное, это было образом жизни, точнее, мышления для большинства людей того поколения). Отправив письмо в Москву, тут же уволился с работы и начал готовиться к переезду в Баку.

Знал, что из Армении всех изгнали и мать живет в Сумгаите. Брат снял для нее квартиру. Решив все вопросы, в конце декабря переехал в Баку. В первое время часто ездил к матери в Сумгаит.

Глава шестидесят пятая

НАКАЛ ДОСТИГАЕТ ПРЕДЕЛА

Республика напоминала кипящий котел с закрытой крышкой, что сразу было видно постороннему глазу. Митинги не прекращались, можно сказать, шли по всей республике, во всех городах, на центральных площадях. Главный митинг, конечно, шел на площади Ленина в Баку. Там, сменяя друг друга, выступали лидеры Народного фронта и представители творческой интеллигенции; не было видно только руководства республики. Все новые и новые вести шли из южных районов об открытии границы между Южным и Северным Азербайджаном в разных пунктах.

В Баку прибыли в это время два московских эмиссара – Пермяков и Гуренко. На митинге разговоры шли только о них: зачем и с какой целью они находятся в городе? Пошли слухи о вводе войск в Баку, в скором времени это стало главным вопросом в разговорах между людьми.

Шло заседание правления Народного фронта Азербайджана под председательством Абульфата Алисова. Собрались все лидеры, и обсуждался главный вопрос – о вводе войск в Баку. Мнения разделились на противоположные: одни говорили, что если будет приказ, то войска войдут в город любой ценой, а другие говорили о том, что никакого ввода не будет, потому как руководство СССР не решится на это после Тбилисских событий. Впоследствии появился термин «Тбилисский синдром», что

как раз и выражало это мнение. После длительных утомительных обсуждений, к вечеру, к четырем часам, наконец объявили перерыв на три часа. Заседали постоянно, с небольшими перерывами на короткий отдых.

Все покинули кабинет, и председатель остался один. В кабинет вошел помощник и сообщил, что к нему просится один человек – себя не назвал, представился как старый близкий знакомый.

Алисой велел пригласить и почему-то подумал об Ахмедове, потому что его насторожила фраза «старый близкий знакомый», и ушел во воспоминания. В это время вошел посетитель. В своих догадках он не ошибся, встал и пошел навстречу, после приветствия усадил его за стол.

– Слушаю вас. Новый арест? По-моему, ваше время уходит. Пришли похлопотать за себя? Не волнуйтесь, не буду вам мстить. Живите спокойно, найдете себе работу.

– Бей, – в то время в Азербайджане вошла в моду форма обращения «бей» на турецкий манер, и Ахмедов как дань моде применил эту форму, – не волнуйтесь, я пришел не за этим и, если понадобится, защищать себя в состоянии. Работу искать тоже не буду, я и здесь пригожусь. Мы с вами знакомы не один год, и я знаю ваш авторитет; только вы можете предотвратить катастрофу, и вы должны сделать все, чтобы она не произошла.

– О чем это вы? Какая катастрофа? Свобода у нас в руках, вы знаете, что во всех южных районах границы открыты. Всех райкомовских прогнали, ваши конторы там не работают. Вы во вчерашнем дне, очнитесь.

– Я вот не сплю, а вы и вся ваша компания впали в эйфорию, настоящую угрозу не видите и не представляете возможные риски.

– Что хотите сказать? Говорите, у меня мало времени, скоро соберутся члены правления на заседание.

– Я пришел сюда не из любопытства, и не просить вас за себя, и не для того, чтобы понравиться вашей компании. Для начала хочу заметить, что любовь к Родине

не есть ваша личная монополия: мы тоже любим Родину, и она нам так же дорога, как и вам. Что касается лично вас, мы не сомневаемся в вашей искренности, однако товарищи полагают, что ваша личная неискушенность в политике может привести к большим ошибкам, и хотим предостеречь вас от ошибок и страну от трагедии.

– Спасибо, мы не нуждаемся в вас. И прошу: оставьте свои рекомендации для себя и ваших товарищей. Таких, как вы, сейчас много будет, обойдемся.

– Слушайте меня внимательно: готовится ввод войск в город, предварительно будут организованы многочисленные правонарушения, может дойти до погромов наподобие Сумгаитских.

– Что я могу сделать?

– Многое: не допустить погромов, не давать повода, более того, создать специальные отряды противодействия провокациям. Скажу вам больше: готовится масштабная провокация. За всем этим стоит центр. Начали вывозить членов семей военнослужащих, и в скором времени это будет подаваться как вынужденный отъезд из-за угроз безопасности жизни со стороны националистических элементов. Здесь уже находятся эмиссары из Москвы, один из них без преувеличения выдающийся организатор провокаций и беспорядков, высокопоставленный сотрудник службы внешней разведки, в то же время ученый-востоковед.

– Какие националистические элементы, о чем вы говорите? У нас одно требование – целостность территории.

– Послушайте, пожалуйста, меня! Народ накручен, обстановка напряженная, и люди пойдут за любым провокатором; они профессионалы, организуют эти провокации в одно мгновение, тогда будет поздно. Одно дело, как считаете и видите вы, другое – как нужно им. Им нужно одно: ввод войск в Баку и объявление чрезвычайного положения. Ввод войск означает гибель людей; при такой массе народа на улицах будут трагические последствия. Надо убрать людей с улицы.

– Вот зачем вас ко мне направили – решить вопрос по старому знакомству, правильно понимаю? Товарищ... Не знаю, кто вы по званию, запомните: никто не уйдет с улицы, ни один человек, и потом, после Тбилиси они еще не пришли в себя, не решатся. И последнее: если и погибнут люди, значит, польется кровь за свою родину. Запомните: земля становится родиной, если за нее погибают люди.

– Полковник я. Пришел к вам не для того, чтобы решить вопрос по знакомству, а чтобы избежать ненужной жертвы и предложить вам помощь. К вашему сведению, это и наша Родина, и мы тоже принадлежим к этому народу. Да, мы, то есть некоторая часть нашего народа, находились на переднем фронте службы режиму, но это не говорит о том, что мы враги своего народа. Да, было время, что я даже вас задерживал, и с моей подачи осудили вас. Не удосужились подумать, как могло бы закончиться все, если бы ваше дело вел кто-то другой? Я знал о симпатиях к вам Виктора Андреевича. Почему вы решили, что любить Родину способны только вы? Лично обо мне ничего не знаете, но при этом легко осуждаете. Родители мои детдомовские; они были подростками, когда их родители были репрессированы. Жили в России, отец стал военным, до самой смерти ничего не рассказывал, но очень хотел, чтобы я стал чекистом, – я потом понял, у него были свои расчеты. За три дня до смерти рассказал все о себе, о своих родственниках здесь, назвал нашу настоящую фамилию и велел, чтобы я нашел их. Я тогда понял, почему он хотел, чтобы я служил в органах. Благодаря этой работе я нашел всех его родственников. Их у меня оказалось немало, как со стороны отца, так и матери. Все они сейчас на улицах – ваши соратники, последователи, как хотите, так и называйте. Вижу, хотите спросить, общаюсь ли я с ними? Нет, не общаюсь. Почему не общаюсь? Потому что тогда не смогу помочь им. Для них у меня идеальная биография, родственников нет. А они у меня есть, и я им помогаю незаметно для всех. Вы думаете, я не видел, не понимал, куда идет этот режим?

Прекрасно видел. Поймите меня правильно: зачем приехали эмиссары из Москвы? Только для обеспечения ввода войск. Нельзя давать повода, другими словами, для организации армянских погромов. Создайте дружины для предотвращения любых видов погромов. У них разработаны разные варианты. Занимаются работой московские чекисты и небольшая группа из местных, никому не доверяют. Меня ввели в группу только вчера. Даже многим местным русским не доверяют; в основном армяне или те, у кого дядя армянин, как у нас говорят.

– Как же получилось, что вам доверили?

– Я уже ответил вам: у меня никого нет здесь, ничто и никто не связывает с местными, на их взгляд; мы теряем время, у вас есть день, максимум два, чтобы осуществить то, что я сказал. Еще одна просьба: обо мне никому ни слова, из вашего окружения утекает информация; вообще избегайте обсуждения серьезных вопросов, к коим относится и то, о чем мы говорили, с широким кругом. Сказанное мной выдайте за свое, а еще лучше – пусть предложит кто-нибудь другой. Вы просто выразите озабоченность возможными проблемами и подтолкните их к этой мысли.

– У меня к вам последний вопрос. Как давно вы пришли к тому, чтобы помочь нам, и что вас подтолкнуло?

– Давно, после разговора с отцом перед его смертью. До этого у меня была одна биография, а после этого возникла другая. Я решил помочь не вам лично, а своей Родине; в данный момент выразителем интересов моей Родины являетесь вы и возглавляемая вами организация. К сожалению, вы многое делаете не так, как следовало бы, но времени мало или почти нет. Я знаю, в ваших рядах есть ребята из нашей конторы, прислушивайтесь к ним, не проявляйте недоверия. Знайте: любовь к Родине не только у вас есть, она есть у большинства, где бы они ни работали, кем бы ни являлись.

Здесь прервем повествование.

Отдельная глава 2

ИМПЕРИЯ ПИТАЕТСЯ КРОВЬЮ

*Это, конечно, имело место,
Возможно, немного не так.*

Горлачев созвал особое совещание, куда были приглашены узкий круг из членов политбюро и руководители силовых структур, а именно: министр обороны Яздаев, председатель КГБ СССР Крюков, министр внутренних дел Бекетов. Обсуждался единственный вопрос – политическая ситуация в Азербайджане и ее возможные последствия для всей страны. На постоянной телефонной связи находились также руководители Азербайджанской ССР, первый секретарь компартии Абдул Рахман, председатель Совета министров Талибов и председатель Президиума Верховного Совета республики Эльдура Кафиров.

Совещание открыл Горлачев и тут же перешел к докладу:
– Товарищи члены политбюро и приглашенные, мы сегодня созвали это совещание для того, чтобы вместе обсудить сложившуюся сложную ситуацию в Азербайджане и найти выход из нее. Как вы все, наверное, знаете, в последние месяцы там идут непрерывные митинги, на которых некоторое время назад начали звучать антисоветские, антикоммунистические лозунги. Летом восемьдесят восьмого года мы сменили партийное руководство в целях улучшения и повышения эффективности

его работы. Новое руководство республиканской парторганизации сделало очень многое в этом направлении, однако ситуация была настолько запущена, что товарищу Абдул Рахману не под силу ее быстрое разрешение. Там царит национализм, неподчинение органам власти на местах. Вы все помните события в Сумгаите. Есть угроза повторения этих событий сейчас в Баку и в других городах. Мне уже товарищ Абдул Рахман доложил, что в южных районах республики националистами от управления отстранены представители местных органов власти. Как говорится, товарищи, это ни в коем случае недопустимо; нам надлежит принять действенные меры для наведения порядка и обуздания местных националистически настроенных элементов. Об этом нас просит также и руководство республики. Вот, пожалуйста, послушайте сами, – и, обращаясь к Абдул Рахману, передал ему слово.

Из динамиков потекла речь Абдул Рахмана:

– Товарищ Генеральный секретарь и председатель Президиума Верховного Совета СССР, азербайджанские коммунисты, будучи верными заветам Ильича и лично вашим указаниям, сделают все, чтобы восстановить порядок в республике. Мы ни перед чем не остановимся. Мы направили в южные районы республики имеющиеся силы МВД, однако нам нужна помощь и поддержка ваша. Здесь со мной находятся председатель Совета министров и председатель Верховного Совета республики, они готовы подтвердить мои слова. Вот, пожалуйста, послушайте, что скажет товарищ Талибов.

Возникла долгая, даже можно сказать неприличная пауза, и наконец Талибов выдал из себя:

– Мне добавить нечего, товарищ первый секретарь высказал свое видение событий.

И далее Абдул Рахман дал слово Кафировой. Та очень поспешно выпалила:

– Товарищ Генеральный секретарь, у нас нет националистов, а там собрались кучка наркоманов и пьяниц.

Мы сохраним советскую власть в Азербайджане, и с вашей помощью, и под руководством вашим будем идти вперед!

Снова продолжил Абдул Рахман:

– Товарищи, нами очень много сделано для стабилизации ситуации в республике, однако для восстановления полного порядка нам необходима помощь центра.

Горлачев, обращаясь к присутствующим, сказал:

– Как видите, товарищи, руководители республики поддерживают меня в вопросах ввода войск в Баку и объявления там чрезвычайного положения. Я думаю, нам следует направить в Баку наших товарищей для оказания помощи местному руководству. Что вы скажете, товарищ Абдул Рахман? – заключил он.

– Да, товарищ Генеральный секретарь, в такую трудную минуту помощь центрального комитета КПСС нам необходима.

– Хорошо, мы рассмотрим кандидатуру товарищей, определимся, и сегодня же они прибудут ближайшим авиарейсом. После окончательного решения вопроса я лично позвоню вам.

– Спасибо, товарищ Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, мы будем ждать представителей центрального аппарата.

В голосе Абдул Рахмана были слышны нотки гордости и самодовольства.

– Теперь, я думаю, с вами согласовали все вопросы, поэтому больше не буду отнимать у вас время. Работайте по своему плану, а у нас тоже есть вопросы, как говорится, местного значения, – и отключил связь. Обращаясь к присутствующим, сказал: – Думаю, сейчас ни у кого из вас не осталось сомнений относительно ввода войск в Баку.

– Кого вы намерены направить в Баку? – спросил Яздаев.

– Товарищей Пермякова и Гуренко. Думаю, справятся с поставленной задачей, оба длительное время служили в разведке, хорошо знают восток, потому как

по специальности востоковеды, оба являются членами ЦК и академиками.

– Достойные кандидаты, обоих лично знаю, – сказал Яздаев и больше вопросов не задавал.

– Как вообще мы войдем в город? Какая задача ставится перед нами? – спросил Бекетов.

Крюков попросил слово:

– Можно, я отвечу товарищу министру внутренних дел?

– Пожалуйста, конечно, – сказал Горлачев.

Потому как давняя негласная война, существующая между КГБ и МВД, проявлялась везде, всюду и на всех уровнях, Крюков решил не упустить шанса поддеть Бекетова.

– Товарищ министр внутренних дел, всем нам ясно описали ситуацию в этой республике, и нам не следует церемониться. Я лично думаю, что руководство республики давно потеряло контроль над ситуацией, и нам придется приложить максимум усилий для восстановления порядка и законности – в этом и заключается наша задача.

– Товарищ председатель КГБ, я все это понимаю не хуже вас, можете быть уверены; суть моего вопроса в том, какие средства мы можем применять при вводе войск. Не будешь же стрелять по безоружным людям!

– Кто вам сказал, что там безоружные люди? У нас есть сведения, что они вооружены.

– У нас таких сведений нет. Потом, хотелось бы знать, каков порядок ввода войск.

На этот вопрос Бекетова ответил Горлачев:

– Думаю, вы тут, три министра, согласуете все вопросы со своими штабами, а после разработаете общий план и будете руководствоваться им. Пока же у нас ничего нет, так ведь?

– Хорошо, все это понятно. От кого и когда мы получим приказ на ввод войск? Не от Крюкова же, – сказал Бекетов, не скрывая свое недовольство.

– Конечно, нет, приказ вам поступит не от Крюкова. Общее руководство операцией возлагается на Министерство

обороны, оно разработает всю операцию и будет осуществлять согласно разработанному плану, а ему команда поступит от республиканского руководства. Я же не могу, понимаешь ли, сидя в Москве видеть, что происходит в Адзербеджане. Я сейчас позвоню и извещу об этом товарища Абдул Рахмана.

– А ему, соответственно, подскажут товарищи Пермяков и Гуренко, я правильно понимаю?

– Да, можно и так сказать, но они сначала изучат обстановку в городе. Я считаю, что войска придется вводить, – сказав это, Горлачев снова включил связь с Баку: – Товарищ Абдул Рахман, ЦК верит лично вам и руководству республики в целом. Мы определились, кто прибудет сегодня туда, на месте с ними изучите обстановку еще раз и примите решение о вводе войск. С этой минуты принимать это решение вправе только вы. Как только посчитаете необходимым – позвоните товарищу Яздаеву напрямую и дайте ему команду.

При последней фразе Яздаев поднял тяжелую голову и посмотрел на него, и взгляд этот означал: «Ты говори, но не заговаривайся». Горлачев все понял и улыбаясь поднял левую руку вверх, успокаивая его и давая понять, что надо же чем-то подзадорить дурачка на другом конце провода, и он был прав.

Когда Абдул Рахман поблагодарил Горлачева и сказал, что тот может быть уверенным в нем. Всем показалось, что сейчас он самолично вывалится из динамика, все еле сдержали смех.

После этого Горлачев отключил от прямой линии Баку и, обращаясь к присутствующим, сказал:

– Товарищи, я думаю, наше решение наиболее правильное; мы верно поступаем, возлагая ответственность за все возможные последствия ввода войск на местное руководство. Однако хочу отметить, что нужно будет действовать решительно и жестко. Я вам хочу сказать, товарищи, что в Адзербеджане действуют такие же боевики,

как в Афганистане, поэтому нужно быть решительными и пресекать любые случайности. Конечно, не могу не отметить особую миссию товарищей Пермякова и Гуренко. От вас, товарищи, требуется правильно анализировать ситуацию на месте и своевременно информировать нас, то есть центр. У меня, честно говоря, нет особого доверия ни к адзербеджанцам, ни к грузинам. Вы не забыли апрель прошлого года. Там наша реальная поддержка – только армяне. Я это говорю неспроста: много работал с ними, будучи первым секретарем Стародольского обкома КПСС; надежные люди, и потом, они исторически доказали нам свою верность. Более двухсот лет они находятся в составе России, скажите, было хотя бы одно антироссийское армянское выступление? Не было, а в Адзербеджане постоянно были, годами воевали против России, я примеров не буду приводить, вы сами их прекрасно знаете; поэтому, думаю, нам надо оказывать поддержку армянам. Мы не можем допустить, чтобы адзербеджанцы и в двадцатом веке начали войну против нас, как было в прошлом веке. Вы же знаете, товарищи, десятилетиями воевали. Мы ни в коем разе не позволим повторения этих безобразий. У меня все. Пожалуйста, у кого есть какие предложения, вопросы, говорите, давайте обсудим вместе.

После Горлачева выступили все министры силовых ведомств и доложили о готовности ввода войск в Баку, сказали, что ждут только команды. Команда поступила через несколько дней после прибытия Пермякова и Гуренко в Баку. Формально якобы решение приняло местное руководство, но они уже осознавали свою ничтожность для центра, делали все по указке эмиссаров из Москвы. За неделю, даже раньше, войска были стянуты к городу и ждали в полной готовности, а в ночь на двадцатое января тысяча девятьсот девяностого года двинулись в город, чтобы пролить кровь ни в чем не повинных людей.

Горлачев мстил, как он всегда произносил с ненавистью и презрением, «адзербеджанцам» в угоду своим армянским друзьям, а в свое время покровителям и держателям, ведь ничего удивительного: долги нужно возвращать. Еще работая в Стародольском обкоме, задолжал слишком много, в том числе был обязан армянам за блестящий карьерный рост и с этим же были связаны его встречи при зарубежных поездках с представителями армянской диаспоры, где от них получал щедрые подарки.

Видимо, так же решался вопрос в 1956 году о вводе войск в Венгрию, в 1961 году о строительстве Берлинской стены, в 1962 году о расстреле в Новочеркасске, в 1968 году о вводе войск в Чехословакию, в 1979 году – в Афганистан. Множество бесчеловечных решений не назвали, указали навскидку то, что пришло на память.

А разве не так решался вопрос в начале века, когда молодая, новая Россия (никакой иронии: тогда она могла, действительно, идти другим путем) направляла вездесущую одиннадцатую Красную армию на захват новых государственных образований? Правда, с Польшей вышла осечка, а Финляндия была обещана вождю за комфортабельный поезд при пересечении границы. Имперский инстинкт самосохранения шел впереди и прокладывал путь «народно-освободительной» революции.

Беда в том, что и после Баку были и будут страны и города, куда будут вводить войска, чтобы пролить кровь, только состав круга, принимающий такое решение, будет меняться, потому что неизменно самое главное – агрессивная сущность империи.

Глава шестидесят шестая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ

После этих слов Ахмедов встал из-за стола и направился к выходу. Алисой проводил его до дверей, на прощание протянул руку и сказал:

– Спасибо вам огромное, я сделаю все, что в моих силах, так, как посоветовали вы.

Оставшись один, стал обдумывать происходящее с другого угла зрения и в полной мере осознал глубину допущенных за последние дни ошибок. На всех собраниях руководство НФ говорило обо всем, только не о возможных провокациях, подобно сумгаитским. Все оказались под влиянием тех парламентских разбирательств, которые происходили сразу после событий в Тбилиси, и успокоились, что войска при любых обстоятельствах не введут, а если так, то и не будет необходимости в организации провокаций. Не прошло и двух часов, как начали собираться руководители оппозиционных организаций. Дело в том, что к этому времени в республике образовалось много организаций и партий, не имеющих официального статуса, но, учитывая ситуацию, выступали под единым знаменем – под руководством Народного фронта Азербайджана.

Когда все собрались, заседание продолжило свою работу. Слова Ахмедова встревожили Алисою достаточно глубоко, и потому сразу же начал с этого вопроса. После

долгих споров решили вернуться к вопросу на следующий день. Время работало против лидеров Народного фронта, и еще они сами откладывали важнейшие вопросы. На следующий день, то есть тринадцатого января 1990 года, к полудню приняли решение о создании дружин для предотвращения возможных погромов. Но это было только решение на бумаге, а в реальности ничего не было. Почему не учитывали, что взбудоражить толпу не составит никакого труда для тех, кто посвятил этому всю свою жизнь? Почему не учили, что из более чем двухсот тысяч беженцев из Армении значительная часть находилась в Баку и больше года жила в бесчеловечных условиях? Почему не учили, что у людей из памяти никогда не вытравится то, как с ними обошлись армянские националисты? Они никогда не забудут, как изгоняли их из родных очагов и как год назад, в декабрьские морозные дни, пробирались через горные перевалы в Азербайджан и пришли ни с чем. Забудет ли кто, как нес на руках своих обмороженных детей?!

К вечеру тринадцатого числа все вопросы наконец согласовали и разработали структуры дружин, к формированию которых должны были приступить на следующий день. Однако было уже поздно. Начались погромы. Ничего нового не было, приемы применялись уже отработанные: в разных местах города в толпе, как выросшие из земли, появлялись люди, одетые по вкусу, и начинали говорить о том, «почему армяне должны жить в теплых квартирах в то время, когда наши беженцы из Армении не имеют крыши над головой; мы обязаны устранить эту несправедливость». Раздавали адреса проживания армян. Немного пройдя с толпой, эти люди как будто растворялись. Чтобы остановить эту массу, нужны были большие силы, а их не было; войска же МВД, как и немногим более года назад в Сумгаите, выступали как наблюдатели, ни во что не вмешиваясь.

С получением известий о погромах, руководство Народного фронта Азербайджана начало форсировать

мероприятия по созданию дружин, но было поздно: погромы шли полным ходом. Дружинникам удалось взять ситуацию под полный контроль только к семнадцатому числу. Погромы удалось остановить, однако вся пропагандистская машина уже была запущена. Центральное телевидение освещало события, происходящие в Баку, возлагая всю вину на «националистов из Народного фронта» и ни словом не упоминая бездействующие подразделения войск МВД. Нисколько не оправдывая эти события, нужно отметить одно: если бы пресса так же подробно за год до этого освещала бы изгнание азербайджанцев из Армении, эти события не произошли бы в Баку в январе 1990 года. Однако у них была своя задача.

Параллельно происходило еще одно немаловажное событие, которое стало одним из важных составных элементов пропаганды и было использовано впоследствии. Командованием воинских частей, дислоцированных в Баку, был организован выезд членов семей офицерского состава. Демонстрируя кадры прибытия членов семей военных, журналисты центрального телевидения из Москвы захлеб рассказывали о бесчинствах азербайджанских националистов по отношению к русским. Да, никто не отрицает армянские погромы в Баку в 1990 году, организованные спецслужбами из центра при содействии республиканских отделений под руководством эмиссаров из Москвы при молчаливом согласии и содействии местного руководства, но не было никаких насильственных действий по отношению к русским. Это имеет очень простое объяснение. Дело в том, что главной движущей силой погромов были азербайджанцы, насильственно изгнанные из Армении, потерявшие не только все свое имущество, но многие – родных и близких. Это были те, на глазах которых их детей загнали в огромную трубу, заварили с двух концов и развели костер по периметру, проще говоря, сожгли их живьем в Спитаке и Ленинакане, незадолго до землетрясения. Это были те, на глазах

которых вспарывали беременным женщинам животы и плоть выбрасывали собакам. Это были те отцы, сыновья и братья, на глазах которых насильовали их жен, матерей, дочерей и сестер, и которые после этого злодеяния не мешали женам, матерям, дочерям и сестрам совершить суицид. Но они же были свидетелями другого события: вместе с ними бежали из Армении живущие там молokane, которые для них были теми же русскими, а как известно, братья по несчастью друг друга не обижают. Известно немало фактов, когда оказавшись в яме – ловушке, волк не трогает угодившего туда же другого зверя, потенциальную добычу. Легко, очень легко привести в движение силу ненависти, злобы и, наконец, жажды мести и получить реальный и желаемый результат, что и осуществили – мастерски, виртуозно – величайшие провокаторы своего времени: Пермяков и Гуренко.

Эти дни были нелегкими и для нашего героя, не оттого, что было у него много работы, нет; оттого, что все понимал, а ничего не мог поделать. Накануне, то есть девятнадцатого января, к нему случайно заехал двоюродной брат Наиб и поделился репортажем, увиденным в программе «Время». Репортаж был о том, как в Москву прибывают русские беженцы из Баку. Они были еще с детства не только братьями, но и надежными друзьями и всегда делились своими сомнениями в волнующих вопросах. После недолгой беседы об общих вопросах брат его спросил:

– Слушай, ты как-никак прослужил почти десять лет. Что все это значит?

– Вся эта свистопляска только для ввода войск в Баку. Эмиссары уже здесь, пограничники получили задание дать зеленый свет провокациям, где сносят пограничные столбы. Знаешь, что такое граница? Это то место, куда нельзя подходить постороннему человеку на определенное расстояние, подойдешь – получишь пулю в лоб. А здесь – пожалуйста, иди куда хочешь. Они соблазняют

народ, чтобы было как можно больше нарушений. Понимаешь, как они назовут эти захваты зданий райкомов, изгнание этих дармоедов оттуда? Государственный переворот. Нельзя всего этого делать. Ты знаешь кого из руководителей-народников, нет?

– Так, наших некоторых сумгаитских, а что?

– Надо, чтобы вышли на самые верхи и убедили их в том, чтобы людей и эти комичные баррикады убрали из города: войска войдут все равно, только люди могут погибнуть зря.

– Ну ты завернул, это невозможно и бесполезно.

– Слушай: сегодня пятница. Вероятнее всего, произойдет всё в эту ночь, в крайнем случае завтра. Если нет, тогда еще есть неделя. Они такие вещи делают, как правило, в выходные.

– А ты говоришь это не оттого, что обидно за своих коммунистов?

– Нет, за своих коммунистов, – о выходе нашего героя из партии никто не знал, – мне не обидно, они делают свое дело. Только что будет, когда войска войдут, не знаю.

Глава шестидесят седьмая

КРУГОМ МИТИНГУЮТ, КРУГОМ БАРРИКАДЫ

После ухода брата Реван вышел из дома и направился к митингующим. Митинги шли всюду, по всему городу; не нужно было собираться на центральной площади, и не уместились бы. Поэтому лидеры Народного фронта перемещались с места на место и выступали перед толпой. Он остановился возле памятника Одиннадцатой Красной армии, что на Тбилисском проспекте, и присоединился к толпе. Все дороги, проезды были заблокированы легковыми и грузовыми машинами. Свободны были две полосы: в сторону Сумгаита и со стороны Сумгаита – для проезда общественного транспорта.

Шел митинг, с кузова грузовика выступал какой-то оратор (увидев его, подумал: «Ленин объявился новый»), который поздравлял собравшихся с новыми достижениями в сносе пограничных столбов и изгнании работников райкомов и исполкомов. Говорил о том, что там, где изгнали райкомовцев, власть перешла в руки Народного фронта. Ему без труда удалось выяснить, что выступающий является одним из ближайших соратников Абульфата Алисоа, и он решил воспользоваться ситуацией, то есть попытаться поговорить с ним и поделиться своими соображениями, чтобы донесли их до лидера. Когда он подошел к машине, из толпы вышли несколько ребят спортивного телосложения и преградили ему путь. Один из них, видимо, старший группы, спросил:

– Что вам нужно? Может, что-то хотите сказать с трибуны?
– Нет, с трибуны ничего не хочу говорить, а вот с товарищем хотел бы пообщаться наедине; хочу поделиться кое-какими соображениями.

– Скажите нам, передадим обязательно, можете быть уверены.

– Такие вещи говорят лично, чтобы быть правильно понятым, а так через вторые или третьи руки точность мысли теряется.

– Не бойся, не потеряется; говори нам, передадим.

Перешли на «ты», и в достаточно грубой форме, потому наш герой решил больше не продолжать словесную перебранку и с миром завершить общение.

– Ладно. Вы же здесь будете еще примерно полчаса? Я лучше напишу все и отдам в письменном виде.

– Можешь в письменном виде передать, здесь еще будем.

Ушел от молодых ребят и все думал: почему люди так меняются от чувства обладания властью? Что за опьяняющая субстанция – ощущение силы власти? Это, наверное, существует самостоятельно, независимо от человека. Она вселяется в человека как дух, постепенно охватывает всю его сущность и после подчиняет его себе полностью. Как это вселение происходит: путем дыхания, с пищей? Нет, скорее всего, с водой, потому что человек не чувствует, как она вселяется в него. Что же будет с этими молодыми ребятами, скажем условно, завтра, когда им в руки попадет власть? Будут делить ее, как Шура Балаганов и Михаил Паниковский? Не сумев договориться, начнут так же, как те, драться между собой, потому как цель всей этой борьбы отойдет на второй план или, точнее, превратится в средство получения власти.

В реальности не помнил уже, который раз ходил от автовокзала до памятника Одиннадцатой Красной армии, и зачем это делал, сам не понимал. Всюду на этом участке наблюдал одну и ту же картину. Глядя на ворота Сальянских казарм, заблокированных легковушками,

с горечью думал: «Почему они не понимают, что этими „Жигулями“ танки не остановить будет?» Подошел к одной группе и открытым текстом предложил расходиться, потому как нет смысла в этих кажущихся блокадах: если войска получают приказ, то непременно войдут, только легко раздавят танками машины и проедут, могут погибнуть люди. Сам был искренно убежден, что войска войдут в город, применения оружия не будет, возможны рукопашные стычки (Тбилисский синдром давал о себе знать), и при этом будут жертвы, которых нужно избегать; и в своих разговорах с людьми исходил из этих убеждений. Люди, с которыми разговаривал, называли его провокатором, и один даже предложил сдать его активистам Народного фронта. Заступился за него мужчина достаточно зрелого возраста и порицал ярых разоблачителей за их чрезмерное усердие.

В такой ситуации недолго и нарваться на «своих», а они наверняка есть и работают конкретно против провокаторов. Им как раз ничего не стоит «вычислить» его, и тогда пиши пропало. Надо быть начеку.

Если описать окружающую картину, то она была абсолютно мирная. Местами были разведены костры, возле которых люди толпились и разговаривали, кое-где жарили шашлыки, где -- из мяса, а где – из колбас. Местами были столики и... И на них стояли телевизоры.

Самочувствие у него было неважное еще с утра. Немного полегчало, когда приходил брат, а когда пошел провожать его, недомогание усилилось, однако значения этому не придавал, и пока был занят, как ему сказали, «контрпропагандой», практически ничего не чувствовал. Когда уже махнул рукой на все и сам себе сказал: «Будь что будет, стой со всеми – получишь по спине лопатой; что же, значит, так надо», утреннее недомогание дало о себе знать: озноб так усилился, что, как говорят в народе, «зуб на зуб не попадал», начались сильные головокружения, все вокруг стало плыть и вращаться. Еле

держался на ногах, тупо смотрел в телевизор: выступал какой-то политический обозреватель, но до него смысл его слов не доходил. Что-то начал соображать, когда погас экран. Начался шум местного значения из-за телевизора, но тут же стало ясно, что у «соседей» тоже выключился. Начали разбираться, что к чему, но так и ни к чему не пришли.

Вдруг ему показалось, что здание рядом с выходом из метро падает на него. Пытался отойти, споткнулся обо что-то, и в момент падения его подхватили двое молодых ребят. Выяснили, что к чему, и один предложил проводить до дома, предварительно спросив, где он живет. Все понимал и отчетливо осознавал, на вопросы отвечал адекватно, только ему казалось, что вокруг все плавает и кружится. Дошли до станции метро «Аджеми», остановились. Головокружение уменьшилось, поблагодарил ребят и сказал, что дальше пойдет сам.

При прощании напоследок попросил их расходиться и добавил, что телевизор отключили, скорее всего, военные. Когда пришел домой, убедился в своем прогнозе: телевизор не работал ни у кого из соседей. Лег на диван, чтобы немного прийти в себя, и начал прокручивать все дневные события. Вспомнил разговор с теми молодыми людьми, которые прозвали его провокатором. «О господи, как же так? Почему они не подумали о возможных провокациях при вводе войск, ведь это приведет к массовым убийствам!» Мысли были беспорядочные, что-то продумывал и тут же сам себя опровергал. «Как они могли подумать о провокаторах, если вообще отвергают возможность ввода войск? Проклятие! А почему ты не подумал об этом, почему не кричал во все горло, чтобы убедить их? Надо немедленно вернуться и сказать об этом; скоро, совсем скоро будет поздно». Попытался подняться – не получилось, голова сильно кружилась. «Ладно, полежу немного, и надо туда вернуться во чтобы то ни стало».

Проснулся от звуков выстрелов; сразу не смог понять, что происходит, затем сообразил и произнес только: «Вошли!» Автоматные и пулеметные очереди напоминали военное кино. Вскоре показались и первые танки. Он наблюдал за всем этим, стоя на балконе. Конечно, был риск попасть под шальную пулю, понимал это прекрасно, но с балкона долго не уходил; потом все-таки зашел в комнату.

Глава шестидесят восьмая

КРОВАВОЕ УТРО

Реван так и просидел всю ночь. Интенсивность стрельбы постепенно уменьшалась, и где-то около пяти-шести утра почти прекратилась. «Оккупировали», – подумал. Понимал опасность появления на улице: одно лишнее движение – и можно получить пулю. После некоторых колебаний («Я не лучше других, пуля так пуля»), вышел на улицу и направился в сторону Сальянских казарм.

Уже начинало светать, и как таковой опасности быть расстрелянным на месте не было. Вышел к памятнику Одиннадцатой Красной армии, некогда принесшей «свободу» азербайджанскому народу. Все дороги были забиты искореженными, раздавленными легковыми автомобилями и опрокинутыми грузовиками – было ясно, что танки проезжали, сметая на своем пути все и вся. Народу было много, будто и не расходились. Картина была жуткая, всюду была видна кровь. Кто-то успел «переименовать» станцию метро: кровью на козырьке входа, на облицовке из белого мрамора, было написано «Кровавая площадь». Впоследствии станцию переименовали в «Двадцатое января» – жаль, может, было бы правильнее оставить то название, которое нанес неизвестный участник событий.

От станции метро в сторону Сальянских казарм расстояние небольшое, и, пройдя это расстояние, он увидел жуткую картину. По обочине дороги то там, то тут

лежали трупы, а самая жуткая картина открылась напротив казарм. На небольшой возвышенности лежали трупы, он насчитал двенадцать; там же лежала левая рука, оторванная чуть выше локтя, может, даже от локтя, отметить точнее невозможно было; кроме того, какой-то молодой человек держал в руке два паспорта, говорил, что нашел их у ворот казарм, добавил, что трупы там. Однако трупов не было: люди были раздавлены, валялись внутренние органы, почки и, наверное, сердце, также обрывки кишок.

В этом районе расположенных на небольшом расстоянии друг от друга точек, где были сложены по десять-пятнадцать трупов молодых, ни в чем не повинных людей, было три. Называли еще другие места, где было еще больше трупов, со стороны Баиля и Аэропортовской трассы. Позже назвали число погибших – сто тридцать семь человек. Он так и не поверил этому числу. А как можно было поверить, если в одном пятачке было больше сорока трупов? И там-то он не все места обошел: просто не хватило сил физически или, скорее всего, духа. Не мог ходить, ноги стали подкашиваться, не мог ни с кем ни о чем разговаривать; стоял вместе со всеми и слушал очевидцев, которые за одну ночь пережили кошмар всей жизни. Рассказывали подробности произошедшего. Самым невероятным было то, что говорили о спецмашинах, другими словами, о передвижных крематориях, в которые собирали трупы и сжигали.

О чем бы ни говорил и ни думал, не мог забыть оторванную левую руку и, конечно же, трупы... Трупы молодых ребят. Шел, и думал, и читал себе стих:

Украшают поле боя
Молодые трупы!
В последних судорогах
Сжимает
Рукоятку меча
Левая рука,
Отсеченная от плеча!

Пополняют ряды
Несгибаемых бойцов
Суровые взгляды
В одночасье
Поседевших отцов.

Не пугает никого
Грозных танков
Мерзкий рев!
Матери слезами
Смывают
С промерзлого асфальта
Сыновей
Неостывшую кровь!

Пряча глаза,
Всхлипывая,
Плачут девчонки,
Оплакивают свою
Несостоящуюся любовь!

Смешались здесь
Слезы и кровь,
И стекают они
В придорожный ров!

Вскоре узнали о бегстве первого секретаря Компартии республики и эмиссаров из центра. Еще ночью, незадолго до ввода войск, их военным самолетом вывезли в Москву. Был объявлен комендантский час в Баку и других крупных городах. Начались аресты лидеров Народного фронта и наиболее активных представителей интеллигенции. В Азербайджане поменялось направление хода истории. Ожесточенность, проявленная со стороны центра по отношению к Азербайджану, свидетельствовала только об одном: власть сама видела, ощущала всем

своим существом приближающийся крах режима и становилась еще более жестокой, злобной.

Во всех местах, где собирались люди, у всех на устах был один вопрос: «Гасан Алиев сказал что-нибудь, никто не знает?» И сами же отвечали на свой вопрос: «Конечно, наверняка, просто мы ничего не знаем, потому как ничего не работает».

Вскоре люди узнали о том, как реагировал на все эти события Гасан Алиев, из передач зарубежных радиостанций. Узнав о событиях в Баку, тот направился немедленно в представительство Азербайджанской ССР и дал пресс-конференцию, категорически осудив действия центральных властей и лично руководителя Горлачева. Дал всесторонний анализ происходящим событиям. Там же объявил о своем выходе из рядов КПСС. У народа родилась надежда на его возвращение, потому как предстоящие трудности осознавали все, однако никто не представлял, как можно будет выбраться из них.

Прошло два-три дня, и в Москве состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, куда были приглашены три члена республиканского ЦК. Председатель Совета министров Талибов был назначен руководителем республиканской парторганизации. Народ был недоволен, потому как его тоже считали одним из организаторов ввода войск. Конечно, главным виновником трагедии был первый секретарь ЦК Компартии республики Абдул Рахман, однако молчаливое согласие Талибова тоже, видимо, имело значение.

В эти же дни начались похороны невинно убиенных. Решено было похоронить их в Нагорном парке. История повторяется, говорят. Дело в том, что в 1918 году там были похоронены солдаты турецкой и азербайджанской армий, погибшие за освобождение Баку от дашнаков и большевиков.

Позже, в годы советской власти, там организовали городской парк развлечений и поставили памятник

Кирову. Все империи во все времена действовали одинаково: возводили на пьедестал покорителя и покоренных заставляли чтить своего завоевателя.

Но время не прощает забывчивости, само запоминает все, что происходит, и наблюдает за поведением людей. Если те забывают прошедшее время, тогда события повторяются с еще большей жестокостью. Что такое время, как можно его определить и характеризовать? Не вдаваясь в физическую сущность этого явления, можно характеризовать его как цепь последовательных событий. Когда человек оглядывается назад, он вспоминает последовательность событий, ибо в этой цепочке событий живет время. Если говорить простым языком, со временем не шутят, время нельзя отрицать, и самое тяжкое – время, то есть цепь событий, нельзя исказить. Время мстит. Оно и отомстило азербайджанскому народу за забывчивость. У него одно требование к последующим поколениям: помнить его объективно, каким оно было. Время мстит также реваншистам; другими словами, создающие время события, какими бы они горькими не были, не могут служить основанием для новых кровопролитий. Оно требует, чтобы его знали и не повторяли ошибок. Мы не можем вернуться в прошлое и изменить составную часть времени, то есть события. Нам можно только идти вперед и создавать новое прошлое. Странно звучит, но не торопитесь, ничего странного, ибо каждое мгновение, не успев родиться, превращается в прошлое, и выходит, что прошлое существует только в цельном виде. Наше настоящее – это мгновение, тут же переходящее в прошлое. А наше будущее – это некий пустой сосуд, который мы, наполняя событиями, превращаем во время. Пустой сосуд становится временем только после наполнения, и какими событиями мы будем наполнять его, зависит только от нас и будет являться оценкой нам.

Все это время наш герой ходил и собирал материалы для подробного описания происходивших событий.

Митинги и другие формы протеста были, конечно, запрещены, но люди не молчали, везде говорили о ситуации в городе и республике. Каждый день записывал услышанное, обобщал и вносил в окончательный текст письма. Работал над этим около месяца. Окончательный вариант занял около пятнадцати страниц машинописного текста. Распечатав во множестве экземпляров, разослал их всем близким знакомым по разным городам, от Прибалтики до Владивостока.

Когда отправлял свои записи по разным адресам, в том числе и другу Толе Рещенко, хотел только одного – oznакомить как можно больше людей с реальной ситуацией.

Толику написал короткое письмо, вложил один экземпляр записей, отослал ему и вскоре получил ответ, который для него оказался неожиданным. Думал о разных вариантах, но никак не рассчитывал на такой со стороны друга. Когда прочитал письмо, в первое время ходил сам не свой, не мог понять, что же хотел сказать друг, обвиняя его во всех тяжких грехах, и не было даже желания писать. Перечитал письмо несколько раз и наконец дошел до сути мыслей друга. Ведь не зря говорят: «Во всем нужно терпение и терпимость». Друг был верен своим принципам, как всегда говорил то, что думал, как было все эти годы дружбы.

Отдельная глава 3

МОСКВА, ПЛОЩАДЬ ДЗЕРЖИНСКОГО

Возможно, это событие имело место, возможно, нет. Возможно, все было так, а возможно, и не так.

Генерал Жданович недавно занял эту должность, и ему важно было показать всем, что его назначение было самым верным решением руководства Комитета. События калейдоскопом сменяли друг друга с такой быстротой, что не успевали толком их обрабатывать. Конечно, он сам понимал, что самые важные из последних событий – это те, которые произошли в Азербайджане вообще и в Баку в частности. Об аресте лидеров Народного фронта ему доложили сразу из Баку. Руководили операцией специалисты центрального аппарата, прибывшие в город еще в ноябре-декабре, а осуществили, конечно, местные. Была дана команда о срочной доставке арестованных в Москву.

Время давно перевалило за полночь, но он все еще находился на месте и ждал доклада. Из-за погодных условий вылет военного спецборта задержался, но теперь все вроде входило в русло. С минуты на минуту самолет должен был совершить посадку, и это его успокаивало.

Встал с места, начал ходить по кабинету из конца в конец и обдумывать дальнейшие планы. «Как с ними работать? Ведь многое в дальнейшем будет зависеть

от того, как мы построим с этими арестантами свои отношения, если хочешь знать – отношения между Россией и Азербайджаном».

Прозвенел телефон, и ему доложили об успешном проведении операции и доставке арестованных к месту. Этот третий по счету звонок был решающим и важным. Первые два звонка были из Баку, когда передали, что «птицы уже в клетке», и вторым предупредили, чтобы «встретил гостей из теплых краев». «Все, теперь можно и домой поехать, отдохнуть, а завтра, точнее, уже сегодня, соберу товарищей, и посоветуемся», – подумал он и велел помощнику вызвать машину, также велел ему к двенадцати часам дня пригласить полковника Гарибяна и к часу – полковника Королева.

В половине одиннадцатого уже был в своем кабинете, ознакомился с досье на доставленных ночью в Москву активистов Народного фронта Азербайджана. Конечно, это было беглое ознакомление с содержанием имеющихся документов, чтобы иметь представление о предмете предстоящего разговора с подчиненными, доскональное же изучение всех материалов на каждого из них еще предстояло. «Да, занятные кадры», – подумал про себя, и в это время, спросив разрешения, но не дождавшись его, вошел в кабинет полковник Гарибян.

– Заходите, Артем Арсенович, присаживайтесь.

Сам тоже встал и сел напротив. Жданович прекрасно понимал, как будет реагировать Гарибян, хотя бы по причине национальной принадлежности, но делал это специально, потому что знал и о симпатии Королева к азербайджанцам и любви к Баку, поскольку родился и вырос там. Для полноты картины ему нужен был контраст мнений.

– Судя по вашему виду, товарищ генерал, вопрос серьезный?

– Да, более чем. Вы же в курсе, что мы, то есть наше управление, занимаемся делом активистов Азербайджанского Народного фронта.

– Первый раз слышу от вас. И с каких пор отдел политического анализа стал заниматься уголовниками, точнее, организаторами погромов и убийств невинных граждан, сначала в Сумгаите и совсем недавно в Баку?

– Артем Арсенович, вы не кипятитесь. Спокойно обдумайте и расскажите мне об Азербайджане и, конечно, об азербайджанцах, что за республика и что за народ там проживает. Поймите, это очень важно, и, зная вашу честность и объективность, я думаю, поступаю верно, полагаясь на вас. О событиях в Сумгаите и Баку я знаю не понаслышке; мне нужна общая картина о народе, и тогда сам дойду до причин тех событий. Нравится нам или нет, это дело будем вести мы. Мне очень важно ваше мнение как уроженца Баку для общего понимания ситуации, поэтому говорите, что думаете.

– Товарищ генерал, Азербайджана как такового в истории не было, его создали в начале века в пику Ирану, чтобы показать: у вас, у двадцати пяти миллионов азербайджанцев, нет республики, а у нас есть; а также миру, что есть права у малочисленных народов.

– Хм... Интересно, я и не знал, что в Иране их столько живет, теперь становится немного яснее. А скажите, пожалуйста, на момент образования Армянской и Азербайджанской ССР, какая была численность населения в этих республиках? Потому как вы говорили о малочисленных народах. – Жданович все прекрасно знал, но ему нужны были хоть какие-нибудь контраргументы против Королева. – Я думаю, немного не точен такой подход к вопросу, потому как в то время в Армении население было еще меньше и частично состояло тоже из азербайджанцев. Потом, нам не нужна история в данный момент, что и как было – неважно. Расскажите лучше о народе.

– Там живут десятки народов, и все себя идентифицируют как азербайджанцев, и единственными, кто выступил против этого шовинизма, стали армяне. Потому они и начали уничтожать армян. Что касается их характера,

то все как один – подонки, торгаши. Смотреть противно: во всех городах, на всех рынках они, только бы обвешивать и обманывать людей! Родную мать положат на весы и глазом не моргнут.

– Как у них с чувством самосознания? В смысле, имеет ли место национализм?

– Они националисты, шовинисты, ненавидят всех, а русских и армян особенно.

– Это ясно, мы же видели совсем недавно – неделя не прошла – и беженцев, и погромы. Вы можете как армянин объяснить причины их нетерпимости к вам? К нам, русским, тоже отношение разное у разных народов. Раскройте, пожалуйста, мне суть антагонизма между этими двумя народами, откуда идут корни?

– Дело в том, что мы – цивилизованный передовой народ, а они – кочевники. Мы одним из первых приняли христианство, а они были язычниками, пока арабы не пришли и не навязали им ислам. Это мое мнение.

Жданович понял бессмысленность дальнейшего продолжения разговора, поскольку видно было что Гарибяном движет сила злобы и ненависти, потому и решил прервать монолог Гарибяна, поблагодарил его и отпустил.

Когда собеседник ушел, снова начал просматривать досье арестованных, в ожидании Королева время еще позволяло. «Посмотрим, с кем же мы имеем дело», – и начал читать папки: «Газаев – кандидат физико-математических наук», «Манидов – кандидат исторических наук», «Гамбитов – инженер, член КПСС», «Гасанов – директор завода», «Намитов – рабочий из завода нефтяного машиностроения». «Как же с вами быть, господа? Какого черта полезли в эту игру, нажили себе и мне головную боль?! Занимались бы тем, чем занимались эти годы. Мне еще предстоит познакомиться с вами, и вот потому я сейчас ломаю голову. Неспроста вас подбросили к нам; ну что же, будем работать, проживем – увидим».

В это время открылась дверь, и вошел полковник Королев.

– Что за официоз, Саша? Не первый день знаем друг друга; ладно, понимаю, не хочешь сам заходить, позвонить не можешь, что ли? Через помощника, да к тому же с назначением времени приглашаешь. Время без одной минуты, не рано ли я зашел?

– Ладно, не ерничай, просто устал и при выходе из кабинета решил посоветоваться, к тому же Гарибьяна тоже вызывал, а с ним, сам понимаешь, по такому вопросу просто и легко не поговоришь. Вообще-то сейчас уже время обеда, давай пойдем на обед, а потом нормально поговорим.

– Согласен, пошли на обед тогда.

Вскоре оказались в ресторане «Прага», сели в самый дальний угол. Просматривая меню, Жданович сказал:

– Витя, ты, конечно, в курсе, что дело бакинцев передали нам. Как ты думаешь, с чего бы это?

– А ты не знаешь? Можно подумать, такой наивный. Если спрашиваешь – отвечу. Мы должны их завербовать и обеспечить им всем очень хорошую политическую карьеру, а потом, когда они закрепятся на месте, использовать в своих интересах.

– Нет, не наивный и все это понимаю, только по отношению к ним «вербовка» не подходит. Ты пойми меня правильно: они есть лидеры – пусть неформальные, но это еще выше поднимает их статус; к ним нужен особый подход, не знаю какой. Вот и позвал тебя – ты же жил когда-то там.

– Почему жил? Я и сейчас там живу, мать и сестра там, сам был прошлым летом. Что тебя интересует?

– Все: что за народ, характер, обычаи, особенности, отношение к другим народам, – одним словом, меня интересует все об этом народе. Говоришь, прошлым летом был там. Что думали люди о последних событиях? Как относились к лидерам Народного фронта, конкретно к тем, которые сейчас у нас «в гостях»? И самое главное – Алисой, который сейчас, по некоторым сведениям,

в Турции скрывается, сбежал сразу же после событий, я имею в виду ввод войск.

– Коротко о том, который сбежал: это очень хорошо. Держать его в тюрьме – проблемы копить. Он здесь – ты не арестовываешь, тоже не есть правильно, а так – с глаз долой, и можно будет его годами искать. Он где, говоришь, в Турции? А ты скажи – в Иране, и усиленно ищем. На какой черт он тебе нужен?! Что ему предъявишь? Этим тоже нечего предъявить: будь они грамотнее юридически, промолчат, а ты через два месяца и так их отпустишь.

– Как нечего предъявить? А погибшие люди?

– Они что? Стреляли по людям? Насколько я знаю, Горлачев приказал, а Яздаев, Бекетов и наш осуществили. Хочешь это услышать от них – услышишь. Ты сам сказал, кто они есть, так что наши доводы хилые. Ладно, официант идет, закажи что-нибудь.

Жданович сделал заказ, попросил официанта сразу представить счет и продолжил беседу:

– Витя, я все это прекрасно понимаю, потому и спрашиваю: что делать? Там требуют, чтобы мы их сломали и завербовали.

– Ты меня сюда привел – боишься, что подслушают нас, правильно понимаю?

– К сожалению, да.

– Дожили, больше нечего сказать. Ладно, черт с ними. Ты хотел узнать о народе, среди которого я вырос, бегал с их детьми по одним и тем же улочкам? С ними ни в коем случае не пройдет то, что ты сказал. Силой их не сломаешь, что и показали недавние события: против танков пошли с голыми руками. В Баку и вообще в этой республике особая атмосфера, там разные люди живут по национальности, по религии, и много разных показателей, но пропитаны они единым духом. Армяне не в счет: они в лицо всегда улыбаются, а держатся особняком и всегда ненавидели азербайджанцев. Саша, когда звонила мать

после этих событий, рассказала о враче – горском еврее, который тоже погиб в ту ночь. Знаешь, что было у него в кармане? Виза в Израиль. Когда начали расстреливать людей, тот не задумываясь пошел на улицу, чтобы помогать раненым. Всех погибших похоронили, говорят, в Нагорном парке, на отдельном кладбище, там люди разных национальностей. Это я к тому, что за люди там живут. Знаешь, я люблю страну, где родился и вырос, и мне горько, что эти идиоты в верхах сотворили такое зло. Хотел послушать мое мнение – вот, послушай: все эти республики разбегутся, и развалится страна. Честно, я этого не хотел бы, нельзя растаптывать достоинство народа, потому что высокомерие отталкивает. Вам, москвичам, этого не понять, из вас эта чванливость так и выливается.

– Слушай, ты не перегибай. Если бы я был таким, как ты говоришь, не вел бы этот разговор с тобой; потом, я не москвич, пора бы запомнить, сколько лет дружим. Я из Алтая.

– Это и есть лишнее доказательство моим словам. Я думаю, работу с ними надо построить таким образом: работают следователи, разбираются во всем как положено; если в чем-то виноваты – это одно, а если нет – совсем другое. Но я больше чем уверен, что ни в чем не виноваты; потом всех выпустить на свободу и содействовать, чтобы все прошли во властные структуры в республике и в Союзе, – если, конечно, он сохранится, но я сомневаюсь.

– Честно говоря, я тоже уже сомневаюсь в будущем Союза. Наверное, правильно тебя понял: хочешь, чтобы они лоббировали наши интересы.

– Да, именно так.

– И как я эту твою гениальную идею, говорю без иронии, помещу в мозги наших светлых умов? Пойду и скажу, что Союз разваливается, надо делать из них будущих лоббистов РСФСР? В ту же минуту попрут с клеймом на лбу, и к тому же, что будет с федерацией нашей – тоже непонятно.

– Это уже другой разговор. Подумаем, как.

– Ясное дело, что им не предложишь так называемое наше добровольное сотрудничество, это фигня; а вот приглашение о взаимопомощи в продвижении и защите интересов наших республик, думаю, пойдет, и наши светлые умы не додумаются до тонкостей наших мыслей. Наверное, надо объединить их дела в одно, и ты будешь курировать работу следователей. Как тебе идея?

– Вполне нормально, только следователь нужен грамотный, и чтобы был не хам: с ними грубость и хамство не пройдет. Слушай, по-моему, они самого главного нашего лоббиста держат под надзором. Отправили бы его туда, навел там порядок и сделал бы то, что надо России и Азербайджану.

– Имеешь в виду старого волка, Гасана? Нет, не пройдет с ним, тот уже никогда не станет нашим лоббистом, потому что ненавидит Горлачева. Не слышал о его пресс-конференции сразу после событий? Найди в газетах, почитай. Потом, он все равно окажется там, не за горами и это. Знаешь, я думаю, с ними, имею в виду наших гостей, тебе надо будет тоже пообщаться и даже раскрыться, что земляки.

– Само собой; более того, я буду разговаривать с ними на нашем родном языке, на азербайджанском, с бакинским акцентом, с протяжным «да». Только надо их перевести из тюрьмы в нормальные условия жизни, а дальше как договорились. С нашими умниками разбираешься ты, а с земляками – я. Почему ты о Гасане так говоришь, что никогда не будет лоббистом или нашим союзником? Он же гэбэшник до мозгов костей, чуть генсеком не стал в свое время, его кандидатура тоже рассматривалась. Ты знаешь об этом, нет?

– Знаю прекрасно, для зарубежья он был самым вероятным кандидатом, но в последний момент что-то пошло не так, сорвалось. Я был в Баку пару раз, и одно из этих посещений было еще когда он был первым секретарем республики. Тогда еще понял, что за человек.

– Ты посещал, а я жил при нем. Просто интересно, что ты увидел, скажи.

– Он делал Азербайджан самостоятельным по всем направлениям еще в те годы, тащил туда все, что можно, и в первую очередь – передовые технологии. Сколько заводов электронной промышленности построил, филиалы всех заводов военно-промышленного комплекса перетащил туда, один кондиционерный завод чего стоит! Когда мне про все эти новшества рассказывали местные товарищи, я просто восхищался им как руководителем, а теперь восхищаюсь как дальновидным политиком. Витя, он заложил фундамент независимости Азербайджана, ты понимаешь это? Когда разбегутся все наши республики по своим углам, легче всех перенесут это Азербайджан и Украина.

– Все, что ты говоришь, правда: он многое сделал для республики. В отношении «разбегания» республик – ты точно думаешь, что так будет, и наши светлые головы допустят это?

– Не думаю, а вижу; что касается наших светлых голов, то они не хотят этого, но все, что делают, ускоряет этот процесс. Расстрелами мирных людей никого не удержишь. Как говорится в известной пословице: «Насильно мил не будешь». А они хотят не только милыми, но и обожаемыми быть. Не выйдет.

– Вот почему и я говорю, что с этими ребятами нужно работать как с будущими руководителями республики и не пытаться с них брать расписку о вербовке, а подписать соглашение.

– Я понимаю, все дело так и поведу. А Гарибьяна чего вызывал?

– Да ну его, не спрашивай; ты лучше мне расскажи, был ли национализм в Азербайджане, когда ты там учился? Я сколько лет работаю, обо всех республиках слышал, только не об Азербайджане. Откуда вдруг они взялись, да еще столько?

– Конечно был, со мной же в группе учились и азербайджанцы, все было: и разговоры, и возмущения. Но их национализм не носил характера враждебности по отношению к другим народам, более того, все живущие там были единого мнения, за исключением, я уже говорил, армян.

– Не понял. Национализм был, а враждебности не было? Как это понять?

– Слушай: у меня папа был историком, он говорил, что национализм в Азербайджане развивается по Нариманову, то есть требование равных прав всем народам, входящим в Союз. Его же долгое время запрещали, только Гасан Алиев реабилитировал, даже памятник поставили. Еще знаешь, почему ты не слышал о национализме в Азербайджане? Потому что главным националистом был сам Гасан Алиев. Я учился на пятом курсе, когда его назначили председателем КГБ республики в шестьдесят четвертом году. Придя к власти, дал толчок возрождению духа национализма. Никто не замечал, потому что всю республику по всем направлениям держал в своих руках. Знаешь, какой девиз у него был? «В Азербайджане нет национализма». Вот и наши гости выросли и формировались в годы его правления.

– Немного проясняется теперь. Значит, мы на правильном пути. Хорошо, с этими вроде немного ясно. Что скажешь о самом главном?

– Имеешь в виду Алисою? Он из провинции, националист, но при этом не агрессивный, не воинствующий, а умеренный. Он спит и видит независимый и объединенный Азербайджан. Его хорошо знает мой отец, и я знал: в свое время с одним местным старшим опером вели его дело. Как раз в то время его приговорили к двум или трем годам исправительных работ, но Гасан, узнав об этом, велел немедленно освободить, руководствуясь своим принципом об отсутствии национализма. Ты пойми одно: провинция не может взять верх над столицей, а в столице царит совсем другая, особая атмосфера.

– Которую испортили наши умники.
– Чем они думают, невозможно понять. Отталкивают от себя всех, а потом вводят танки. Наступают себе на хвост, при этом кричат: «Больно!»

– Черт с ними, с нашими умниками, давай вернемся к главному. Что еще можешь сказать? Он может стать президентом?

– Может.

– Тогда надо было его взять, а не этих.

– Нет, эти ребята более прогрессивные, с ними больше шансов договориться, а с тем бесполезно, тем более после расстрела людей, можно сказать, в своем доме. Эти вас просто ненавидят, а тот люто ненавидит.

– А ты что себя отделяешь?

– Слушай, я тебе сказал: бакинец я, и болит у меня сердце по всем тем погибшим и раненым, и вообще – по моему любимому городу. Ты скажи мне честно: хочешь их поместить потом в одну банку, чтобы они грызлись между собой, как пауки? Если так, я не участник, подам сегодня рапорт об увольнении.

– Нет, не кипятись, просто надо выразиться по-другому; ты не прав, дело в том, что любой из них может стать во главе Азербайджана, и мы должны быть готовы работать с каждым из них. Один становится руководителем республики и по нашей просьбе других назначает на определенные должности. Что плохого: сразу у нас столько союзников в верхах.

– Фигня. Эта идея исходит от наших светлых голов? Им надо работать со старым волком – Гасаном, который скоро будет там рулить, а не эти сопляки; и брось эту затею, нет перспективы.

– И отлично, мы сделаем свое дело, а когда будет, как ты говоришь, пусть у них болит голова. Я сам думаю, что им не удержать Гасана, все равно уплывет.

Возможно, так или, возможно, не так в то время решалась в разных кабинетах судьба Азербайджана. В каждом

кабинете писался сценарий дальнейшего развития событий не только в Азербайджане, но и во всем Союзе. Была поставлена задача: удержать Союз любой ценой, и в этом была главная ошибка. Надо было работать не над тем, как удержать, а как сделать его привлекательным – свободным, развивающимся.

В одном из своих писем, адресованных Горлачеву, еще в начале перестройки наши герои писали, что, пока есть возможность, нужно использовать авторитет и власть партии и принять нужные законы для развития страны; нужно сначала накормить людей, а потом встать на путь гласности. Писали также о том, что наша гласность – это табун диких лошадей: если отпустишь на волю, назад не загонишь; другими словами, народы, узнав о прошлом, первым делом захотят только одного – выйти из Союза. Они писали, что не в восторге от мерзостей, совершенных партией большевиков, но избранный путь тоже приведет к крови.

Глава шестидесят девятая

ПИСЬМО ОТ ДРУГА

Здравствуй, Реван! Не знаю, заслуживаешь ли ты моего рукопожатия. Начну с того, что мне искренно жаль всех погибших. По твоему описанию, происходили там жуткие события, хотя о них по ЦТ ничего практически не передавали тогда, и тем более сейчас. Я верю всему тому, что ты пишешь. Поверь, мне настолько тяжело от прочитанного, что не могу произносить «соболезную» или «скорблю». Понимаю, этих слов мало, ничтожно мало, но тем не менее я говорю: соболезную, скорблю вместе с твоим народом. В данный момент я вынужден произносить твое имя рядом с твоим народом, однако хочу подчеркнуть, что не считаю тебя достойным сыном как азербайджанского народа, так и собственных родителей.

Мы с тобой дружим уже почти двадцать лет, и могу сказать, что за эти годы изучил тебя, но так до конца и не понял. А вообще, как ты думаешь, есть ли человек, который тебя понял? Не знаю, ты хоть сам себя знаешь? За эти годы я видел тебя многоликим (видишь, даже не двуличным), непонятным, сказал бы; порой казался ты мне низким приспособленцем. В любом вопросе ты всегда ходил вокруг да около. Никогда не говорил, что и как думаешь, или вообще молчал. Не могу сказать, что ты был трусом, нет, не видел, чтобы ты проявлял трусость: когда возникала ситуация драки, бросался в нее без оглядки; но почему тогда вел себя так низко?!

Помнишь, как я уговаривал тебя не вступать в партию? Не послушался. Говорил, что это нужно для безопасности в нашей работе, «зонтиком» называл. Всегда говорил, что ненавидишь режим, а служил ему верой и правдой, как говорится, всю душу отдавал. Почему? У тебя всегда срабатывало звериное чувство самосохранения, и, я думаю, твоей главной целью всегда было сохранение своей никчемной жизни – в первую очередь. Никогда не рисковал и, более того, сдерживал и меня.

Ты пишешь в письме, что в тот день был уверен на все сто, что войска войдут в город, однако заболел и потому ушел домой. Знаешь, я тебе не верю: уверен, что и тогда сработал твой инстинкт самосохранения, тебе просто показалось, что заболел. Хорошо, если даже это было так, допустим; но ответь не мне, а прежде всего самому себе: все ли сделал, чтобы люди расхотелись по домам и не подставлялись под пули? Ты задумывался над тем, почему они поступили так? Им не была дорога своя жизнь? Они хотели показать врагу, что не боятся и готовы защищать свои принципы и ради этого идут на верную смерть. А ты кому-нибудь доказал правильность своей точки зрения, своих принципов? Мне было противно твое стремление точного расчета во всем. Ты как-то говорил мне: «Если не уверен в безопасности, ни шага не ступай, лучше пережди». Слушай, математик чертов, ты еще не вывел формулу и единицы измерения такого понятия, как принципиальность – верность своим принципам? У тебя ее не было никогда. Приспосабливался по обстановке, и самое противное – сумел привить это чувство и мне.

Забываясь о безопасности, ты уничтожал, то есть сжигал все наши записи, даже невинные стихи. От тех лет у меня сохранился только один наш пародийный репортаж на олимпиаду 1980 года и несколько стихов, в том числе из твоих тоже. Помнишь, ты, подражая Озерову, «вел репортаж» с соревнований бегунов? У тебя неплохо

получалось, мы смеялись от души; тогда мне удалось уговорить тебя, чтобы оставить этот «репортаж».

У тебя была страсть все сжигать, не пожалел даже то, над чем работал, когда учился в институте. Не знаю, что там было, но ты говорил, что это материал для твоей будущей диссертации по технической механике. Я особо не вникал, но помню твое объяснение: «Если не возьмут в контору, сбегу хоть кандидатом наук, все-таки не с пустыми руками». Но, когда тебя приняли, перед отъездом в Москву их тоже сжег. Что хочу этим сказать: тебе ничего не было жалко, ни своего, ни чужого.

В те годы ты ссылался на наше время, точнее, прикрывался им; всегда говорил, что, мол, время такое, нам по-другому нельзя. Как ни странно, я с тобой соглашался, но сейчас думаю – зря. У меня сохранился один твой стих, посвященный времени, мне понравился тогда, потому и сохранил. Это единственное, что я сделал, ничего не сказав тебе. Я тогда не вникал в суть, но теперь вижу, что все, что ты писал там, верно. Не пойму, почему же ты не следовал своим принципам? Читай свой стих и делай выводы для себя:

Я – время! Пиши, поэт, обо мне!
Пиши о своем времени!
Не можешь остаться в стороне –
Пиши сейчас, не повремени.

Вы все киваете на меня,
Прикрывая свои деяния,
Так, мол! Было такое время!
Не способные на благодеяния,
Обвиняете почему-то меня?

Я – бесформенный корпускулярный поток,
Пространство – моя обитель.
Неизвестно, где исток мой, а где сток.

Земли каждый обитатель
Своим делом и деянием
Наполняет меня,
А нередко – злодеянием.
Наполненный, обретаю смысл я.
Перетекаю в прошлое,
В людской памяти тая.

Друг друга когда с пути сбиваете,
Часто беспощадно убиваете,
Страны, города уничтожаете!
Тогда становлюсь я временем –
Истории тяжким бременем!

Ваш светлый или грустный лик –
Моего соответствующего отрезка облик.
Без ваших деяний и событий
Я чист. Меня нет, я просто блик.

Из нас двоих, ты постоянно оглядывался на время и оправдывал себя им. Жаль, что я тогда как следует не вник в суть этого стиха. В нем ты себя опровергаешь полностью. В этом тоже суть твоего двуличия.

Для меня всегда было загадкой, почему ты никогда ни с кем не споришь, говоря научным языком, не вступаешь в дискуссию. Как-то я об этом тебя спрашивал, не знаю, помнишь ли ты свой ответ, но я запомнил на всю жизнь. Ты тогда сказал мне: «Толя, с дураком вступает в спор только дурак, умный признает ошибку и благодарит; затеять спор с дураком – значит опуститься до его уровня, я этого не допущу».

Я тогда, можно сказать, с восхищением смотрел на тебя, но со временем начал тебя понимать, и стал ты для меня еще больше противным. Нет, ты не думай, ты как был моим другом, так им и останешься, я говорю о другом. Да, я тебя понял до конца. Ты всегда ставил

себя выше других, и если высказывался по какому-либо вопросу, то считал, что делаешь одолжение: «Я снизошел до вас, сказал свое мнение, а вы должны только с благодарностью принять; не хотите – это уже ваша проблема, повторяться не буду». Откуда эта черта характера у тебя развилась, мне трудно сказать, но это так. Нередко ты, наверное, поступал и вопреки собственному желанию, руководствуясь принципом: «Лишь бы не спорить». Знаешь, ведь нужно отстаивать свою правоту, а ты не спорил, даже когда был прав. Господи, что я говорю, как же я мог забыть, ты же всегда прав! Как ты мог совместить в себе две крайности: эту абсолютную уверенность в собственной правоте и в то же время полное отсутствие желания отстаивать ее? Как же ты жил со своими близкими, неужели никогда не возникала ситуация, когда нужно было возразить кому-то из родных? Не поверю никогда!

Еще вот о чем хочу тебе сказать: твое хладнокровие. В любой ситуации умеешь не теряться, наоборот, мобилизуешься, как говорится, по полной, но в то же время... Как-то мы с тобой находились на ж/д вокзале, когда еще были во Владике, ты меня провожал; я ехал на базу, увидел кота. Он почему-то хромал, ты пошел за ним, поймал, разобрался с ним, оказал медицинскую помощь. И пока ты возился с ним, тот корчился от боли, но удивительно – тебе не мешал, видимо, тоже понимал, что стараешься для него. Ты знаешь, ведь тогда у тебя на глазах появились слезы! Тогда я очень удивился: можешь спокойно смотреть, как умирает человек, в то же время из-за кота слезы на глазах. О чем это говорит? Отвечу: о том, что ты никого не любишь, люди тебе не нужны. Думаю, что и себя особо не любишь. Почему так думаю, сейчас скажу. После твоей московской эпопеи, при нашей первой встрече я тебя спросил: «Не боишься, что могут тебя шлепнуть твои бывшие?» На что ты невозмутимо ответил: «Нет, не шлепнут, но машина сбить может». Я думаю, что ты тогда рассчитал все возможные варианты и оставил наиболее вероятный.

Говоря о твоём хладнокровии, невозможно не говорить о присущем тебе инстинкте: порой я думал, что в тебе больше звериного, чем человеческого. Ты никому не доверяешь, и так было всегда. Даже мне не до конца доверял. Сколько бы ты ни рассказывал о чем бы то ни было, всегда что-то есть недоговоренное. Знаешь, как бывало обидно: я брату, матери, отцу так не доверял, как тебе. Взамен с твоей стороны – холодный расчет. Ты в жизни кому-нибудь доверял? Думаю, нет. Разве, что котам и собакам своим. О них ты рассказывал до мельчайших подробностей, только тогда ты бывал по-настоящему искренним и счастливым, глаза блестели. Ты так проникновенно о своих школьных друзьях, черт побери, о своей первой любви не рассказывал, как о своих кошках и собаках. Думаю, любил ли ты кого-нибудь так, как своих кошек и собак? Наверно, нет. Я о себе рассказывал все, ты – нет; до сих пор поражаюсь, как умудрился об отце рассказать, так вроде и случайно. Не раз говорил тебе и еще раз повторю: не знаю, до сих пор не пойму, как получилось, что мы с тобой подружились, и я до сих пор вспоминаю тебя каждый день, помню все твои слова, твои острые фразы. Этими фразами ты сыпал по поводу и без, метко, хлестко, нередко смешно, но жгуче.

Конечно, все возможно. Может, изменишься и ты под влиянием произошедших событий, это я говорю так, судя по твоим эмоциям, как написал ты мне об этих событиях, потому как если даже эти события не изменят тебя, значит, я прав во всем, что говорил и думаю о тебе. Но очень хочу ошибиться в своих отрицательных мыслях, которые высказал тебе впервые.

Не знаю, помнишь ты или нет: я как-то тебе говорил, что друзей не выбирают, ими становятся, так же думаю и сейчас. Я всегда и везде при случае говорил: «У меня есть друг...» – и далее продолжал мысль как требуется. Честно говоря, так и дальше буду продолжать говорить, ведь нам скоро пойдет пятый десяток, и думать, что

кто-то станет мне другом ближе или надежнее, чем ты, просто несерьезно, даже глупо.

Знаешь, о чем я подумал? Надо тебе исповедоваться, легче стало бы на душе. Но, по-моему, в вашей религии нет такого обряда. Жаль, что ты родился не в христианской семье, было бы сейчас проще. Хотя, о чем я говорю, ты безбожник конченный и всегда был им. Помню, рассказывал о каком-то дедушке из вашего села, единственном, в ком ты признавал священника, по-вашему – муллу. Найди такого же и просто поговори – отпустит, поверь. Отмой душу свою, которую ты превратил в хранилище нравственного хлама. Хочется тебе помочь, но не знаю как. Понимаю: был бы рядом, сказал бы мне: «Толя, чепуху несешь!» Или по-другому, что я «больной», «выжил из ума», но говорю я это от бессилия: не знаю, чем помочь тебе.

В завершении письма скажу тебе одно: ты всегда будешь чувствовать себя виноватым перед теми ребятами, которые погибли ни за что; при первой возможности будешь посещать места их гибели и кладбище, где похоронены, но это тебя не спасет от чувства вины. Дай Бог тебе терпения. Может, еще увидимся.

Твой друг Толя Рещенко. Март 1990 года.

Глава семидесятая

ПИСЬМО ДРУГУ

Толя, дорогой, привет. Знал, что всегда говоришь открыто то, что и как думаешь, за это всегда уважал, ценил тебя и буду продолжать так же. Не знаю только, как ответить. Оправдываться – не знаю в чем, возразить тоже не могу: во всем, о чем говоришь, есть огромная доля правды, но не вся. Я этим хочу сказать, что сказанное тобой не есть вся правда. Пойми одно: не оправдываюсь, и более того, оправдываться мне не в чем, ничего не совершил предосудительного. Почти двадцать лет мы с тобой дружим, и все, что делали, неважно в данной ситуации, правильно ли, ошибочно ли, недостаточно ли, – делали это вместе.

Сначала скажу пару слов о содержании стиха, который ты сохранил, спасибо. Сам того не подозревая, меня оправдываешь полностью. Суть этого стиха в том, что благодаря деяниям людей, происходящим явлениям время запоминается, остается в людской памяти. Мы тоже участвовали в заполнении этого потока, и какое бы ни было наше деяние, оно было наше. Мы действовали так, как понимали происходящие вокруг нас события, и реагировали на них.

Почему вдруг меня упрекнул в том, что в свое время вступил в КПСС? Ты прекрасно знал мои мотивы, ведь без этого категорически невозможно было попасть туда,

куда в свое время мне удалось пробить тропку. Толя, дорогой, ты меня сегодня заставляешь оправдываться за те поступки, которые в свое время были мотивированы, но я же не мог все предвидеть! У нас была цель, и мы шли к ней по той дороге, которая в то время нам казалась правильной. Ты всегда меня упрекал в чрезмерной осторожности, говорил, что моя осторожность граничит с трусостью. Об этом тебе говорил тогда и говорю сейчас: неоправданная смелость есть не более, чем глупость.

Теперь еще раз о трагических событиях, которые произошли у нас в ту январскую ночь. Я тогда ушел, потому что действительно заболел, и очень серьезно, но скажу честно: скорее всего, ушел бы, даже если бы и не заболел. Почему? Сейчас поясню: твердо понимал, что войска войдут в город во что бы то ни стало. И скажи, пожалуйста, какой был смысл препятствовать этому ценой жизни молодых прекрасных ребят? В той ситуации только не мог представить одного – как они войдут, то есть просто оттеснят народ и продавят несколько легковушек, разнесут пару сотен «бесхозных» грузовиков, и на этом закончится, и конечно же, не без того, что множество молодых людей получат дубинкой по башке (честно, я так думал, что не рискнут даже применять саперные лопаты, как в Грузии), и на этом все закончится. Кто мог предположить, что они призовут резервистов из Ростовской области, Ставрополя и Краснодара, и притом преимущественно армянской национальности, и всеми этими делами косвенно будут заправлять генералы-армяне? Я еще раз говорю: скорее, я все равно ушел бы, может, несколько позже, но ушел бы, и трусость, которую ты приписываешь мне, здесь не имеет места.

Теперь несколько слов о том, все ли сделал, чтобы они расходились. Это было бесполезно не потому, что они ничего не понимали, а совсем по другой причине. Начиная с восьмьдесят восьмого года весь Азербайджан живет с этим конфликтом. В каждом человеке

происходит внутренний психологический процесс наподобие ускоряющегося водоворота, из которого выбраться практически невозможно, и неважно, по какую сторону ты стоишь. Этот психологический водоворот с каждым оборотом все более расширяется, то есть в него включается все больше людей. Вот почему и национальный состав погибших различный – об этом уже писал тебе. Люди устали от состояния психоза и потому вышли на улицу, и не надо думать, что они полагали противостоять танкам голыми руками.

На то время я «отставал» от них почти на два года конкретно по этим событиям, и почти на двадцать лет отошел от общего армяно-азербайджанского взаимоотношения. У меня был подход с холодным расчетом, а у большинства из них – эмоциональный. Да, не выходил к микрофонам и не толкал речей о том или о другом. Просто разговаривал и пытался убедить их расходиться, но когда они начали интересоваться, кто я и откуда такой взялся, пришлось ретироваться. Честно, сейчас думаю и, наверное, буду об этих событиях думать всю оставшуюся жизнь, как правильно нужно было поступить. Из твоих слов явствует, что поступил неправильно (смягчаю ту мысль, которая угадывается). Не знаю, а как нужно было? Как и раньше, не преминул упрекнуть меня снова в чрезмерной осторожности. Чем она была плоха, моя осторожность, все эти годы? Может, она и уберегла нас с тобой в свое время от всевозможных неприятностей. Ты говорил, что надо расширить круг, найти единомышленников, создать группы и прочую дребедень, сделать все возможное и тем самым ускорить процесс распада. Что я тебе говорил тогда? «Не торопи события, единомышленники – мы с тобой, нас никто не предаст, кроме нас самих, а если предадим, то тут же узнаем, кто это сделал». Ты тогда со мной соглашался, и было это правильно. Зачем лезть на рожон – я всегда так рассуждаю. Это с каким-нибудь Васей, Мишей или Мамедом можно

кулаками махать, а с режимами нельзя: обломают руки быстро, так что миг придешь в сознание.

Теперь несколько слов о том, как, по-твоему, я ставлю себя выше других. Здесь, мой друг, с тобой категорически не согласен, такого у меня не было в жизни. Еще с детства мать учила быть скромным, и ее установкам следую всегда. Ты прав в том, что не люблю спорить, – да, есть такое, порой даже сознательно иду на это, свое мнение высказываю, и если какой-нибудь упрямец хочет доказать обратное, не препятствую, но предварительно предупреждаю; согласишься, это не может быть признаком высокомерия. Это отстаивание своей позиции, приятно ведь иногда быть правым.

Еще ты мне ставишь в упрек мое хладнокровие, как ты выражаешься, трезвый расчет во всем. Скажу коротко: уже нет того, о чем ты пишешь, что-то сломалось внутри расчетного устройства после того утра. Я тогда увидел массовый плач женщин, неважно, сколько было им лет, были ли они действительно познавшие жизнь матери или позавчера еще студентки-хохотушки, в то утро всех их объединял материнский инстинкт. В одном из своих произведений Гюго сравнивает женщину-мать с волчицей-матерью. Кстати, такое же есть у Айтматова в романе «Плаха»; если еще не читал, прочитай обязательно и того, и другого.

Есть некая общая трагическая точка пересечения линий жизни женщины-матери и волчицы-матери: потеря ребенка женщиной-матерью и потеря детеныша волчицей. Женщина в своем плаче и волчица в своем вое становятся похожими. В то трагическое утро я слышал плач сотен и тысяч женщин-матерей, а если хочешь, вой волчиц-матерей, такое никогда не забывается. Не выдержит и не спасет никакое хладнокровие или, как ты говоришь, расчет. Да, в связи с Айтматовым вспомнил одну историю. Ты как-то говорил, что таких, как я, один из наших нерусских писателей называет очень подходящим

словом, и спросил, не знаю ли; тогда сразу понял, о чем ты хочешь спросить, но промолчал, теперь могу подсказать слово: манкурт, это человек, забывший всего себя, весь свой род. Однако, думаю, это не совсем справедливо: мы никогда не забывали себя, просто скрывали свою суть. Как говорится, будучи волками, надевали на себя шкуру шакала. Думаю, это на то время имело некоторое оправдание, а если не согласен, тогда уже знаешь слово, называй.

Знаешь, говорю тебе свое мнение о той произошедшей трагедии. Виновато все руководство республики и в первую очередь ненавистная всем нам партийная и центральная, то есть Кремлевская, верхушка. В тех записях, где я излагаю свое видение событий, ничего не говорю об ответственности Народного фронта. Так вот, после долгих раздумий пришел к выводу, что руководство Народного фронта виновато в наименьшей степени. Они должны были предвидеть эти провокации с погромами и не допустить их, и самое главное – убрать людей с улицы. Почему не сделали – мне трудно что-либо говорить, может, по недомыслию, недопониманию, или действительно верили, что можно остановить войска голыми руками. Не знаю. Тут ходит фраза, приписываемая одному из лидеров Народного фронта, о том, что земля становится родиной, если за нее погибают люди. Конечно, ничего не скажешь, пафосно звучит, но, по-моему, утверждение несерьезное, я бы сказал даже – глупое. Подставлять людей под пули ничем не может быть оправдано.

Отмечу, дорогой друг: ты прав еще в том, что я никогда не забуду эти события; да, верно, всегда буду навещать аллею, где похоронены жертвы этой трагедии. Скажу тебе больше: это только начало, большие жертвы и потери еще нам предстоят.

И напоследок хочу отметить одно: живем – как в оккупированном Берлине сорок пятого года или в Праге шестьдесят восьмого. Я тебе здесь не обмолвился ни словом о патриотизме, служении родине и прочее, потому

что не имею права. Я ничего не сделал, жив и здоров, сижу у себя дома. Я чувствую ответственность перед родными и близкими тех молодых ребят, которые погибли за свои идеалы свободы. Эти юноши и девушки, пожертвовав своими жизнями, подвели к порогу смерти этот бесчеловечный режим. То, что он рухнет, мало кто сомневался, а сейчас уже считают не годы, а месяцы до его гибели. Смех вызывают их перестановки во власти: одного предателя народа поменяли на другого, беспринципного. Еще провели референдум недавно, в марте, по сохранению Союза – какая ерунда! Никто не хотел и не хочет никакого Союза, более того, не ходили ни на какой референдум; сами нарисовали, что нужно им. Но это не спасет, ведь ложь не спасает, просто оттягивает то, что все равно произойдет.

Хочу напомнить тебе твои слова, говорил ты их давно, когда мы только-только начинали жизнь с двойным дном, при очередном моем «приступе совестливости». Ты тогда привел слова, не помню, то ли Симонова, или же Светлова, в данном случае не так важно, главное, услышал я их от тебя. Привожу дословно, может, и сам вспомнишь: «Порядочный человек – это тот, кто делает гадости без удовольствия». Великолепные слова, которые являлись сутью нашей жизни. Знаешь, почему мы с тобой ненавидели (и ненавидим сейчас) систему? Потому что она отняла у нас чувства, исковеркала нашу душу, вселила в нас ненависть и подозрительность. Как известно, ненависть – самое мерзкое чувство, а у нас его полно, пусть даже к этой системе, режиму, не имеет значения; наши души поражены, как кирпичная стена здания, грибок. Ты знаешь, что хочу тебе сказать: мы ведь не только гадости, но и свою работу делали без удовольствия; единственное, что мы делали с удовольствием, это то, что было предназначено не для посторонних глаз.

От жизни без удовольствия мы отгораживались по-своему, когда вместе – коньяк в избытке, а порознь –

чтение, для меня еще и шахматы. Чтение нас все равно заносило в реальность, находили какие-то параллели или сходства, а вот шахматы воистину спасали меня: полностью уходил от реальности и отдыхал душой. Чего стоила наша подозрительность, никому никогда не доверяли, в лицо улыбались, шутили, выпивали, ходили по девкам. Но подсознание не покидал вопрос: «Кто ты?» Это касалось всех. Я даже до сих пор думаю: как же так получилось, что мы доверяли друг другу? Еще вот что: не думай, что мы одни были такие – как бы не так, миллионы, но никто никому не доверял и не доверяет. Этот режим заслуживает презрения тем, что он душу людей превратил в заброшенное кладбище несбывшихся, убитых надежд, желаний и замыслов. Что касается доверия с моей стороны к тебе, я тебе доверял, хотя ты меня упрекаешь, что не до конца. Это не так. Правда, иногда чего-то не договаривал, что могло навредить, вот и все. Вся правда в другом: то, что доверял тебе, никому не доверял. Так сложилось, что у меня в друзьях оказались вы, два Анатолия, о нем я тебе рассказывал. Честно, не знаю, как бы он отнесся ко мне, знай всю правду обо мне. Он честный, порядочный человек, выполнял свою работу по совести. Не знаю, может, когда-нибудь и узнает, но простит ли меня, трудно сказать.

Все эти годы и сейчас, честно говоря, мне наплевать на государство и на то, кто там стоит во главе этого государства; я ненавижу и ненавижу идеологию, можно сказать, с детства, со школы еще, но и правда в том, что скрывал это от всех. Если бы мы не сошлись с тобой и не занимались бы тем, чем занимались, наверняка встал бы на тот же путь.

Знаешь, чем отличается наше поколение от наших предшественников, то есть от тех, чье мировоззрение сформировалось в шестидесятые годы? При них хотя бы на короткое время открыли окна и двери, и на них подул свежий ветер свободы мысли, а при нас все это закрыли

и наглухо заколотили. Подышавшие воздухом шестидесятых годов в наши годы стали диссидентами, или, как их еще в конторе называли, инакомыслящими. Многие из них впоследствии эмигрировали, но, повторяю еще раз, мы были лишены этого. В наши семидесятые царили безнравственность, двуличие и обман. Мы росли и формировались в тех условиях, что были и не могли быть другими. Нас строго-настрога «оберегали» от информации, до всего нам было нужно дойти самим.

Потому и мы, как миллионы других, вели двойную жизнь. Недавно, незадолго до событий, написал такие куплеты, которые, по-моему, правильно отражают суть времени, в котором мы жили и живем:

*Мечты в жизнь не претворились,
Погубленные властью невежд.
Души миллионов превратились
В заброшенное кладбище надежд.*

*Живем в условиях царства двуличия,
Забыты все нормы морали, приличия.
Ныне опасаться нужно только одного –
Отличного от других мнения наличия.*

Ты прекрасно помнишь, как мы писали даже правительные, говоря условно, патриотические вещи – только через линейку. Нас так адресировали, что в нас самих внутри родился собственный редактор. Все это привело к тому, что все (или почти все) наше поколение ушло в собственную, душевную эмиграцию. Мы настолько приспособились, что глубоко сомневаюсь, справимся с полной свободой, предоставь нам ее сегодня. Помнишь ты или нет, не знаю, я тебе говорил об этом еще во Владивостоке: из моей группы повесился парень, который закончил институт с красным дипломом. Знаешь почему? Я тебе скажу: не справился с ситуацией, не мог вести

двойную жизнь, как мы с тобой и многие миллионы нам подобных. Кто из нас сильнее? Мы или он? Я твердо убежден – мы! Мы жили и боролись в рамках тех возможностей, что были у нас. Мы жили и будем жить назло тем невеждам, о которых говорил выше.

Из нас всех пытались делать – и это, нужно признать, в большей степени им удалось – улыбающихся Гуинпленов – всегда смеющихся человечков. Помнишь, у Виктора Гюго? Мы читали его вместе, еще в Кронштадте. Гуинплена сделали таким китайские компрочкисы, говоря современным языком, пластические хирурги. Они работали над конкретным человеком, а наши современные компрочкисы гораздо страшнее: они работают над душами миллионов и уродуют их, и стараются распространить это на весь мир. Нам удалось хоть немного сохранить себя и, более того, мы пытались противостоять. Да, мы им улыбались, говорили, что тоже Гуинплены, но ими мы не были. Конечно, не могло же пройти бесследно это постоянное психологическое и идеологическое давление на сознание, потому и его в определенной степени деформацию я воспринимаю как фактор неизбежности.

Попытаюсь выразить свою мысль немногословно; хочу тебе сказать о том, почему мы выросли и сформировались такими, как есть сегодня. Это касается всего поколения нашего. Я не считаю это ни бедой, ни тем более счастьем. Никогда нельзя отрицать влияние времени на формирование сознания: окружающая реальность не может не влиять на человека, говоря простым языком. В свое время группа узурпаторов, присвоив себе право диктовать (точнее, навязывать) свои взгляды окружающим, создала систему воздействия на сознание человека и, нужно дать должное, в этом преуспела.

Они в самом деле сформировали новый тип человека, у которого в подсознании имеются несколько уровней, притом горизонтальных. Вертикальный уровень очень прост и примитивен. Что я имею в виду: нашему человеку

присуща многоликость. Откуда она берется? От идеологии; дело в том, что наше состояние можно сравнить с человеком, стоящим возле огромного котлована (да, ты правильно понял, слово это взято из того романа), куда стекает все – от самых грязных нечистот до самых ароматных вещей, и стоящий там человек пропитывается всем этим. Вот так выглядит наш мир подсознания: там есть место для любого поступка, от самой низкой подлости до высокоблагородного, и зависит от того, за какую струну будут дергать. Выбор поступка зависит от разума каждого индивидуума. Не зря же Гегель назвал беспредельный высший разум божеством. В любом из нас заложена готовность к любому поступку, к хорошему или плохому; как говорится, мы все законсервированные агенты поступков, и управляет нашими действиями, извини за повтор, разум. Только уровень разума у всех разный, но это отдельная тема. Говоря о разуме, хочу привести еще один куплет, не так давно написал:

*Провели над нами операцию,
Осуществили черепа трепанацию.
Против страшного недуга – думать –
Прошли поголовно вакцинацию.*

Коммуняки всячески старались уничтожить наш разум и, нужно признать, добились немалого в этом. Для этого были предприняты многие действия, как, например, ликвидация письменности у народов, борьба с традициями, уничтожение уклада жизни, для чего было ликвидировано крестьянство, потому как оно было основой сохранения идентичности народа.

Мы с тобой в свое время посмеивались над бородачом, точнее, над его словами о том, что капитализм рождает своего могильщика – пролетариат. Говорили, почему-то капитализм не гниет. Друг, мы с тобой были глупцами: он не гниет не потому, что «дедушка с бородой»

был не прав, а потому, что проклятые капиталисты учли его рекомендации, пошли навстречу пролетариату, но наши коммуняки точно готовят своих могильщиков, и не столько в лице пролетариата, сколько в лице интеллигенции. Я уже говорил об этом выше, хочу еще раз вернуться. Много творческих людей уезжает на запад, их идеологическое воздействие намного сильнее любого оружия. Но следует отметить одну вещь: среди них проходимцев тоже немало, которые на гребне волны свалили туда, преследуя самые что ни на есть банальные цели, например, не работать, а жить на пособия и к тому же иметь статус борца с ужасным режимом. Некоторые уехали, потому что их здесь не печатают, – это в самом деле глупость режима: надо издавать все, а люди будут читать то, что им нужно. По себе могу сказать: меня трудно упрекнуть в нежелании читать, но примерно год назад взял самое нашумевшее произведение последних примерно двадцати лет – «Воспоминания зека, или лагерные записки» Алексея Ложинина. Полная ерунда, ахиня. Да, все верно, режим был (и пока есть) мерзкий, жестокий, но врать-то зачем?! Если читать внимательно и анализировать каждое предложение, то быстро приходишь к выводу, что, мягко говоря, автора понесло. Понимаешь, друг, ложь дискредитирует, нельзя в таких делах лгать, а читая это произведение, приходишь к выводу: автор понял, что требуется, и начал «выдавать на-гора угля», хотя от него никто этого не требовал и ему такую задачу не ставил. Там нет понятия «произведение на заказ», в таких делах стахановщина не нужна. Говорят, ему там какую-то международную премию выдали; я бы ломаного гроша не дал, потому что использовать в борьбе против зла ложь тоже есть зло, и не меньшее, даже намного большее. Или другого возьмем – Сержа Давлтянца. Кое-что из его творчества попало, прочитал, ничего особенного. Честное слово, никак не могу взять в толк, что такого увидели редакторы разных журналов в его

сочинениях, что не печатали. Но еще больше удивляет другое: что нашли в них западные журналы, что печатали наперебой? Все творчество – это пьянки, драки и местами в адрес коммунистического режима какая-нибудь мелкая реплика и попытка определиться с собственной национальностью: еврей он или армянин. Знаешь, как бы ни ненавидел этот режим, в одном соглашусь с ним: все эти международные премии в последнее время превращены тоже в инструмент политики.

Как бы ты меня ни обвинял в самых тяжких грехах, во многом мы с тобой похожи. У обоих отцы, отсидевшие определенные сроки, мягко говоря, ни за что. У меня еще куча родственников отсидело сроки, и многие не вернулись вообще. Я пока говорю о ближнем круге. Мы оба с тобой скрывали это, и притом очень тщательно. Это нас роднит. У нас у обоих развито чувство недоверия, и оно себя проявляло во всем. Об этих наших похожих тайнах, кроме нас, никто не знал, мы ни с кем не делились. Нам путь к каким-то людям, пусть даже они были бы единомышленниками нашими, был закрыт нами же. Нам переступать через свое чувство подозрительности было невозможно. Я прекрасно понимаю, почему ты меня обвиняешь во всех этих трагических событиях, которые произошли на моей родине. За это тебе благодарен: ты переживаешь эту трагедию вместе со мной, и поскольку ничего не можешь сделать, вымещаешь обиду на мне. Спасибо тебе, дорогой друг.

Еще пару слов о твоём предложении насчет исповеди. Ничего тебе не скажу, потому что сам ответил, только к сказанному тобой добавлю кое-что. Конечно, это бред, о чем ты! В свое время контора использовала этот обряд в своих интересах, потому что почти все священнослужители независимо от конфессии были ее агентами. У них даже воинские звания были, а это означает, что эти священники были не просто вербованные агенты, а кадровые оперативники. Кстати, у нас недавно одного муллу

разоблачили, майором конторы был. Выражаешь сожаление, что я не родился в христианской семье? Понимаешь, дорогой, тогда это точно был бы не я, а совсем другой человек. Согласно Корану, суть человека – презренная капля, значит, это был бы не я. Пусть тебя не удивляет, что привожу цитату из Корана: начал читать, но не для того, чтобы облизывать грязные руки бородатых мужиков с обмотанными головами, а чтобы самому разобраться, что к чему. Ты вспоминаешь дедушку Бадара из моего села, о котором я тебе рассказывал. Спасибо, что помнишь. Знаешь, почему я его уважал и до сих пор он живет в моей памяти? Он был искренним в своей вере и чистым перед совестью своей. При всей своей безнравственности я уважаю и ценю искренность в людях. Для меня эти качества являлись и являются недостижимой высотой, на которую я всю жизнь хотел подняться, но увы... Не получилось. Оттого, что я не смог достичь этой высоты, они не теряют своей ценности. Очень хорошо зная тебя, могу смело заявить, что и ты стремился к тем вершинам, но тебя постигла та же участь, что и меня. Вот поэтому мы с тобой и подружались. Конечно, любой может задать вопрос: что же мешало подняться на нравственные высоты? Ответ прост: наши внутренние противоречия, а также противоречия между нами и существующей системой ценностей.

Окружающая нас действительность не способствовала раскрытию моральных качеств человека, заставляла его приспособливаться к сиюминутной ситуации. Конечно, неизбежен еще вопрос: а были ли такие, которые сохранили себя? Может тебе показаться странным – были, в качестве примера могу назвать своего друга, вышеупомянутого Анатолия. Его удача в том, что предан был этой системе в полной убежденности. Потому я его уважаю как человека и рад, что он мой друг. Однако таких людей в будущем ожидает разочарование, потом им будет гораздо труднее, чем нам, потому что наше разочарование

растянуто на всю жизнь, а у таких оно будет накладываться на короткий отрезок. Такие вот дела, дорогой друг. Вроде и поговорили обо всем, немного легче стало. Мне нужна не исповедь, а разговор, обсуждение возникших вопросов с близким другом, коим являешься ты. Спасибо тебе за все.

Наконец, последнее: о том, какой я конченный безбожник. Мы с тобой на эту тему много говорили; так и быть, повторюсь еще раз. Я не признаю Бога в том виде, в каком пытаются представить его различные шарлатаны от разных религий. Для меня Бог – это высшие законы природы, а точнее, Вселенной, и человек, сделавший открытие в каком-то направлении науки, приблизивший нас к прогрессу, есть пророк, а не те, кого навязывают. Знаешь, какая опасность таится в этих вопросах? На смену коммунистическому воинствующему атеизму придет его противоположность – воинствующая набожность, что гораздо хуже и беспощаднее первого. Честно говоря, они – воинствующий атеизм и воинствующая набожность – есть две стороны одной медали, так что внутри общества разрушительный антагонизм нам обеспечен надолго, потому что оно, то есть общество, представленное различными группами людей, не готово к терпимости к чужому мнению.

А насчет твоего предложения исповедоваться – очень хорошее предложение, учту, подумаю, как это осуществить, чтобы оригинально выглядело и, конечно, не было связано с муллой, их я терпеть не могу.

Может, когда-нибудь обо всем этом напишу, если ничто не помешает.

Желаю тебе удачи. Конечно, увидимся, почему нет.

Твой друг Реван. Апрель 1990 года. Баку.

Долго не было письма от друга, позже все-таки ответил, они даже были в гостях друг у друга, но к тому времени в жизни друзей и страны произошло очень много важных событий. Самым первым и самым главным событием стал развал Советского Союза в декабре 1991 года. Письмо друга начиналось не с приветствия, как обычно пишут люди, а с поздравления, и не в связи с произошедшим событием, а с тем, что он оказался прав, утверждая в свое время, что СССР не доживет до столетия Октябрьской революции. Так и писал: «Дорогой Реван, поздравляю, ты оказался прав, свершилось: юбилея столетия революции не будет. Когда ты говорил об этом, никто даже не мог предположить такое, а ты предвидел, слов нет!»

Развал, или распад СССР произошел не по воле тех или иных руководителей, и тем более не по причине пьянки того или другого руководителя или всех вместе, а также не из-за козней врагов. Впоследствии только эти факторы приводились как главная причина этого события сторонниками возрождения империи в том или ином виде. Возможно, эти факторы – или все вместе, или же любой из них в отдельности – стали видимыми причинами распада, однако не следует думать, что соломинка сломала хребет ослу, как говорят на востоке. На осла уже было нагружено столько, что он был обречен, хребет его и без того сломался бы. Это было логическое завершение дороги в никуда, на которую встала страна в начале века. Определяющим фактором развития общества стала не экономика, как во всем мире принято говорить, а идеология, и все законы разумности были отвергнуты. Главным фактором развития стала совместимость с идеологическими принципами, которые редко совпадали с законами развития как экономики, так и общества в целом.

Другим фактором, приведшим к развалу, была форма правления, а именно – тоталитарная система, построенная по принципу тюремно-уголовной иерархии, когда во главе всей системы стоит пахан, или главвор, а остальные

в строгом подчинении снизу доверху. Заседания политбюро по сути были сравнимы с регулярными воровскими сходками, где обсуждалось общее положение, ситуация в окружающем мире и осуществлялся разбор персональных дел отдельных высокопоставленных лиц, а также прием в состав правящей верхушки новых членов.

Главными движущими параметрами в карьерном росте индивидуума были не его способности, а личная преданность и качество, выраженное малопонятным термином, – «политическая благонадежность». Об этом стоит сказать несколько слов отдельно.

Это было чудовищным желанием правящей партийной верхушки заставить всю страну (а то и весь мир) видеть окружающую действительность в соответствии с так называемыми партийными установками, то есть принятыми идеологическими принципами. Возможно ли это? Категорически нет! Дело в том, что каждый человек видит окружающее пространство по-своему ввиду различия органов восприятия: слуха, зрения, обоняния – и выражает это в соответствии со своим видением.

Если человека заставить быть политически благонадежным, это обязательно приведет к обратному. В деле развития общества не нужна идеология всем, так же как на стройке нет необходимости всем рабочим знать законы Ньютона о гравитации: достаточно осторожности, чтобы не уронить кирпич во время работы, чтобы не проломить голову тому, кто находится ниже. Одним словом, хочется сказать, что государство, общество должно управляться в соответствии с принятыми законами, а не в соответствии с принципом личной преданности или благонадежности.

В последующие годы было много разговоров о незаконности соглашения о ликвидации СССР, но никто не раскрывал настоящее юридическое несоответствие и не указал на него. Почему? Не понимают или не видят? Вовсе нет: и видят, и прекрасно понимают, однако

мешает дух шовинизма и пренебрежительного отношения центра к союзным республикам.

Кто хоть немного знаком с историей образования СССР, прекрасно знает, что договор был подписан между РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказской Федерацией; другими словами, эти четыре образования составляли четыре угла здания под названием «СССР». В свою очередь, в Закавказскую Федерацию входили три республики: Азербайджан, Армения и Грузия, и поскольку в образовании СССР участвовали названные республики, они же в равной степени должны были принять участие в его ликвидации. Согласно Конституции СССР, каждая из трех республик, подписавших смертный приговор ему, имела право только на выход из состава единого образования, но не на ликвидацию его. Говоря об этом, хочется отметить, что вся суть СССР была пронизана ложью и лицемерием, не было на деле никакого равноправия республик и народов, декларированного Конституцией, и сама она существовала только на бумаге, и вспоминали о ней только от праздника к празднику, от съезда к съезду.

Но следует отметить один момент: после заключения соглашения между тремя республиками о роспуске Союза, во всех республиках проводились референдумы в соответствии с действующей на то время Конституцией, и народы всех республик высказались за выход из состава СССР, отсюда и начинается законность процедуры.

Глава семьдесят первая

НОВЫЕ РЕАЛИИ

Орхан Вересли стоял у окна своего кабинета и наблюдал за процессией. Складывалось впечатление, что сильно волнуется: часто отрывая и подводя к глазам бинокль, всматривался в толпу,двигающуюся по проспекту Нефтяников в сторону площади Азнефть. «К Баксове-ту и оттуда вверх к парку пойдут», – подумал про себя. Когда обернулся, увидел, что жена стоит рядом и слезы катятся по ее щекам, плакала молча. Давно ли подошла, трудно было сказать, наверное, сразу же за ним, когда тот, рассердившись, вышел из-за стола и встал у окна. Достал платок, вытер ей слезы, она не выдержала, прижалась к нему, обняла и заплакала.

– Алик, пожалуйста, прости меня, прости, я должна была понять тебя и осознать, что ты испытываешь и какие чувства переживаешь. Говорят, там убили девочку четырнадцати лет. Они не люди. Прости меня, родной.

Он обнял ее, и вместе продолжали стоять и смотреть на поток людей.

– Там убили не только девочку четырнадцати лет, известно еще о двух малышах около трех или четырех лет от роду. Не знаю, может, еще выяснится, пока говорят о двух. Есть старики, пожилые женщины, – не глядя на нее, ответил он.

Голос у него дрожал, фальши не было, сам чувствовал, что искренно жалеет этих молодых парней и готов

был за них мстить кому угодно: государству, армии, милиции, КГБ – неважно. В эту минуту ненавидел всех. Возможно, на него подействовали слезы жены. Не зря говорят: не каждый может спокойно смотреть на то, как плачут рядом. На слезы равнодушно реагировать невозможно, они или раздражают разум, или же смягчают сердце. Слезы любимого человека растрогали его, и чувства были искренними.

Постояв еще некоторое время, отошли от окна, провел ее в гостиную. Она достала из шкафа плед, села в кресло и укуталась, он сел рядом на диван.

– Алик, пожалуйста, только не сердись. Объясни мне, что происходит и что будет с нами, а самое главное – почему все это происходит?

– Происходит развал государства; поиграли в демократию, в гласность, народовластие, а теперь не знают, как навести порядок и сохранить страну. Тут еще эти националисты из Народного фронта воспользовались моментом и вылезли наружу. Кто вывел этих людей на улицы, кто устроил погромы сначала в Сумгаите, а теперь и здесь? Конечно же, они, эти новоявленные вожди.

– А как в других городах? В Тбилиси, в Алма-Ате? Наверное, недаром люди говорят, что за всеми этими событиями стоит КГБ. В Узбекистане были такие же события, как в Сумгаите. Не зря же люди так говорят. Раз говорят, значит, что-то есть, чем-то они возмущены. А в Сумгаите, говорят, вообще организаторами были сами армяне. Алик, дорогой, я ничего не понимаю. Объясни, пожалуйста, мне страшно. Русских не тронут? Говорят, перед вводом войск русских много уехало из города и вообще из республики. То же самое, развелось этих разных группировок, будоражат народ. Как они умело таились все эти годы и при первой возможности выползли наружу! Так же и карабахские, выходит, притаились?

Замешкался, не мог сразу найти ответа, потому как не ожидал этого вопроса. Это на нее на работе так влияют –

она же говорила, что с ней работает много этих проклятых еразов, даже заводделом у них ераз. «Пока не поздно, надо уволиться ей оттуда, пусть идет в школу работать, как раньше; нет – так будет сидеть дома», – подумал и ответил:

– Видишь ли, родная, вопрос с карабахскими не так прост, как кажется; эта проблема глубоко историческая, и на сегодняшний день они требуют справедливости. Они же не выдвигают требования выхода из состава СССР, а эти требуют.

Не услышав от нее ни вопроса, ни одобрения, продолжил свои рассуждения в том же духе ещё некоторое время, но когда взглянул на нее, увидел, что та уснула. «Хорошо», – подумал, поднялся с дивана и снова прошел в кабинет, взял бинокль и встал у окна. Устав от наблюдения за процессией, положил бинокль на место и сел за рабочий стол. Работать желания не было, просто погрузился в размышления. «Надо ускорить написание романа, и нужно будет осветить последние события тоже, притом в выгодной интерпретации. Всестороннее раскрыть националистическую, реакционную сущность Народного фронта. Каждого из так называемых новоявленных вождей нужно „размазать по стене и выбросить“. Надо срочно повидаться с Зорданом, только как? Тот должен передать еще материал. Как только восстановят авиасообщение, нужно будет слетать в Москву. Наверное, и ее возьму, пока пусть побудет у родных, позже прилетит, а я спокойно поработаю. Интересно, связь хоть работает? Надо бы сыну позвонить в Москву, узнать, как у него дела, что планирует делать после окончания института, ведь осталось совсем немного».

Так подумав, взял трубку и набрал межгород, однако девушка на другом конце провода равнодушным голосом известила об отсутствии связи. Услышав это, сердито бросил трубку на аппарат.

В первой половине февраля они с женой прилетели в Москву. Каким-то образом о его приезде разузнали журналисты, и в аэропорту их встретила целая толпа пишущей

братии из разных изданий, радио и телевидения, к чему, конечно, не был готов. Но попытка уйти не увенчалась успехом, пришлось устроить импровизированную пресс-конференцию прямо в зале. Вопросы сыпались со всех сторон и касались в основном положения русских в Баку, отношения к ним со стороны местного населения. Одному из журналистов ответил даже несколько грубовато:

– Я устал от ваших формулировок: «местный, неместный». Вот моя жена, стоит рядом со мной, мы живем в Баку, она работает там. Кто она, по-вашему, неместная? И если да, тогда почему?

Армянского вопроса старался не касаться, единственное сказал, что были погромы, начато следствие и, поскольку его ответы могут быть истолкованы неправильно, на вопросы относительно этой темы отвечать не будет. Развивая свою мысль в этом направлении, коснулся также ввода войск в Баку и добавил, что его нельзя оправдывать никоим образом: если вводить, тогда нужно было сделать это намного раньше, а так как уже был осуществлен ввод войск, это привело только к гибели невинных людей. В основном отвечал на те вопросы, на которые считал нужным ответить, и говорил общими фразами.

Продолжились эти мучения около сорока-пятидесяти минут. Наконец ему с женой удалось выбраться на улицу. Взяв такси, направились в город и вскоре приехали к сыну на съемную квартиру. Первый день провел с семьей и утром направился в редакцию к Амо Геворкяну, который очень обрадовался встрече. Амо сказал, что недавно звонил Зордан, если ничего особенного не произойдет, завтра тоже прибудет в Москву. «Это хорошо, пусть не думают, что я бегая за ними, а то возмнят о себе Бог весть что». Поговорили о разном, и как бы между прочим сказал:

– Амо, наверняка Зорик зайдет к тебе, пусть позвонит мне, хоть поговорим. Мы приезжали к сыну, раз такое удачное совпадение, встретиться не помешает.

Написал номер телефона съемной квартиры сына на листочке из своего блокнота и положил на стол. Амо взял листок, переложил в свой ежедневник и сделал какую-то запись. Поговорив еще немного, расстались, вышел на улицу и направился в сторону метро.

Встреча с Зорданом состоялась на следующий день в редакции. Втроем обсудили все события последних двух месяцев. Зордан выразил сильную обеспокоенность появлением снова на политической арене Гасана Алиева и предложил Амо найти человека, который согласился бы написать разоблачительную статью об Алиеве, на что Амо ответил:

– Слушай, я об этом давно думал. Мы хотели его привязать еще в свое время к «хлопковому делу», но ничего не вышло: нет на него ничего, эти прокуроры из центрального аппарата под руководством Гандоляна знаешь сколько рыли, не нашли ничего!

– Плохо искали, Амо, не может быть такого. Столько лет работать на таких должностях, быть вторым человеком в правительстве и ничего такого не совершать... Не верю.

– А я верю, при всем моем отвратительном отношении к нему. Скажу правду: нет на него ничего, это будет пустая трата времени. Как-никак все эти годы я жил и живу в Баку, там слухи быстро доходят; значит, ничего не было. Можно просто сочинить что-нибудь невероятное, но если тот возьмется за того, кто напишет, тогда я не завидую этому писаке. Я считаю это бессмысленной затеей, о которой надо забыть как можно скорее. Но нужно помнить, что он вернется туда обязательно, и пока этого не произошло, нужно добиться максимального.

– У нас в редакции недавно разговор пошел о нем, и главный говорил, что Горлачев его никуда не отпускает, под строгим наблюдением. Одним словом, заключен под неофициальный домашний арест, так что, думаю, уже обезврежен, и возвращение его снова на политический олимп невозможно.

– Слушай, Амо, его возвращение невозможно только в одном случае – если сам не захочет, а я не думаю, что он будет спокойно наблюдать за этими событиями со стороны. Согласен с Аликом. Ладно, давайте пока закончим с этой темой. Ты лучше скажи, когда можешь выпустить роман нашего друга? Когда ты мне позвонил, что Алик здесь, очень обрадовался и привез еще исторического материала для его произведения. Когда можешь решить этот вопрос?

– Зорик-джан, не знаю, у нас на три года вперед все забито. Напишет, привезет, забьем в план, как обычно. Но бывают же случаи, что-то снимают, тут же выпустим роман нашего друга. Потом, мое мнение если хочешь знать, надо бы подождать, чтобы эти события немного позабылись и отошли на второй план. Дело в том, что сейчас об этом разговоров много, и его произведение останется незамеченным, а в моем варианте взорвется как бомба, поверь моему опыту. Я считаю, Алику не следует особо спешить, напишет обстоятельно обо всем, и напечатаем по высшему разряду, куда мы денемся. Ладно, ребята, думаю, мы устали о делах говорить, давайте лучше отметим встречу.

Поднялся из кресла, достал из бара бутылку армянского коньяка и поставил на соседний столик, туда же поставил вазу с конфетами и три стопки. Пока сидели за столом, о делах не вспоминали. После того как бутылка была выпита, гости попрощались с хозяином кабинета и направились к Зордану в гостиницу. Засиделись у него допоздна, затем Орхан взял такси и поехал к своим. Конечно же, получил достойную порцию упреков от сына и жены за позднее возвращение и доставленные переживания, извинился и лег спать.

На семейном совете было решено, что жена на некоторое время останется в Москве, пока ситуация в Баку нормализуется и проясняется. Конечно, о переезде в Москву речь не шла, но решили некоторое время переждать.

Пробыв в Москве десять дней, вернулся в Баку. По дороге домой из аэропорта решил немного выяснить ситуацию у таксиста. Фактически ничего не изменилось, комендантский час так и действовал, предприятия и организации постепенно возобновляли работу.

Впервые после долгих лет совместной жизни он оказался один в доме и еще сильнее осознал, какое место занимает в его жизни любимая женщина. Квартира показалась ему безжизненной – такого чувства не было давно. Ощущение пустоты у него возникло после смерти мамы, но его любимая Галя восполнила утрату, а теперь нет ее самой. Сожалел, что оставил ее в Москве: как выяснил у таксиста, в городе все спокойно. С этими мыслями подошел к телефону и, набрав межгород, заказал Москву. Памятуя здравый принцип, что от любой хандры спасает работа, сел за рабочий стол и начал перебирать материалы, привезенные из Москвы. «Тут на два романа потянет».

Работа, однако, не клеилась. Не слушалась не только его пишущая машинка, но как будто даже собственные пальцы отказывались отстукивать буквы на клавиатуре.

«Что это со мной происходит? Никогда такого не было. Наверное, оттого, что родных нет рядом. Надо сказать, чтобы скорее приехала она, и сын тоже пусть приезжает сюда, когда закончит институт. Пусть живет и работает в привычной, родной обстановке». Над словом «родная» призадумался. «Что есть для него родная обстановка? Работа среди чужих людей? Почему, собственно, чужие? Признайся, Орхан Вересли, ведь для него родная атмосфера – та, в которой вырос и сформировался. Он считает себя азербайджанцем, все эти годы учебы твердит одно и то же: наш Баку – самый красивый город мира, и я нигде не буду жить, кроме как в Баку. Признайся себе, не нанес ли ты вреда своему родному сыну своей двойной жизнью? Почему не рассказал ему правду о бабушке? Ведь, навещая ее могилу, всегда называет ее Наргиз,

не видел, ты сам его повел туда, показал могилу и сам же ее назвал тем именем, под которым она слилась с вечностью. Ладно, не раскисай, все сделано правильно, о содеянном не жалей и иди до конца; не пишется сегодня, так не пиши, никто не заставляет, иди погуляй», – с этими мыслями встал из-за стола, оделся и вышел на улицу.

Глава семьдесят вторая

ТРИУМФ ИЛИ, МОЖЕТ, ТРАГЕДИЯ

После его отъезда из Москвы Зордан позвонил Амо, договорились о встрече утром следующего дня. В назначенное время прибыл к другу, и тот снова достал коньяк. Сели на прежние места, только пустовало место их общего друга- Алика.

- Будто и не расходились, - пошутил Амо. - Что за срочный разговор возник, что случилось? Допишет, принесет, издадим, в чем проблема?

- Все верно, допишет, принесет, а ты не торопись сразу издавать, потяни как можно дольше, там видно будет.

- Ты что, передумал? Я ничего не понимаю.

- Нет, я ничего не передумал, просто издавать его произведение немедленно нам ничего не даст. Ты был прав вчера, только надо потянуть еще дольше, подождать; страсти улягутся, постепенно начнут забывать события в Сумгаите и в Баку, и вот тогда взорвется эта бомба. Улавливаешь ход моих мыслей?

- Да, как всегда, ты коварен и гениален; но я так говорил из-за физической невозможности, то есть большой загруженности, а ты, как всегда, извлекаешь выгоду из любой ситуации.

- Вот и хорошо. На то и мы с тобой и армяне, нужно быть верным принципам и традициям предков. Пару раз вернешь на доработку, потом порекомендуешь встретиться еще раз со мной, кое-что уточнить, а потом возьмешь

и до нужного времени отложишь, скажем, до начала двухтысячных годов, не раньше.

– Как скажешь. А если меня уволят к тому времени, тогда что?

– Никто тебя не уволит, скоро будут еще большие изменения. А если и уволят – еще лучше, все пойдет естественным путем.

Сидя за рабочим столом, выверял каждое слово, каждую запятую, старался изо всех сил, чтобы его творение понравилось друзьям, нисколько не подозревая, что за спиной друзья плетут сеть интриг и что он им друг постольку-поскольку, и если бы не было его, нашли бы другого. Об этом и еще о многом другом не мог догадываться, потому и превращал добросовестно в художественное произведение с притязаниями на документальность тезисные наброски, переданные ему Зорданом Лалаяном, люто ненавидящим всех тюрков вообще и азербайджанцев в частности. Читал представленный другом материал и размышлял:

«Да, переборщили они с событиями в Сумгаите. Следствие ведь доказало, что организаторами были армяне во главе с Григоряном, нашим общим знакомым. Правда, потом все материалы забрали московские прокуроры, но здесь-то все разрезвонили во все колокола, уже каждый знает, что к чему. Так не пойдет: дружба дружбой, а с головой дружить тоже надо. Это все мы отбросим и выведем на передний план КГБ. Потом ведь этот роман и здесь тоже будут читать, нельзя же явную ложь выдавать за правду. Все равно уши КГБ торчат в этом деле отовсюду, выводя его на первый план, мы еще отводим удар от наших. Другое дело – Бакинские события, там точно все было организовано Москвой, конечно, не без участия местных армян, но и беженцы из Армении приложили руку, а то чем тут занимались эмиссары из центра?! Я не удивлюсь, если в скором времени услышим об их награждении за заслуги перед коммунистической партией и советским правительством.

Говоря об этих событиях, мы будем умалчивать о роли КГБ, ответственными сделаем Народный фронт, и, таким образом, нам не будет возражать госаппарат, они ведь сами ненавидят этих новоявленных беев и эфенди. Тоже мне! Друг к другу обращаются на турецкий манер – „бей“ или „эфенди“, смешно даже, постыдились бы; голодранцами были, а в одночасье беями стали и объявили себя чуть ли не дворянами. Теперь надо подумать об историчности романа, надо придать ему некоторую историческую документальность. Хорошо бы сослаться на историческую личность. Лучше Закария Акулисского не найти: торговец, или купец, и путешественник в одном лице. Вставим нужные отрывки из его записей, тогда будет все в ажуре, тем более они у нас имеются. Опираясь на него, можно говорить также о принадлежности Нахичевани. Правда, изданное далеко от подлинника, но кто об этом будет знать? Вообще, наши молодцы, над любым историческим документом так поработают, что от подлинника не отличишь. Самое главное – сослаться на него, а там кому надо – пусть разбирается. Надо полностью закончить роман и только потом издавать, отдельными частями нет смысла. Ничего страшного не будет, если издадим позже».

Таким вот образом размышлял он над сюжетной линией второй части романа и не мог предположить, что так же думал его друг.

Работа над романом шла как обычно. Нельзя сказать, что целиком посвятил себя роману, вовсе нет, успевал везде и, конечно же, издавался в местной периодической печати. Присвоили ему даже звание народного писателя, наградили орденом «За заслуги перед Отечеством». Раза два или три встречался в Москве с Зорданом и Амо. На последней встрече открыто сказал друзьям, что не спешит с завершением романа и рассказал из каких соображений. Друзья не стали возражать (так нужно было им самим в первую очередь) и сказали, чтобы не торопился, потому как работа нужна была добросовестная и основательная.

Наконец закончил рукопись и все подготовил для сдачи в печать. Друзья нашли надежных рецензентов, ведь нельзя было допускать утечки информации, и в декабре девяносто девятого года он сдал свой роман в редакцию литературного журнала в Москве.

Амо и Зордан шутили, что Алик подводит итоги не только года, а двадцатого века, и его роман будет хорошим сюрпризом для врагов как раз к началу нового тысячелетия. Конечно, они лукавили: у них не было в планах в двухтысячном году выпускать его роман, планировали к две тысячи четвертому году; однако в силу объективных причин не удалось выпустить роман в запланированный срок, и таким образом это дело затянулось аж до две тысячи седьмого года.

Выход романа Орхана Вересли в московском литературном журнале произвел в Азербайджане эффект разорвавшейся бомбы. Все были в недоумении, даже те, которые о нем только слышали, не то чтобы читали его произведения.

Коллеги перестали разговаривать с ним, студенты объявили бойкот: когда зашел в аудиторию, все повернулись к нему спиной, пытался что-то объяснить, но тщетно, никто не слушал его. Его вопрос был вынесен на заседание коллегии Союза писателей Азербайджана, однако его объяснения никого не удовлетворили; начал чувствовать себя изгоем, никак не мог предвидеть такую реакцию. Настроение у него испортилось окончательно, когда возвращался домой и увидел у своего дома группу людей примерно из тридцати-сорока человек с различными плакатами в руках, на которых было написано: «За сколько проданся армянам?», «Ты армянин, поезжай к своим сородичам, тебе не место в Азербайджане!», «Пособник армян, береги уши!»

Плакатов было много, вплоть до грубых, оскорбительных, однако несмотря на их агрессивное содержание, никто ему не мешал пройти к подъезду. Самую оскорбительную картину увидел непосредственно у подъезда:

огромная куча книг, в которых узнал свои ранее изданные произведения. Часть книг была разбросана перед входом. Жильцы, входящие в дом и выходящие из него, ходили по ним. Остановился перед входом в нерешительности, долго не мог перешагнуть через свои книги, и самое главное, трудно было предвидеть реакцию не особо дружелюбно настроенной толпы. Огляделся по сторонам в надежде увидеть какого-нибудь милиционера, но никого не было, кроме него и молчаливой, мягко говоря, агрессивной толпы. Понимал, что так долго продолжаться не может; наконец решился и шагнул на книги. Когда совершил первый шаг по книгам, толпа начала скандировать: «Ты затоптал свою совесть, променял ее на деньги, сколько тебе заплатили?!» Эту фразу повторяли, пока не дошел до входной двери подъезда, и как только потянулся, чтобы открыть ее, оттуда вышли двое парней высокого роста и подняли над его головой два номера журнала, в котором был напечатан его роман, и плакат, на котором было написано одно слово – «Позор».

Его вынудили пройти под этой искусственной аркой в блок. Он тут же поспешил к лифту, немного успокоился только после того, как вошел в кабину и собрался с мыслями. «Ну, твари, устроили мне арку позора, значит».

Не успел нажать на кнопку звонка, жена открыла дверь перед ним.

– Входи, очень волновалась, увидела тебя из окна, переживала. Алик, может, все-таки объяснишь, что происходит? Почему в одночасье вся страна ополчилась против тебя? Я только начала читать твой злосчастный роман. Что там такое написано, что всех взбудоражило?

После этих слов она подошла к окну и продолжила:

– Смотри, один пытается сжечь твои книги, а другой отталкивает, вроде не позволяет делать этого.

– Пусть жгут, дикари и варвары во все времена этим и отличались. Они не настолько развиты, чтобы по достоинству оценить мои произведения.

– Смотри, выставили огромный транспарант, написано: «Сбор макулатуры – книг Орхана Вересли». Родной, что случилось? Вот какой-то новый выставляют, что написано, знаешь? «Армянин, убирайся в Хайастан, не пей нашу воду!» Почему они тебя армянином называют? Ты мне объяснишь в конце концов, что происходит? – громко, с криком сказала она.

Он подошел к ней, взял ее за плечи и отвел в дальнюю комнату на противоположную сторону, усадил ее в кресло и сам сел рядом на диван.

– Дорогая, успокойся, пожалуйста. Ничего не происходит, просто мой новый роман пришелся не всем по душе, вот и возмущаются. Невозможно же быть хорошим одновременно для всех. Все в порядке.

– Да, согласна, для всех невозможно быть хорошим, но тоже ненормально, когда все против тебя. Как это понять?

– Почему? Не все против меня, вся Армения одобряет мой роман!

– При чем тут Армения, мы живем не в Армении. Если никто тебя здесь не поддерживает, значит, ты написал неправду или, в лучшем случае, односторонне осветил события. Я же не дура, все понимаю; прежде чем начать читать, пролистала твой роман, и то вижу, что все односторонне. Зачем ты сделал это? Как теперь нам здесь жить? Мне больно было смотреть, как они тебя заставили идти по своим книгам. Это означает, что ты истоптал свое прошлое, всю предыдущую жизнь променял на этот сомнительный роман.

– Что ты понимаешь! За один такой, как ты выразилась, сомнительный роман один турецкий писатель получил Нобелевскую премию.

– Господи, Алик, о чем ты? Да плевать на этого турецкого писателя, получившего Нобелевскую премию! И кто знает этого лауреата сегодня? Где он, на какой свалке валяется? Что о нем известно, пишет ли кто-нибудь о нем, за что наградили? Между прочим, Низами или

Достоевскому никто этих премий не присуждал, и они не перестают быть гениями всех времен. Тебе что, премию обещали? Ее сейчас раздают налево и направо кому ни попадя. Все там заражено грязной политикой.

– Дорогая, лучше ложись, отдохни немного. Вот увидишь, все будет хорошо.

Она встала из кресла, взяла подушку и легла на диван. Он прикрыл ее пледом и пошел в свой кабинет, сел в кресло, уставившись взглядом в одну точку, начал осмысливать все происходящее. Никак не ожидал такой реакции – не только со стороны официальных органов, но и рядовых граждан. «Что тут такого? Я высказал свои соображения, разве не имею права? Многие из тех, которые горлопанят у подъезда, больше чем уверен, ни одного моего произведения не читали. Кто дал им право меня осуждать? Я художник, я свободен и независим в своих делах и мыслях. Какой закон я нарушил? Никакого! Так в чем тогда дело? Описал трагедию своего народа на протяжении всего века, и что тут предосудительного?»

После этого вопроса к самому себе вдруг призадумался: «Какого своего народа? Если это так, тогда почему ты скрываешь это даже от самых близких для тебя людей: от жены, от сына! Более того, сын твой себя всегда называл азербайджанцем, хотя ты назвал его Игорем. Он везде представлялся Ильгаром, и даже мать его называет этим же именем. После окончания института в Москве вернулся в „свой Баку“ (как он всегда выражался), хотя ты настаивал, чтобы не делал этого. Какой же ты армянин, если любимая мама тоже говорила, что ты азербайджанец?! Она всегда твердила: «Будь достойным имени своего отца». Сколько раз тебе говорила, чтобы ты навестил свою родню по отцовской линии, и сама собиралась поехать к ним, чтобы повидаться, и сделала бы это, если не помешала бы неожиданная быстрая смерть. Да, она рассказывала о дяде Мелконе, но только как о брате, и практически больше ничего; просила, чтобы я нашел

его, но не говорила же мне стать проводником его идей и вряд ли знала что-нибудь о его деятельности».

Услышав характерный звук закрывшейся входной двери, понял, что вернулся сын. Поднялся из кресла, вышел навстречу сыну.

– Здравствуй, сынок. Ты сегодня рано, что-то случилось?

– Здравствуй, папа. Да, случилось: я уволился со службы. Спасибо тебе за все, нет-нет, я говорю искренне. Завтра уезжаю в Москву.

– Ильгар, – произнося имя сына на азербайджанский манер, сам осекся, но быстро справился с ситуацией, – что случилось? Почему ты ушел со службы?

– Папа, я не могу смотреть людям в глаза. Будто вся налоговая служба преследует меня: куда ни прихожу, тут же все прекращают разговоры. Дело в том, что все говорят только о твоём последнем романе, о том, как тебе устроили разнос в Союзе писателей, как тебя бойкотируют твои студенты в университете, как перестали с тобой здороваться твои коллеги-преподаватели. Как ты думаешь, легко все это переносить? Зачем ты сделал это? Ты хоть сам веришь в то, что написал? Может, тебе просто диктовали, папа?

– Мне никто ничего не диктовал, я изложил свое видение тех событий и дал свою оценку. Кому не нравится, пусть не читает!

– Не волнуйся ты, и так никто не будет читать, разве что отдельные аналитики, чтобы разоблачить тебя. Не обижайся, я излагаю свое видение происходящего; остальные будут читать отдельные отрывки и кричать «Позор», вот и все. Сделал ты нам хорошую славу, папа, ничего не скажешь!

Вышла из комнаты жена и позвала их в гостиную.

– Что в коридоре стоите и устраиваете разборки? Проходите, и там поговорим вместе. – В гостиной продолжила: – Ильгар прав, я тоже поеду с ним, а ты здесь уладишь все свои дела и тоже приезжай. Нам все равно невозможно будет жить здесь.

– Галя, Ильгар, вы о чем? Мы давно ушли от конца восьмидесятых и января девяностого года. Почему нам невозможно жить, что вы говорите?

– Если бы ты описал честно то время, тогда можно было бы, еще и уважали бы тебя, а так – нет. Я читала ту часть твоего произведения. Зачем так откровенно лгать? В то время мы все были в Баку, прекрасно все помним; правда, Ильгара не было здесь, но это ничего не меняет.

– Я не лгал и уже говорил тебе: это художественное осмысление, которое быдло никогда не поймет.

– Не держи меня, пожалуйста, за дурачку. Если ты так врешь, излагая те события, свидетелями которых были мы все, то легко представить, как ты излагаешь события времен с пятнадцатого по двадцать второй год.

– Папа, если они все быдло, то в этом и твоя заслуга: ты просветитель, значит, плохо выполнял свою миссию. Это первое. А второе – вот что хочу тебе сказать: я так полагаю, это, как ты выразился, быдло заставило тебя ходить по своим книгам, не так ли? Думаю, что так! Когда я подходил к парадной, они меня узнали. Вышел из толпы мужик, достаточно взрослый, чуть моложе тебя, но намного старше меня, и убрал твои книги с дороги, а на возмущение остальных ответил только одной фразой, которую я услышал: «Нельзя допускать, чтобы сын затаптывал труд отца, не опускайтесь!» После этих слов мне здесь не жить, папа, просто не смогу. А ты говоришь – быдло. Я не пойму, почему ты так ненавидишь наш народ? Как же ты жил среди этого народа, который ненавидишь?

После этих слов никто не нашел что сказать другу другу. Жена и сын пошли по своим комнатам и начали упаковывать вещи, он снова вернулся в кабинет. Вечер был испорчен окончательно, семейного ужина за общим столом уже не стоило ждать. Утром жена и сын на такси отправились в аэропорт, не поехал провожать их – так решили из соображений безопасности. Последующие три дня не выходил из дома, изредка выглядывал в окно.

На третий день у подъезда никого не было, исчезли также куда-то и книги. Это его немного успокоило. «Может, забудется, и все наладится», – подумал он.

Позвонил в университет, попросил руководство, чтобы его освободили от занимаемой должности, и предупредил, что соответствующее заявление отправит по почте.

Глава семьдесят третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СТАРОМУ РАЗГОВОРУ

Еще один душевный разговор у Ревана с матерью состоялся спустя почти двадцать лет. Для полноты картины приведем этот разговор, стараясь максимально соблюдать точность передачи мыслей матери, ее видение тех событий.

Разговор этот состоялся в начале двухтысячных годов, точнее, в 2001-м году. Дело в том, что наш герой вновь совершил еще один переезд из Баку в Россию. Произошло это спустя некоторое время после январских событий. Однако еще до распада Союза успел написать письмо тогдашнему президенту Азербайджана Талибову; СССР формально еще держался, но уже дышал на ладан. В письме предлагал ему подать в отставку с поста президента в пользу Гасана Алиева, самому принять пост председателя Совета министров Азербайджана, а вместо «бабушки» (так и написал, имея в виду Эльдуру Кафирову) председателем Верховного совета республики назначить представителя Народного фронта. Ответа никакого, конечно, не получил, и к тому же вскоре распался Союз. Переезд этот был обусловлен как экономическими соображениями, так и в немалой степени семейными обстоятельствами.

Во второй половине лета 2001 года приехал в гости к матери и брату. Мать жила на даче у брата. Участок этот

брат приобрел только для нее, чтобы немного сохранить ее привычный образ жизни, и она все свое время проводила там.

Проснувшись, поднялся, накиннул на себя легкую одежду и вышел на балкон. Солнце красным покрывалом расстилалось над морем; вспомнил Владивосток, бухту Тихую, над которой так же поднималось солнце. «Да, воистину, нет ничего краше восходящего над морем солнца», – подумал и спустился с балкона в сад. Подошел к персикам, которые когда-то посадил вместе с братом, они уже начали плодоносить. Персики были немного недошедшие, но это не могло служить препятствием, чтобы не сорвать их и не скушать. Перепробовав понемногу всех фруктов, вернулся к дому. Мать уже сидела на улице под большим инжиром. Пожелав матери доброго утра, «поговорил» и с инжиром. Ответив на приветствие, мать сказала:

– Присядь, мне надо с тобой поговорить очень серьезно.

Только сейчас заметил, что мать вынесла стул для него и поставила напротив себя. Сел на стул.

– Мать, что опять случилось? Все же хорошо, слава Богу. У тебя уже шестеро внуков, по трое от каждого сына. Ну развелся я, что теперь? Половина мира разводится. Не переживай, все у нас хорошо, дети учатся в школе, растут и безобразят.

– Я сейчас не об этом хочу говорить. Ты, наверное, злишься на меня до сих пор, ведь, по сути, я поломала тебе жизнь тогда. Помнишь, ты приезжал из Москвы?

– Мать, скажу честно, помню и никогда не забуду. Но это не говорит о том, что злюсь на тебя; наоборот, пойдя тогда я тем путем, друзья бы не простили, это точно. Что касается слов «поломала жизнь», то я так не считаю. Потом, все общечеловеческое существование есть совокупность отдельных поломанных жизней. У каждого есть в жизни о чем пожалеть. Знаешь, мать, думаю, не существует критерия счастливой жизни. В чем счастье – я, честно, не знаю. Ну, скажем банально, чтобы все было

хорошо. А в чем заключается это «все хорошо», относительно чего? Есть вещи, которые замечаем в сравнении, например, наличие денег или отсутствие, и делаем вывод: хорошо или плохо. Есть вещи, которые не замечаем вообще. Воздухом дышим и ладно, а вот это и есть настоящее счастье – возможность дышать, ходить, есть, пить, смеяться, шутить и много чего. Поверь, я теперь точно убежден, что путь, на который я хотел вставать, был не моим, так что все в порядке. Наоборот, ты открыла мне глаза; только до сих пор поражаюсь, как тебе удалось тогда, как говорят отдельные товарищи, расколоть меня.

– Но и я не могу поверить, что ты мечтал о такой жизни, в которой оказался. Ты же в школе учился лучше всех, учителя твои тебя любили, до сих пор о тебе говорят, как соберутся. Что касается того, как я поняла тебя тогда, – очень просто, сынок. Ты никогда не врал мне в детстве. Да, бывало, что чего-то не договаривал, я это всегда чувствовала, но не настаивала, оставляла право выбора за тобой. А тогда соврал мне обдуманно, мучился, я и почувствовала.

– Мать, знаешь что? У меня была одна-единственная и главная мечта – чтобы развалился советский строй, и, слава Богу, он развалился. Это было желанием миллионов по всему миру, и оно сбылось. Остальное не так важно; правда, крови льется много и, наверное, еще много будет литься.

– Да, крови много пролилось. Спасибо Гасану Алиеву, вернулся и навел порядок, иначе неизвестно чем бы все закончилось. Его даже, говорят, в Москве хотели убить, чтобы не вернулся сюда. Вся Москва в руках армян, что ты хочешь? Столько земли захватили – думаешь, просто так? Во всем им помогает Русияет, – так Россию называют большинство пожилых людей в Азербайджане, – даже их солдаты воюют за армян.

Он, конечно, был в курсе всех событий, более того, когда Гасан Алиев вернулся в Азербайджан, жил еще в Баку, но не стал перебивать мать, потому как всегда с интересом

слушал мнение матери по тем или иным вопросам; кроме того, знал, что мать бывает откровенной только с ним. Не исключено было также, что мать уже запуталась в его переездах и считала, что он всего этого не знает.

– Сколько людей погибло на этой войне, всех людей изгнали, как в свое время нас. Они уничтожили все население города Ходжалы. Ты слышал об этом?

– Слышал, говорят, около семисот человек убили, написано было.

– О чем ты, сынок, какое семьсот человек?! Трупам завалили болото и ходили по ним, как по мосту.

– А ты откуда знаешь?

– Как же мне не знать? Там погибла внучка моей двоюродной сестры, на ее похоронах люди рассказывали, которым чудом удалось спастись.

– А что потом было, какие события произошли?

– Что было, что было? Талибов ушел из президентов, сбежал в Москву, как и предыдущий Абдул Рахман. Вот скажи ты мне, почему они все в Москву бегут? Я тебе сама скажу: потому что они все люди Москвы.

– Мать, Гасан тоже был в Москве, и что? Его хвалишь, а других ругаешь, как это понять?

– Сынок, ты не путай: Гасан там работал на большой работе, что ты их сравниваешь?

– Мать, хорошо, принимается. Дальше что было? Я толком ничего не знаю, газет не читаю вообще, а ящик все врет или ничего не говорит.

– Другого поставили на его место, Абульфата. Он был хороший человек сам по себе, даже очень хороший, постоянно слушала, когда говорил по телевизору, но его всегда подводили окружающие. Знаешь, что говорят? После двадцатого января – так ты же еще здесь был, помнишь, наверное, – всех арестовали и увезли в Москву. – «Двадцатое января» в Азербайджане произносится без уточнения года и события, всем все ясно и без того. – Там их всех перетянули на свою сторону, и вот они ему

и мешали работать. Сам тогда, говорят, уехал то ли в Турцию, то ли в Иран, и не так важно, вернулся только когда пал Горлачев. Они же все районы по указанию Москвы сдавали армянам.

– А говорят, был виноват, что произошли события двадцатого января. Что на это скажешь?

– О чем ты, сынок? В чем виноват?! Ты еще скажи, что он организовал погромы в Сумгаите! Все организовали сами же армяне и Москва. Не помнишь, отец твой и его друзья рассказывали, как все было в восемнадцатом году, когда всю семью огру Ильяса, друга твоего отца, убили, тогда он один и выжил. Так вот, то же самое было в Сумгаите и в Баку. Это уже было запланировано, все равно бы ввели войска.

– Нет, я о другом: говорят, если бы он вывел народ с улиц, войска вошли бы спокойно и не было бы уличных расстрелов массовых.

– Ты же сам был здесь. Не помнишь, как мы все перепугались, когда ты не вернулся ночью? Нет, неправда, он ни при чем. Люди сами выходили на улицу, они же ничего не делали. Войска вызвал Абдул Рахман, отомстить хотел, плохой был человек. Ты же здесь был. Почему не помнишь, как прогнали всех начальников партийных в Ленкоране, Астаре и других районах? Абдул Рахман испугался, что и его прогонят из Баку, вот и вызвал войска из Москвы.

– Что с районами происходило? Ты говоришь, будто их просто уступали армянам, и все?

– А как же, так и было. Скажи, как армяне могли захватить Шушу? Туда ведет одна-единственная дорога. Как могло произойти так, что одни вышли из города, а другие по той же дороге вошли, и никто никого убил? Продали все районы: и Шушу, и Кяльбаджар, и Лачин, и все остальные. Будь они прокляты, не пожалели девушек, женщин, которые бросались со скал, чтобы не попасть в плен к армянам!

– Хорошо, мать, а что сделал Гасан?

– Алиев? Так он и остановил все это; если бы не он, армяне и до Баку дошли бы. Им, говорят, русские войска помогали, вот пришел Алиев и сказал, чтобы они убрали свои войска.

– И они молча послушали его и убрали свои войска?

– Как же, сколько лет он был одним из главных, конечно, послушали. В Москве все его слушают, дай Аллах ему здоровья.

– А с людьми что, ну, которые из этих районов?

– Ничего, что с нами, то же самое с ними. Ютятся кто где, в палатках живут. Говорят, по телевизору показывают. Страшно все это, сынок.

– Да, все понимаю, все вижу и ничего не смогу сделать, к сожалению.

– А что сделаешь, у тебя трое детей, и они с тобой, на кого оставишь? Хватит, сынок, ведь я тебя уже один раз похоронила, да отсохнет пусть у меня язык, тогда, в январе. Всю ночь проплакала, была готова к тому, что не вернешься. Слава Богу, обошлось.

– Ладно, мать, невелико счастье, что остался жив, может, почетнее было бы вместе со всеми погибнуть. Ты лучше расскажи, о чем еще поведает твой телевизор?

– Когда еще Талибов был у власти, убили двух хороших депутатов, самых хороших, умных, – Айдына и Дилару.

– За что же их убили?

– Талибов боялся, что Айдына выберут вместо него, вот и убили. Если бы только этих двоих... Они взорвали самолет, а там было около тридцати человек, тоже самые хорошие, умные люди. Любой из них мог бы стать вместо Талибова.

– Вроде не самолет, а вертолет, – он снова не стал перебивать мать: при этих событиях был еще в Баку, хотел просто послушать ее.

– Ну и что, все равно он виноват. Зачем было туда отправлять людей, когда знал, что там армяне, которым русские дали оружие? Он отправил, а те сбили. Тогда убили

главного прокурора Исмета и самого главного ученого Исмаилова. Будь проклят Талибов, каких людей погубил!

Он обратил внимание на то, что у матери на глазах появляются слезы. Чтобы она не нервничала, решил сменить тему.

– Ладно, мать, давай немного о другом. Не хочешь поехать жить ко мне?

– Нет, сынок, с тобой не смогу жить. Мне с твоим братом легче, при всем его тяжелом характере. Он открытый: если говорит нет – значит нет. А тебя не поймешь, что в уме держишь. Потом, как там буду жить, если языка не знаю?

– Ну да, ты права, конечно.

– А ты сам-то не хочешь возвращаться, а меня зовешь туда. Возвращайся, сколько можно жить среди чужих.

– Мать, ты хотела хинкали приготовить, давай, если надо, я тебе помогу, что надо делать. Или пройдусь еще по саду и, может, по поселку.

– Иди, чем ты мне поможешь? Сейчас воду поставлю, а тесто уже приготовила.

Он поднялся и пошел к воротам, думая над словами матери. «Да, ты права, мать, сколько можно жить среди чужих? Но беда в том, что я чувствую себя чужим и среди своих, никакой разницы – что там чужой, что здесь, только эта чуждость там легче переносится. Почему так сложилось все? Может, оттого, что искал всегда независимости. Ведь здесь как? Каждый норовит поучать тебя, а это не каждому нравится. Конфликт, говоря в общем, отцов и детей еще никто не отменял».

С этими мыслями вышел за ворота и направился в сторону моря: всегда шел к воде, если одолевали тягостные мысли. Сам себе твердил: «Вода уносит все плохое», и в этом была правда. На берегу водоема всегда себя чувствовал хорошо, еще в детстве мог часами сидеть на берегу реки и наблюдать. Мысленно все рассказывал воде, вот и вновь оказался на берегу моря. Народ уже прибывал к берегу; несмотря на это, уединение найти было нетрудно.

Глава семьдесят четвертая

РАЗДУМЬЯ

«Неужели мать начинает забывать происходящее?» – подумал Реван. Все, что она рассказала утром, происходило при нем: тогда еще жил в Баку. «Впрочем, немудрено, с твоими переездами и забыть недолго, ты сам-то, наверное, не все помнишь. Все возможно, но одно событие помню точно – возвращение в республику Гасана Алиева».

Стоял на берегу и делился мыслями с водой. Среди его поколения имя Алиева вызывало восхищение: как говорят, осознав себя, они видели его у власти и потому всех последующих в моральном плане не могли признавать. У него же это чувство обострялось тем, что когда покидал республику, Алиев был у власти, а когда вернулся, его уже не было, а вернулся в очень горячее время.

В Баку Гасан Алиев вернулся летом девяностого года, был избран депутатом Верховного Совета, а в девяносто первом – председателем Верховного Совета Нахичевани.

Сразу после январских событий многие активисты Народного фронта были арестованы КГБ СССР, однако вскоре все были освобождены, вернулись в республику и были избраны депутатами Верховного Совета республики. Верховный Совет назначил президентом Талибова. При нем произошло самое важное событие двадцатого века в мире – распад Советского Союза и обретение Азербайджаном, наряду с другими республиками, полной независимости. После Ходжалинского геноцида, совершенного

армянскими вооруженными силами при поддержке воинского контингента России, дислоцированного в Ханкенди (Степанакерте), в девяносто втором году, Талибов ушел в отставку, однако тот же Верховный Совет в скором времени призвал его вновь в президенты. Это вызвало возмущение народа, повсеместно начались митинги протеста, и Талибов покинул республику.

Медленно, тихими шагами шел по берегу размышлял о происходивших трагических событиях в республике в частности и вообще в империи.

Ходжалы... Одна из трагичных и кровавых страниц в истории Азербайджана в двадцатом веке. А сколько было и сколько еще будет написано таких страниц? На протяжении всей своей истории Азербайджан представлял собой лакомый кусок для жадных до чужого добра сильных мира сего.

Говорят, земли Азербайджана очень плодородны, и это правда. Никто не задумывался, почему? Может, оттого, что эти земли обильно политы кровью? Почему бы нет! Вот смотри: самые плодородные земли там, где постоянно шли войны, проливалась кровь. Возьми Кавказ, что Северный, что Южный, – постоянно идут войны. А Украина: помнишь, еще у Шевченко ты читал, как Запорожскую Сечь затопили в крови и уродился богатый урожай картошки, тогда царица была очень довольна. Когда читали эти строки вместе с другом, слезы наворачивались на глаза, и каждый старался не показывать это, только один раз это тебе не удалось, все-таки пошли слезы по щекам.

А как было в начале века, когда большевики и армянские дашнаки практически весь Азербайджан затопили в крови – и большевицкие вожди тоже были довольны? Все захватчики всегда довольны своими приобретениями, они никогда не задумываются над тем, какой ценой обходились эти приобретения. Вспомнился вопрос, некогда заданный другом Реценко во время одной из бесед. Тогда друг задал

вопрос, смысл которого сводился к следующему: «То, что империя не любит вас, азербайджанцев, понятно, а почему так плохо относятся к грузинам, в отличие от армян?» Тогда он ответил другу коротко: «По той же причине, что и к вам – хохлам или белорусам». Далее не стал тогда развивать мысль, и друг не стал ничего добавлять, однако всплывшая из глубины памяти мысль начала сама развиваться, как вода в реке во время весеннего разлива.

Империя плохо относится к грузинам, хохлам и другим единоверным народам по той причине, что земли всех этих народов оккупировались, а армянам земля была подарена. Ведь Армения создавалась на землях Азербайджана и Грузии. Она опасается всех народов, кроме армян; наверное, в этом нет ошибки, с точки зрения самой империи. Однако назовем вещи своими именами: русская империя допускает большую ошибку; армяне на протяжении всей истории занимались только тем, что предавали. Здесь перед глазами встал образ учителя Шамдана, который в своих работах очень много писал об этом. Да будет земля тебе пухом, учитель, многому ты научил меня.

Как бы далеко не уходил в мыслях, все равно возвращался к Ходжалинским событиям. Его не оставлял вопрос, как быть дальше, и не только ему, а всему народу. Простить такое – это невозможно, даже если захочешь. Думать о мести? То есть как? Уподобиться этому зверью в человеческом облики? Разве это возможно? Потом, ты же прекрасно знаешь: при всем множестве недостатков у твоего народа, он не способен на массовую мерзость, озверелость. Слово «озверелость», наверное, даже не очень подходит, потому что даже у зверей нередко просыпается чувство, которое применительно к человеку называем благородством, когда они не уничтожают детенышей других зверей.

Нужно просто помнить историю и делать все, чтобы она не повторилась, потому как забытая история напоминает о себе возвращением, только более жестким и кровавым.

Прошли новые президентские выборы, и с бесспорным преимуществом Абульфат Алисой был избран новым президентом. Став президентом, Абульфат Алисой выдвинул на ответственные должности бывших единомышленников, арестованных КГБ СССР еще в девяностом году. Однако бывшие единомышленники, возможно, из-за ареста в свое время или из-за чего-то другого, перестали быть единомышленниками, все стали противниками и между собой, и друг другу, и все вместе – Алисою. Республику колотило и трясло, в армии (если ее можно было так назвать) начались бунты. Угроза распада республики по районам (никакой иронии) стала реальностью. Армения захватывала один район за другим, и таким образом вокруг Нагорного Карабаха были захвачены еще семь районов. В это время Алиев был избран председателем Верховного Совета республики, и у людей появилась надежда на стабилизацию.

Алисой покинул пост президента, и Гасан Алиев, согласно Конституции республики, стал исполнять обязанности главы республики и Верховного главнокомандующего. У офицерского корпуса вооруженных сил возникло чувство уверенности, и армянская армия впервые встретила настоящее военное сопротивление в Физулинском направлении.

В республике был проведен референдум по отстранению от должности Абульфата Алисой. Сам тогда входил в состав одной из участковых избирательных комиссий и был свидетелем активности народа – это была активность надежды, и народ не ошибся.

Молча наблюдал за прибоем и не обращал внимания ни на кого. Его от мыслей оторвал родной голос старшей племянницы. Она с присущей ей вольностью (мы уже отмечали: с ним все дети очень быстро набирались смелости) сказала:

– Дядя, я тебя должна искать по всему побережью от Хачмаса до Баку, что ли? Чего стоишь, хинкали остывают,

бабушка скоро весь дом перевернет. Мы приехали из города, а тебя нет. Пойдем быстрее, папа с гостями ждут.

– Нет, моя сладкая, лучше от Дербента и до Тавриза.

– Вот и я о том же говорю. Давай скорее!

Когда произнес эту фразу, вспомнил одно свое стихотворение, написанное давно, в середине восьмидесятых, но по какой-то непонятной причине не уничтоженное. Тогда он говорил другу: «По Самуру и Аразу течет боль моей души, они и есть мои кровеносные артерии».

Я топлю горе
В горьком вине.
Происходит это
По чьей вине?

Одна на севере,
На юге другая:
Две империи
Разделили мои
Кровеносные артерии.

Зажата душа
Крепко в тиски,
Разорвана Родина
На мелкие куски!

Плачу, тяну руки
К любимому Тавризу.
Но Мулла Тегеранский
Скорее облачится
В католическую ризу
Иль стоя помочится,
Нежели даст мне визу.

Конечно, Мошу не поняла, какой смысл вкладывал в эту как бы в шутку сказанную фразу ее любимый дядя.

Он почувствовал, что слезы наворачиваются на глаза. Чтобы не подать виду, сказал:

– Слушай, ты же знаешь, я вообще не пью. – Сам подумал: «Ну да, конечно». – Пусть без меня кушают, я потом.

– Никаких потом, пошли, я сказала.

– Мошу, с тобой легче помереть, нежели поспорить, пошли, – и для поддержания разговора спросил: – А где твой кот Миша?

– Дома, в городе, с сестрой. А твой Мейсон где, и как мои братики?

– Там остался, с братьями твоими; о них лучше не спрашивай: легче с десятью умными, как Мейсон, котами справиться, нежели с тремя твоими братьями. Ты не представляешь, какой он умница, правда: многие вещи понимает лучше твоих братьев.

Оба засмеялись и пошли в сторону дома. Мошу то убегала вперед, то прибегала к нему и хватала за руку со словами: «Ну давай, пойдем быстрее». Ему трудно было понять, отчего так суетится его любимая племянница Мошу: то ли хотела, чтобы он быстрее шел домой и поел любимые хинкали, то ли ей самой не терпелось быстрее дойти до дома и отведать любимое бабушкино блюдо. Скорее всего, и то, и другое. Знал, что она его очень любит. Глядя на нее, вспомнил семью Стропиных, свою первую племянницу Катерину. Интересно, где они сейчас? Наверное, Толя перевелся куда-нибудь в Россию, ведь всегда хотел перебраться в Москву, где были у них общие знакомые.

Когда они подошли к воротам, Мошу крикнула:

– Бабушка, положи нам поесть, я уже здесь!

«Кажется, моя любимая Мошу все-таки о себе больше думает, чем о дяде», – подумал и вслух сказал:

– Что, маленькая, когда хинкали ближе, можно и дядю немного отодвинуть, так? Или я ошибаюсь?

Оба смеясь зашли во двор.

Глава сорок пятая

ОСЕНЬ...

Орхан Вересли до самой глубокой осени практически жил один. Несколько раз приезжала жена, уговаривала его тоже поехать в Москву, однако тот категорически отказывался и утверждал, что не считает себя виноватым. Как рассказывала жена, сын устроился на работу, все налаживается, снимают квартиру. В последний раз, а это было в начале октября, поехал провожать жену в аэропорт, и, как ему казалось, никто не обращал на него внимания. Правда, соседи общались холодно, но к этому уже практически привык. Когда стал жить один, выработал в себе привычку вечерних прогулок пешком – от дома по набережной до бывшей площади Ленина и обратно. Это ему помогало от бессонницы, преследующей его в последнее время.

В тот день вышел на прогулку раньше обычного. «Подольше погуляю и на обратном пути зайду в магазин», – решил для себя. На площади Азнефть перешел дорогу и пошел по набережной по уже проложенному маршруту. Прошел почти половину пути, когда огромная овчарка, стремительно обойдя, задела его. От неожиданности резко отпрянул и чуть было не упал, однако сумел сохранить равновесие и отчетливо услышал команду, видимо, хозяина собаки: «Орхан, ко мне!» Тут же молодой парень оказался рядом, схватил собаку за ошейник, пристегнул

поводок и надел на нее намордник. Повернувшись к нему, сказал: «Извините, пожалуйста, плохо слушается: еще маленький, всего семь месяцев ему». От услышанного ему стало не по себе. «Уже собак называют моим именем», – промелькнула мысль, однако вежливость юноши подкупила его, и не удержался, дружелюбно спросил:

– Как ты назвал его? Кличка интересная.

– Тархан. Раньше, когда я был маленький, у меня был кот, но он умер. Вот, подарили мне его, и назвал тем же именем.

– Хорошо, мы поняли, он еще маленький. А тебе сколько лет?

– Восемнадцать скоро исполнится, но я сейчас уже не попаду на призыв, поэтому весной пойду служить.

– А у тебя есть брат или сестра? И кто у тебя родители? – Ему приятно было разговаривать с этим словоохотливым парнем, ведь почти ни с кем не общался.

– Да есть, мы живем втроем: мама, сестра и я. Папа погиб двадцатого января, мне было чуть больше месяца тогда. Мама все время рассказывает нам с сестрой о папе.

– Тебе нравится служить? Почему не хочешь поступать в университет?

– Я хочу поступать в военное, годик послужу и пойду в училище.

– Желание быть военным – благородное. А почему ты хочешь быть военным?

– Хочу участвовать в освобождении наших земель. Мама говорит, что папа погиб в конечном итоге за эти земли. Я должен там быть – не вам же идти, когда начнется война. Если на войне погибают молодые – это почетно, это долг, но если пожилые, то это позор для молодых.

От этих слов отдало каким-то непонятным холодом, но сдержал себя. Слова юноши вывели его из себя; попрощался с ним, прервал прогулку и повернул обратно. Никак не мог поверить, что тот юноша собаку назвал Тарханом. «Конечно, нет, он назвал пса моим именем, потом признал

меня и только из-за вежливости придумал новое имя. Они все меня ненавидят, от мала до велика», – прошептал про себя. Шел медленными шагами в сторону дома, пропало желание зайти в магазин. «Уже не нужно будет».

Замок входной двери поддался нелегко, но все-таки открыл дверь и вошел в квартиру. «Надо одним махом решить все эти вопросы, покончить раз и навсегда со всеми этими безобразиями. Сколько можно терпеть все это!» Переодевшись, прошел в гардеробную, достал из шкафа шелковую бельевую веревку и пошел в ванную комнату. Осмотрелся, взгляд остановил на крюке, который так и не срезали после ремонта. Встал на край ванны и конец веревки закрепил за крюк, завязал петлю и накинул себе на шею. Перед тем как спрыгнуть с края ванны, решил проверить надежность.

Его удивляли собственное хладнокровие и расчетливость. Двумя руками схватился за веревку и резко дернул ее. Пошатнулся и упал с края ванны прямо на пол. Сначала подумал, что не накинул на себя петлю, но когда увидел крюк, закрепленный к концу веревки, понял все. «Сорвалась, зараза. Захочешь помирать – и то не удастся», – подумал и прислонился к ванне. «Вот это настоящее падение». При этом слове его словно ударило током. «Нет, это не падение, это ты просто упал с края ванны, что могло произойти в любой ситуации, при замене лампочки, например. Твое падение в том, что хотел уйти из жизни таким образом. Почему и как ты себя довел до такого, Орхан Вересли? Может, этот сорвавшийся крюк – ничто иное, как знак от высших сил, чтобы дать тебе шанс осознать все содеянное. Этим романом ты поступил нечестно, не благородно – не только по отношению к народу, частицей которого, как ни крути, ты являешься, а прежде всего к самому себе. Ты пошел за поиском дешевой славы и жестко поплатился за это».

Вспомнил о беспорядке в кабинете. «Если с первого раза не получилось, значит, это к лучшему. Надо навести

порядок в кабинете и написать записку». Чертыхаясь, отбросил веревку. «Тьфу ты, по-нормальному ничего невозможно сделать, что за день проклятый!» – подумал и пошел в кабинет. Осмотрел книжный шкаф во всю стену, подошел к полке армянской литературы.

Сборники друзей красовались на двух полках. Взгляд остановил на одготомнике Геродота Татевосяна, протянул руку и достал его, начал бегло пролистывать. Неожиданно выпал запечатанный конверт. Поднял его, прочитал надпись: «Вскроешь, когда вспомнишь» – и узнал почерк друга. «С тобой мы подружились, но толком так и не дружили. Рано покинул нас», – обращаясь в пространство, вслух сказал он и распечатал конверт, достал из него сложенный лист бумаги, развернул, сел в кресло и начал читать...

«Дорогой Орхан, меня радует, что ты все-таки вспомнил обо мне, и обидно, что это произошло так поздно, но, слава Богу, все же произошло. Меня уже нет, и об этом я знал еще тогда, когда мы познакомились с тобой в начале шестидесятых годов в Ереване. О своей болезни тогда я только догадывался и, как видишь, не ошибся. Это ладно, речь не обо мне, давай поговорим о тебе. Я с первого дня нашего знакомства считал тебя своим другом, знал, что и ты так считаешь, однако всячески избегал встречи со мной, и мы оба знаем почему. Когда эти человеконенавистники во главе с Зорданом всякими путями втягивали тебя в свой круг и вовлекали в свои грязные игры, я наблюдал за всем этим с тяжелой болью на сердце. Я тебе ничего не говорил, только пытался остановить, ведь дружба – выбор каждого человека в отдельности, не имел права указывать тебе. Я тоже прекрасно знал, кто твоя мама, но они использовали этот фактор не во благо, а во зло. Ты своим прекрасным творчеством и талантом мастера слова мог бы построить духовный мост дружбы между нашими народами, но усилиями негодяев мощь твоего огромного таланта была направлена на разрушение

того добрососедского отношения, которое было до этого. Ведь я читал все твое, что печаталось, и понимал, кто в твои уста вкладывал эти мысли. То, о чем я подумал в тот день, когда вы поехали в Дилижан, к сожалению, начало сбываться почти сразу же.

Помнишь, я тебе тогда сделал подарок вместе с этим письмом; видимо, ты не понял. Это был символический знак – морской бинокль, подсказка тебе на будущее; тогда хотел сказать, чтобы ты заглянул в будущее, за дальние горизонты своих отношений, которые тебе уготовили твои новоявленные друзья во главе с негодяем – Зорданом.

В последнее время началась новая волна на тему трагедии, произошедшей в начале века с нашим народом, имею в виду события в Османской Турции. Я определяю эту тему как предельно запредельную и отношусь к ней с особой душевной болью и трепетом, потому как нельзя в отношении ее бросаться терминами налево-направо, как делается это в последнее время. Хорошо известные тебе люди трубят на каждом углу о геноциде армян. Начнем с того, что этого термина в то время не было. Как известно, возник он недавно, после войны, и переносить его на события почти пятидесятилетней давности я считаю неправильным. О трагедии прошлого нельзя кричать, над ней нужно только тихо размышлять, чтобы не повторилась. Мы, армяне, любим мерить на себя чужой архалук и при этом не стесняюсь говорить, что это наш. Ничего не поделаешь, черта характера, но ее можно изжить, если вести правильное воспитание нового поколения; однако этого не делает никто, более того, не дают делать тем, кто хочет этого. Как только заговорили о геноциде евреев в годы войны, наши тут как тут, сразу же заявили о своем. Ты посмотришь: пройдет некоторое время, наши горе-историки будут отрицать геноцид евреев и будут говорить только об армянском. Они, я имею в виду историков, напоминают мне особый тип людей, которые ничего не видели, не знают, но действуют по принципу: «Я свидетель, а что случилось?»

О событиях тех лет нужно говорить и писать языком того времени, потому что только тогда можно добиться объективности. Имели ли место события? Да, имели, и уничтожение было взаимное. Армяне говорили: «Убей мусульманина!», а турки наоборот: «Убей христианина!» Дорогой Орхан, есть тут очень тонкий исторический, психологический фактор. Державы, развязавшие войну против дряхлеющей Османской империи, свою политику раздела мира проводили под покровом освобождения народов от гнета, не выдвигали лозунга «Убей мусульманина», но при этом внедряли его в мозги малочисленных христианских народов империи. Истребление было взаимное, и ни один из этих людей, с той или с другой стороны, не знал слова «геноцид». Одни считали, что добьются свободы от ненавистной империи, а другие защищались. Как должно было поступать государство, ведущее войну фактически против всего мира, – не знаю, пусть историки разбираются, а мы с тобой вспомним пятьдесят шестой год в Венгрии, были уже достаточно взрослые. Наверняка, такие события еще будут повторяться, к сожалению, не раз. Чего далеко ходить, недавно же был Новочеркасск. Орхан, наш народ немногочисленный, только этого не понимают горе-лидеры и время от времени подвергают его истреблению и изгнанию. Они любят оплакивать убитых, в смерти которых сами же повинны, но не заботятся о живых. Вся эта шайка-лейка, которая так крутится вокруг тебя, принесёт непоправимые беды народу. Я заранее сожалею, что ты тоже будешь втянут в их грязные игры.

На протяжении веков с нашим народом происходили разные трагические события, которые научили нас выживать в окружении более сильных, способных проглотить нас в одно мгновение. Этот фактор сформировал у нашего народа раненное сознание, а это, в свою очередь, породило уязвленное самолюбие, что есть фундамент того уродливого явления, которое я называю извращенным

шовинизмом, – вот почему, что бы мы ни видели вокруг, все называем армянским. Отсюда открывается дорога к фашизму. Если сегодня не остановить этих людей, трагедий не избежать.

Орхан, запомни: фашизм рождается там, где «задето» самолюбие народа. Вспомни Германию: проиграла Первую мировую, почувствовала себя оскорбленной, начала Вторую мировую, итог знаем прекрасно. Российская империя проиграла войну 1904–1905 годов, имею в виду Порт-Артурскую войну. Вступила с целью реванша в Первую мировую, результат – частичный развал империи, и что построили – знаем, не будем углубляться.

Пусть тебя не удивляет, в этом контексте я хочу сказать несколько слов о турках. Казалось бы, с ними тоже должно было произойти то же самое, что с другими, в частности вышеназванными, народами. Однако этого не произошло, и закономерный вопрос: почему? Ответу сам: потому что турки – создатели истории; признаем мы это или нет, от этого ничего не меняется. Они создали в истории, по скромным подсчетам, чуть ли не пятнадцать империй и уже прекрасно умеют воспринимать историческую реальность. Развалилась Османская империя в Первую мировую – им наплевать, в исторических границах своих создали государство, свободное от давления имперского мышления, и прекрасно живут и развиваются.

Все народы, населяющие территорию этой страны, чувствуют себя оскорбленными или, как я назвал выше, с уязвленным самолюбием, и это рано или поздно, а скорее очень рано, даст о себе знать. Орхан, надо все-таки смотреть вперед, тебе не поздно, можешь все исправить и быть полезным своему народу. Жизнь еще многому может научить, главное – сделать правильный вывод».

Он долго не мог оторваться от письма и все не мог понять: мистика это или же реальность? Сколько лет уже нет с нами Геродота, а он разговаривает со мной в сегодняшнем времени. Бережно сложил письмо, вложил в конверт,

взял его однотомник и положил письмо в него. Книгу переложил на другую полку, к своим книгам. «Да, пора навести порядок в библиотеке, а то мусора много накопилось. Ладно, сейчас не время, после возвращения». Сам удивился своей мысли: «Какое возвращение, откуда?» Подумав недолго, сам же ответил себе: «Из Турции!»

Вышел из кабинета, подошел к телефонному аппарату и набрал номер агентства, заказал билет на один из австралийских рейсов в Анкару. Заказал также разговор с Москвой, чтобы предупредить жену и сына.

После разговора с женой почувствовал душевное облегчение, словно с плеч сняли тяжкий груз.

На следующий день, во время регистрации рейса на Анкару, произошел неприятный инцидент: одного из пассажиров, пожилого мужчину, не хотели регистрировать. Вмешался начальник смены, посмотрел в его паспорт, бросил на стол у стойки регистрации и, обращаясь к девушке – работнице аэропорта, сказал: «Вам что, делать нечего? Пусть катится куда хочет!» Вскоре мужчина получил свой паспорт и прошел на посадку в самолет. Он шел и непрерывно слышал только одну фразу: «Пусть катится куда хочет!» Ему казалось, что эту фразу повторяют все находящиеся в аэропорту люди.

Глава семьдесят шестая

СТРОКИ ГРУСТИ

Санаторий этот расположен на берегу реки. Река очень большая, широкая и достаточно глубокая, по ней ходят большие суда – как грузовые, так и пассажирские. Людей на берегу было много: все отдыхающие высыпали на берег, кто купался, а кто просто сидел на лавочке и смотрел на реку. На этом месте наблюдать за рекой было интересно, течения будто не было, и не знающий местность человек, наверное, не смог бы определить его направление.

На отдаленной лавочке одиноко сидел немолодой мужчина и время от времени делал записи в блокноте. Со стороны могло казаться, что тот сначала долго разговаривает с самим собой и только после делает короткие записи. Это так и было в самом деле: Реван пересказывал сон.

Ночью снилось ему детство, и почему-то залез в сад к своему дяде – такого никогда не делал, но против сна не пойдешь. «Значит, когда-то испытывал такое желание, раз снилось», – подумал и улыбнулся. Сад дяди и сельское кладбище разделяла проселочная дорога, и в самом начале кладбища была похоронена вся его родня. Долго стоял под яблоней и смотрел на могилы родных. От могил дедушки и бабушки практически ничего не осталось, они почти сравнялись с землей. Строки, можно сказать, родились во сне, сейчас только восстанавливал их и записывал в блокнот.

Снится долгими ночами мне
Давно заброшенное наше кладбище,
Ставшее отцу, деду и всей родне
Как последнее, надежное пристанище.

Не забыть мне родные просторы,
Устремляю во сне я вдаль взоры.
Не взмахнуть крыльями для полета,
Недоступны давно родные горы.

Снятся обвивающие горы дороги,
Завораживают скалы, как оленьи роги,
Это все сон. Все это во сне. А что наяву?
А наяву – неприветливые, чужие пороги!

Горы! Перевелись твои сыны смелые,
Покинуты потолками сады спелые.
Неизменными на века остались только
Покрывающие вершины келагаи* белые!

Глядя на текущие воды талые,
Обретали покой глаза усталые,
Тоска разрывает душу в клочья,
Не помогают слезы запоздалые.

* Келагаи – платок азербайджанок размером примерно полтора на полтора метра. Изготавливают из особого вида шелка. По-моему, впервые произвели в Шеки, затем получил распространение по всему Азербайджану. У каждой зоны своя технология. Они разноцветные, каждый цвет повязывается по конкретному случаю.

*Снятся долгими ночами мне
Давно заброшенное наше кладбище*

Снятся обвивающие горы дороги

Неизменными на века остались только
Покрывающие вершины келагаи* белые!

Закончив писать, он встал и пошел по берегу реки в задумчивости. Ему здесь нравилось, и при малейшей возможности приезжал сюда отдыхать. Глядя на реку, вспоминал далекое детство, ведь оно у него тоже прошло на берегу реки, только его река была маленькой, но течение имела быстрое. Найдя безлюдное место, подошел ближе к воде. Оставив на берегу пляжные тапочки, залез по колено в воду, увидел плавающих рыб и вспомнил свой первый день в родном Алтычае: тогда, как только приехали, добежал до небольшой речушки недалеко от дома, там тоже плавали маленькие рыбки.

Малой стоял на берегу реки и «ругал» рыбок за то, что не уплывают куда-нибудь далеко, не пользуются возможностью свободы.

Улыбнулся и, обращаясь к ним, начал разговор: «Что, мои хорошие, все-таки приплыли тоже? А на кого оставили нашу речушку? Да, все мы одинаковы: сначала усиленно

пытаемся от чего-то уйти, избавиться, а потом грустим, тоскуем. Мы так поступаем не только в этом, нет, – во всем. Какой же огромный путь пришлось нам преодолеть, чтобы встретиться здесь; вам, наверное, было гораздо труднее, ведь вы сами плыли всю дорогу, а меня возили. Молодцы вы, все-таки добрались».

От мыслей его оторвало мяуканье кошки совсем поблизости. Обернулся: почти рядом с ним стоял огромный кот, скорее всего, уже почти не домашний, но и не во все одичавший, о которых говорят: ходят сами по себе. Вот и Мастанчик тоже пришел. Обращаясь к коту, сказал: «Что, Мастан, рыбок захотел? Нет, не получишь: они особенные, нельзя их ловить, они издалека, гости». Странным было то, что кот не уходил и все смотрел на него. Радости Малого не было предела, он был счастлив: рядом Мастан, рыбки и его маленькая речушка.

Мощный гудок огромного туристического пассажирского лайнера отвлек его от воспоминаний и вернул в реальность. Волны, разбуженные движением судна, догоняя друг друга, «бежали» к берегу. Вспомнились волны бухт Горностай и Тихая. Там они возникали сами по себе, по желанию ветра.

Ему и тогда нравилось стоять на берегу и наблюдать. Вспомнил свой самый любимый город Владивосток, его завораживающий ночной вид. Тогда, еще будучи студентами, они всей группой любовались его неопишуемой красотой, отраженной, как в зеркале, в водах бухты Золотой Рог. Кто-то из ребят в один из вечеров так и сказал: «Золотой рог – ночное зеркало нашего Владика» – так нежно называли они свой город. «Эх ты, родной мой Владик, должок тебе так и не вернул, какой же я друг после этого», – глядя на волны, с грустью подумал про себя.

На волнах качался весь седой, с грустными глазами мужчина и смотрел на него. Малой тут же исчез; рыбки, встревоженные волной, уплыли куда-то. Невозмутимым был только кот на берегу, даже не шелохнувшись, тоже куда-то смотрел и, видимо, думал о чем-то своем.

Мужчина вышел из воды, надел пляжные тапочки и направился в сторону санаторного корпуса. «До ужина еще долго. Надо зайти в кафе, хотя вид и несоответствующий, но простят, наверное, пока никого нет».

Когда зашел, там никого не было, кроме барменши Кати, стоящей за прилавком и скучающей. Увидев его, она будто обрадовалась, опережая события, спросила:

– Вам как всегда?

– Нет, Катя, пока двойную порцию, а там как Бог положит.

Она налила ему полный стакан коньяка и рядом положила плитку горького шоколада. Он взял все с прилавка и пошел к дальнему столику.

– Катя, в конце рассчитаете, – обернувшись, сказал.

– Хорошо, еще что будете? – спросила она.

– Пока ничего не надо, спасибо.

Минут через пятнадцать из дальнего угла зала до Кати донесся призыв:

– Катя, пожалуйста, еще раз повторите все это! – «Надо чего-нибудь заказать здесь, и к черту ужин», – подумал и добавил: – И что-нибудь сделайте на ужин.

Катя все принесла и сказала, что минут двадцать-тридцать придется подождать, пока приготовится ужин, потому как сегодня середина недели, клиентов может вообще не быть, готовят только на заказ.

– Хорошо, не торопитесь.

Вспоминал прошлое: города, людей, друзей, – и его охватывала грусть. Всегда почему-то из всех городов с особым трепетом вспоминал о Владивостоке. Писал очень увлеченно и не заметил, как подошла Катя с подносом. Сколько она стояла, не мог знать, потому что та не стала отвлекать его. Когда поднял голову, увидел ее, извинился и сказал:

– Хотите, прочту вам новое стихотворение – для искупления вины, что заставил вас ждать?

– С удовольствием послушаю, – и поставила поднос на стол.

– Стих я посвятил любимому городу Владивостоку:

Владивосток, Владивосток,
Моей любви чистый источник.
Расстались мы, прошли годы,
Из книги жизни вырван листок.

Владивосток, Владивосток,
Судьбы недописанный листок.
Вялотекущая река жизни
В объятиях твоих найдет сток.

Владивосток, Владивосток,
Ты сердцу мил и очень дорог.
Надеюсь, повезет поглядеть разок
В ночное зеркало Золотой рог.

Владивосток, Владивосток,
Ты друзьям мил и всем дорог.
Расстались мы по воле судьбы,
Не суди и не будь слишком строг.

Владивосток, Владивосток.
Полню «Лотос» – милый кабачок.
Звон бокалов: чок, чок, чок.
За соседним столиком говорят:
«С возвращением тебя, морячок!»
Хочу, чтобы друзья снова и снова
Раскрутили меня на коньячок.

Вспоминаю всех друзей разом:
Наш «полковник» Сережа Степин,
Юрий Кудря с Кривовязом
И молодой лейтенант Тропин.
Одолевают грусть с тоской,
Где же Сережа Липовской,
Сергей Сергеев, Петя Фадеев,

Витя Поздняков – волк морской?
Не забыть мне милых дружков.
Интересно, где же сегодня
Гена Аристов, Вова Глушков?

– Как здорово, – сказала Катя. – Еще о чем пишете?
О любви есть у вас стихи?

– Есть разные, даже цикл стихов с пометкой «сорок пять плюс».

– Такого не бывает, есть «восемнадцать плюс», – засмеялась она.

– Бывает, Катя, бывает; они безобразны, как и моя жизнь, потому таким молодым дамам их читать нельзя, вот когда будет вам сорок пять, дам прочитать.

– Я давно знаю, что вы пишете: не первый же год сюда приезжаете, у вас всегда с собой блокнот и ручка.

Пока Катя говорила, он продолжал что-то писать и, когда она закончила говорить, сказал: «Это вам» – и протянул ей листок. Прочитав написанное:

Я топлю разум
В горьком вине.
Все это происходит,
Катя, по твоей вине!

она засмеялась и сказала: «А при чем тут я?» Однако чувствовалось, что второй куплет ей понравился:

Твои темные томные глаза
Излучают любовь, излучают свет.
Видел ли я что-либо красивее, когда?
Повторю многократно: «Нет, нет, нет...»

- Как при чем? Кто мне подает вино, может, не вы?
- Неправда, я подала вам коньяк.
- Все одно, отнимает разум.

– Можно я листок возьму себе? – спросила Катя.

– Конечно, возьми, стих же тебе посвящен.

Около двенадцати ночи по коридорам санатория, слегка покачиваясь, с бутылкой коньяка в левой руке шел седой мужчина в поисках своего номера. Наконец дошел до номера, достал ключ и попытался открыть дверь, но ключ никак не попадал в замочную скважину, и, когда ему наконец удалось сделать это, услышал за спиной приятный женский голос:

– Давайте я вам помогу!

– Да, помогите, пожалуйста, буду вам признателен.

Послесловие

ОТ АВТОРА

Дорогой читатель, если у тебя хватило терпения пройти часть жизни героев в одиночестве, то есть без них, огромное спасибо! По сюжету романа, некоторые переселились в вечность, а других жизнь разбросала в разные углы. Автор не пытался менторским тоном указывать на правильность или неправильность конкретного поступка. Каждый из героев сам совершает свое действие и сам же себе дает оценку, разве что еще самому близкому другу. Они никого не пытаются учить, живут своей жизнью.

Нелегко правильно оценить поступки и события, находясь внутри потока, названного временем, и пытаясь наполнить его, чтобы придать смысл. Поступки совершены, события позади; теперь же, дорогой читатель, тебе предстоит дать оценку времени прошедшему. Постарайся быть справедливым.

С уважением, автор

Содержание

Глава первая	
Новые лица, новые знакомства, кухонные диссиденты, инакомыслящие	7
Глава сорок вторая	
«Наконец-то мы познакомились», – сказал один. «То ли радоваться, то ли огорчаться», – подумал другой	15
Глава сорок третья	
Сон	20
Глава сорок четвертая	
Старые знакомые снова вспомнили.....	25
Глава сорок пятая	
«Голоса» из эфира сеют сомнения в душах	32
Глава сорок шестая	
Тяжелое утро похмелья.....	44
Глава сорок седьмая	
От коньяка все умнеют	52
Глава сорок восьмая	
Первые пробы пера	67
Глава сорок девятая	
Приглашение в гости.....	76
Глава пятидесятая	
Мечты сбываются	83
Глава пятьдесят первая	
Новые горизонты	90

Глава пятьдесят вторая	
К этому не был готов	98
Глава пятьдесят третья	
Сердце матери не обманешь	104
Глава пятьдесят четвертая	
Два эпизода из жизни отца, рассказанные матерью....	109
Отдельная глава 1	
Эти факты имели важное значение для него	114
Глава пятьдесят пятая	
Здравствуй, Владивосток, еще раз.....	116
Глава пятьдесят шестая	
Успех пробной атаки.....	133
Глава пятьдесят седьмая	
На улицах первые танки.....	140
Глава пятьдесят восьмая	
Почетный гость.....	149
Глава пятьдесят девятая	
1985. Празднует Армения	163
Глава шестидесятая	
Год 1988. Начало	177
Глава шестьдесят первая	
Эхо доносится до Владивостока.....	180
Глава шестьдесят вторая	
Встреча. Прошло двадцать пять лет	187
Глава шестьдесят третья	
Последняя встреча. Здравствуй, мой Алтычай.....	197
Глава шестьдесят четвертая	
Прощай, родной Владивосток	202
Глава шестьдесят пятая	
Накал достигает предела	207

Отдельная глава 2	
Империя питается кровью.....	212
Глава шестьдесят шестая	
Продолжение повествования.....	219
Глава шестьдесят седьмая	
Кругом митингуют, кругом баррикады	224
Глава шестьдесят восьмая	
Кровавое утро.....	229
Отдельная глава 3	
Москва, площадь Дзержинского	235
Глава шестьдесят девятая	
Письмо от друга	247
Глава семьдесятая	
Письмо другу	254
Глава семьдесят первая	
Новые реалии.....	271
Глава семьдесят вторая	
Триумф или, может, трагедия	279
Глава семьдесят третья	
Возвращение к старому разговору.....	289
Глава семьдесят четвертая	
Раздумья.....	298
Глава семьдесят пятая	
Осень.....	302
Глава семьдесят шестая	
Строки грусти.....	310
Послесловие от автора.....	319

Литературно-художественное издание

Рустам Рустамов

ПАДЕНИЕ

РОМАН В ДВУХ ТОМАХ
(издание дополненное, переработанное)

ТОМ 2

12+

Редактор: О. Варваркина
Корректор: В. Егорова
Оригинал-макет: Т. Кохан
Обложка: И. Фамилия

ISBN 978-5-9965-1821-0

Подписано в печать 04.11.2021
Формат издания 60x84/16. Цифровая печать.
Усл. печ. л. 18,83. Тираж 16 экз.

Издательство «СУПЕР»
199178, Санкт-Петербург, 7-я линия ВО,
д.80/2 лит. Д, пом. 5/3н
www.super-izdatelstvo.ru